

ISSN 0131-2596

ОХОТТА

и ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

9

2014

2014
✓9

Бологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Об обществе охотников и рыболовов Дагестана

Редакция журнала старается последовательно знакомить своих читателей с состоянием охотничьего хозяйства и с охотами в разных регионах страны, но есть один, о котором информации очень мало, это Северный Кавказ. Иногда мы получаем письма и материалы из степной части Ставрополя, из прикубанской зоны, нередко нам пишут и из Астрахани, но точной информации о том, как на данный момент обстоят дела с охотничьим хозяйством в республиках Северного Кавказа у нас не было. Из литературных источников известно, что Северный Кавказ в прошлые годы славился не только великолепными охотами, но и богатыми охотничьими традициями.

В этот раз нам повезло. В Москву для участия в плановых мероприятиях по линии Ассоциации Росохотрыболовсоюз приехал Председатель Дагестанского Республиканского общества охотников и рыболовов Завурбек Юнусович Вазгидов и мы пригласили его в редакцию с просьбой рассказать о состоянии охотничьего хозяйства в Дагестане.

Данный материал не является интервью в прямом понимании этого слова, так как Завурбек к нему не готовился, а просто пришел и рассказал о жизни и заботах дагестанских охотников. Так что информацию мы получили, как говорится, из первых рук.

Беседу ведет главный редактор журнала А.М. БЛЮМ

Завурбек Юнусович, как давно Вы занимаете эту должность?

Три года. Ну, уж если быть совсем точным, то на момент интервью — три года без 1 месяца.

В каком состоянии Вы приняли общество?

Ничего плохого о моем предшественнике я сказать не могу. Сергей Алексеевич Плакса, более 30 лет руководивший Республиканским обществом, был очень достойный и уважаемый человек. На годы его руководства пришлись и годы активной работы общества, и годы депрессии. Наше общество создавалось по прямому указу императора и сейчас ему более 100 лет. В доперестроечный период число членов общества превышало 17 тыс. человек.

Я принял его в год принятия современного Закона «Об охоте...», который, образно говоря, здорово надавал общественному движению по рукам и спровоцировал отток охотников из общества. Выход охотников из общества продолжается и сейчас. Если 3 года назад было 12 тыс. членов, то сейчас мы имеем немногим более 5 тыс. членов. Но по сравнению с другими обществами мы находимся в лучшем положении. В Росохотрыболовсоюзе есть общества, в которых осталось около 800 или даже 500 членов.

Вы имеете в виду Республиканские общества?

Да, я имею в виду Общества охотников республик Северного Кавказа. Такому исходу членов есть объективные причины. Прежде всего, это отчуждение права на охоту от членского билета в пользу государственного. Легкость при получении госохотбилета, отсутствие сдачи охотминимума и трудоустройства подвигнуло многих охотников к выходу из общества. Но мы проводим разъяснительные беседы с охотниками в районах, активизируем работу в районных и межрайонных обществах, стремимся льготами привлечь их в свои ряды.

Похоже, что мы одни выжили из всех обществ Северного Кавказа, возможно, частично благодаря моим связям, т.к. по профессии я юрист, в свое время работал в прокуратуре, потом 8 лет в Правительстве республики, и мне проще решать некоторые насущные вопросы. На данный момент просто необходимо найти общий язык со всеми государственными структурами.

Приятно слышать, что общество живет. Какова площадь закрепленных за Обществом угодий?

Площадь наших приписных угодий 1 млн. 23 тыс. га. Территория разделена на 36 охотничьих хозяйств.

На фоне массы сложностей, которые сейчас подстерегают общественные охотничьи организации, не могу не спросить: есть ли вступающие в общество?

Да, вступающие есть, хотя и не так много, как хотелось бы

Сколько стоит вступить в общество?

400 рублей.

Всего 400 руб.?

Да. 400 руб. — вступительный взнос, плюс ежегодный членский взнос — 400 руб. и плюс 170 руб. — оформление, трудоучастие, и получается в общей сложности 970 руб., т.е. около 1 тыс. руб.

Надо отметить, что вступают в Общество люди вполне осознанно. Если раньше некоторые вступали только для получения охотбилета и затем разрешения на оружие, то теперь, поскольку наш билет не дает права на охоту, к нам вступают именно для того, чтобы быть членом Общества охотников.

Что касается Ассоциации в целом, то мне приятно видеть, что между ее членами установились добрые, я бы сказал, товарищеские отношения, нет никакой дискриминации ни по богатству организаций, ни по национальному признаку. В системе царит чисто охотничий дух, понятный и приятный всем членам. В обществе работает очень много преданных делу лю-

дей, я не побоюсь этого слова, фанатично преданных охоте и охотничьему хозяйству.

Есть ли льготы при вступлении в Общество для пенсионеров, ветеранов, участников военных конфликтов и т.д.?

Да, есть. Они платят меньше.

Какова стоимость путевок на нелицензионные виды дичи?

У нас охотники платят 400 руб. за разрешение (эти деньги идут государству) и еще 400 руб. за сезонную путевку на все нелицензионные виды. Мы проводили эксперимент и увеличивали стоимость путевки, но охотники нас не поддержали. Нужно учитывать, что в республике сложная экономическая ситуация и большинство людей живут небогато. Более того, такие же невысокие цены на путевки сохраняются также и для всех охотников из других регионов, имеющих охотбилет Ассоциации Росохотрыболовсоюз (только добавляем 170 руб. за трудоучастие). А вот для охотников с госбилетом цены уже другие. Они платят гораздо больше. В разы!

То есть из других регионов охотники к вам приезжают?

Да, приезжают и довольно много. Приезжают из Астраханской области, Краснодарского, Ставропольского краев и из более отдаленных регионов. В настоящее время мы начинаем достаточно плотно контактировать с Чеченским Республиканским Обществом Охотников, приглашаем их к себе, обмениваемся информацией, заключаем взаимноинтересные договора.

Завурбек, что привлекает охотников из соседних регионов к вам, что есть у вас такое, чего нет у них?

Наша республика географически находится в более выгодном положении, ведь у нас есть Каспий, а, значит, пути пролета водоплавающих в основном проходят через нашу территорию, и, следовательно, охота на водоплавающих в наших угодьях более успешна. У других республик Северного Кавка-

Завурбек Юнусович Вазигидов

за есть, конечно, внутренние водоемы, где существует возможность охоты на водоплавающих, но ее не сравнить с охотой на побережье Каспия. Если же говорить о горных угодьях, то по их характеру мы очень близки с другими кавказскими республиками. Взять хотя бы Чеченскую: и горный ландшафт, и горная фауна у нас практически одинаковы, но у нас гораздо больше площадь охотничьих угодий, а, следовательно, и больше выбор мест для охоты, и выше численность охотничьих животных.

Сохранился ли в ваших горах безоаровый козёл — вид теперь уже довольно редкий на Кавказе?

Да, сохранился. Немного, но он есть. Охоту, конечно же, мы на него не проводим, а напротив, очень бережем. С браконьерами у нас разговор очень серьезный. Среди сотрудников Общества браконьерство просто исключено, а с его проявлениями среди населения боремся беспощадно.

Вообще тяга к охране природы у меня начала появляться ещё в детстве, когда в 6—7 классе я учился в сельской школе. Есть у нас над городом Махачкала гора Терке-Тау, куда часто поднимаются любители пикников. И вот я, по собственной инициативе, поднялся на склон этой горы с рюкзаком и собирал разбросанную и разбитую винную тару и выносил её оттуда. Тогда я

не знал, что многие мои товарищи считали меня не «совсем в своём уме». А вот на старости лет я оказался действительно в рядах защитников природы, т. к. основная задача нашего Общества — сохранение природных комплексов, являющихся охотничьими угодьями и приумножение обитателей наших гор, степей и лесов.

Вы сказали, что закреплённый за охотобществом 1 млн. га охотничьих угодий разделён на 36 охотничьих хозяйств. Каким образом прошло это разделение, проводилось ли межхозяйственное устройство?

Межхозяйственное устройство проводилось ещё при моём предшественнике. Были составлены акты по закреплению охотугодий за конкретными хозяйствами, сделано подробное описание границ. Потом все обозначения были перенесены на местность. Все документы утверждены соответствующими Постановлениями Правительства Дагестана. Юридически всё оформлено и зарегистрировано правильно.

В охотничьих хозяйствах проводятся учётные работы?

Обязательно!

Расскажите в нескольких словах, какими методиками пользуются в хозяйствах при проведении учётных работ.

К сожалению, я не настолько профессионально подготовлен, чтобы дать Вам исчерпывающий ответ, об этом вам лучше спросить нашего охотоведа. Могу только сказать, что сложность в проведении учётных работ, касаясь опытных и хищников, в равнинных угодьях заключается в отсутствии устойчивого снежного покрова. Разумеется, мы

используем каждую возможность, которую даёт нам погода, если снег ложится хотя бы на несколько дней в период учета. В это время мы проводим маршрутные учёты и закладываем пробные площади. При отсутствии снега проводим учёты методом прогона и визуальными наблюдениями на кормушках и солонцах. Что касается горных угодий, то подсчет численности тура, безоарового козла, серны и др., проводят егеря в своих обходах при постоянных наблюдениях.

А что происходит с водоплавающей дичью? Сохраняются ли условия для зимовки водоплавающих на Каспии и на внутренних водоёмах?

На Каспии зимовочные станции сохраняются, но они активно используются только в благоприятные зимы, т. е. когда прибрежный Каспий не замерзает, то же относится и к внутренним водоёмам. Недавно мы начали очень важную, на наш взгляд, работу по сохранению и восстановлению мелких водоёмов в равнинной части республики. Вы знаете, что у нас очень развито скотоводство, но сухой климат поддерживает постоянный дефицит кормов. Наши чабаны выкашивают прибрежный тростниковый бордюры в период его сочного состояния. Если эту процедуру повторять два—три года подряд, то небольшой водоём высыхает и появляется солончак. Мы постоянно проводим разьяснительную работу со скотоводами и добились того, что многие водоёмы удалось сохранить. Мало того, на них появилась уже местная дичь, свои выводки. Мы боремся, чтобы Дагестан не превратился в пустыню, а при отсутствии воды такая угроза становится реальной.

После удачной охоты

Я в своё время бывал на Аграрском заливе. Там сейчас что — заказник или охотничье хозяйство?

Заказник. Есть, правда, одно маленькое охотхозяйство, частное - 64 га, но оно не создаёт большого беспокойства для дичи.

У вас в каждом районе есть общество охотников?

Нет, у нас по республике 10 районных и межрайонных обществ, в каждом из которых есть свой председатель. Но надо сказать, что наши хозяйства покрывают в основном равнинную и предгорную зоны. В горах у нас только два хозяйства, они ориентированы в основном на тура.

Вы проводите охоты на тура?

Да, проводим.

А как охотитесь — загоном или скрадом?

В зависимости от места, и тем, и другим способом.

Скажите, Завурбек, из копытных, какой зверь у вас самый массовый?

Кабан, но в связи с африканской чумой его численность в последние годы значительно снизилась.

Что с кавказским оленем? Помню, лет тридцать назад его было много?

Сейчас оленя практически нет, хотя иногда появляются сведения о том, что охотники его встречают.

У вас есть погранзона? Как вы выстраиваете свои отношения с пограничниками?

С пограничниками у нас контакты хорошие, и наши работники имеют пропуска в погранзону.

Работают ли у вас секции: стрелковые, рыболовные, охотничьего собаководства?

К сожалению, мы находимся в сложном финансовом положении. Возьмём, к примеру, собаководство, мы уже два года намечаем проведение выставки,

но не можем набрать достаточно средств для её проведения.

А ваши взаимоотношения с рыбаками?

С рыбаками у нас все в порядке. Три года назад проводили первенство Дагестана по рыболовному спорту. Удалось и соревнования, и отдых.

Как ваши охотники удовлетворяют свои потребности в охотничьем снаряжении, боеприпасах и других товарах? У общества есть свои магазины?

К сожалению, своих магазинов у общества нет. Всю торговлю охотничьими товарами ведёт частник. В Махачкале есть несколько магазинов охотничье-рыболовных товаров, нам этого хватает. Купить можно почти всё, что нужно.

Вы сами ходите на охоту?

Обязательно! Вот недавно добыл волка. Столько выплеснулось эмоций. Запомнится надолго!

А волков много?

Очень.

Что провоцирует такой рост численности этого зверя, скотоводство? Как я понял из нашей беседы, изобилия дикого зверя в угодьях нет.

У нас много скота, это и привлекает волков даже с сопредельных территорий. Государство устранилось от участия в борьбе с этой напастью, отменены премии за добытого волка, нет системы поощрений. Только личный энтузиазм охотников даёт ещё хоть какие-то результаты. Единственный раз, три года назад, государство выделило 400 тыс. руб. на борьбу с волком, но это было только раз. Ни в позапрошлом, ни в прошлом году денег на эти цели больше не выделяли. Проблема есть, как активизировать борьбу с волком тоже понятно, дело государственной важности, но, ни помощи, ни денег нет. Удивительно!

Завурбек, какие охоты Вы предпочитаете сами?

Я не могу сказать, что у меня есть любимая охота, мне интересна любая охота, на которую я попадаю.

Какое оружие обычно используют ваши охотники?

Те охотники, с которыми по большей частью приходится общаться мне, обычные дробовики двадцати - тридцатилетней давности. Какие-либо интересные или выдающиеся ружья мне не встречались.

Завурбек, спасибо большое за ваш рассказ, думаю, что нашим читателям будет интересно поближе познакомиться с Дагестаном через нашу беседу.

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» желает Вам крепкого здоровья, бодрости духа, успехов в не всем заметной, но нужной работе.

Лебеди

Вопреки расхожему представлению, что лебедь птица редкая, можно достаточно обоснованно утверждать, что для нашей орнитофауны он вполне обычен.

На территории нашей страны лебеди представлены в основном двумя видами: лебедь-кликун и лебедь-шипун. Нашему фотокорреспонденту позировали лебеди-шипун. Зримое отличие шипуна от кликуна в цвете клюва. У шипуна он красный, у кликуна — желтый.

Лебеди очень хорошие родители, они ревностно оберегают свою гнездовую территорию, безжалостно расправляясь с соседями, их гнездами и выводками.

Такой привычный для нас белый цвет птицы приобретают к концу второго года жизни, а до этого они серого цвета (вспомним сказку Андерсена о гадком утенке). Вообще же птицы очень красивы, особенно в полете, и встреча с ними оставляет незабываемое впечатление.

А. БЛЮМ

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Охота на глухаря осенью

А. БЛЮМ

Последнее время часто появляются публикации об охоте на глухаря, однако все они в абсолютном большинстве касаются весенней охоты на току. Но глухарь остается завидным охотничьим трофеем во все охотничьи сезоны, хотя специально на него охотятся все-таки на току, в остальное время добывая его при случайных встречах. Но вероятность успеха может заметно повыситься, если знать хотя бы два — три способа охоты на него, издавна практикуемых в разных регионах нашей все еще огромной страны.

К началу летне-осеннего сезона молодые глухари начинают приближаться по своим размерам к взрослым. Они активно кормятся. Их основная пища в этот период — ягоды, и выводки можно встретить на черничниках, голубичниках, брусничниках в хвойных борах, по кромкам болот, часто поблизости от токовищ, на вырубках и старых гарях. Примерно до середины сентября молодые держатся вместе со старкой, позже выводки распадаются. Старые петухи и холостые глухарки линяют и предпочитают захлащенные хвойные леса с густым подлеском, ходят на кормежку пешком.

При охоте по выводкам наибольшую добычливость обеспечивает использование собаки как легавой, так и лайки. Легче всего разыскивать глухарей во время кормежки, только нужно помнить, что начинают они кормиться очень рано, практически с рассветом. Особенно рано надо приходиться на ягодные болота и вырубки, где проводится сбор ягод, так как с появлением людей птицы стараются быстро покинуть эти места, тем более, что сборщики часто приводят с собой собак, которые быстро разгоняют всю живность в округе. Ранним утром легавая собака быстро обнаруживает глухариные наброды и начинает работу. Но надо сказать, что для этой охоты подходит далеко не всякая собака. Дело в том, что и глухарята, и старые птицы не торопятся взлетать из-под собаки, почувствовав преследование, стараются уйти от собаки пешком, причем выводок чаще всего уходит по прямой, и это показывает собака, тянущая в одном направлении. Если же она начала петлять, то, скорее всего, от нее уходит старик. Собака малоопытная может идти за глухарем долго, но так и не подняв его, опытная же и послушная должна по команде охотника активнее «нажать» и заставить взлететь под выстрел. Именно из-за такой черты глухариного характера с легавой собакой очень трудно поднять отдыхающий выводок, а тем более старую птицу, выбирающих себе для отдыха захлащенные с густым подлеском участки леса. Охота по глухарям с легавой не продолжительна, чем старше становит-

ся птица, тем реже она поднимается в пределах выстрела, и напора легавой собаки просто перестает хватать в силу той вежливости, которая присуща нормально натасканной собаке.

Очень хорошие результаты дает использование на охотах по глухарям лаек. Как правило, это собаки с широким поиском, азартные и напористые. Собственно вся охота строится на стремлении большинства тетеревиных птиц сесть на дерево недалеко от места взлета, а задача лайки указать охотнику это дерево. Характер поведения птиц под собакой остается прежним, они стараются убежать, только лайка преследует их без потяжки, быстро, иногда заставляя взлетать сразу весь выводок. Охотник по лаю определяет место посадки птиц, осторожно подходит, высматривает их и стреляет. В этой охоте есть один нюанс, на котором мне бы хотелось остановиться особо. Пока выводки еще не распались, очень часто первой из-под собаки с громким хлопотаньем взлетает старка, тем самым привлекая внимание собаки именно к себе. Она садится на дерево, продолжая хлопотать, и собака, естественно, начинает облаивать именно ее, молодые же рассаживаются на близстоящих деревьях молча. Понятно, что в такой ситуации застрелить старку не составляет никакого труда, но с дав-

них времен охотничья этика не позволяет этого делать, нельзя отходить от этого правила и сейчас. Не имея опыта самостоятельной жизни весь выводок может погибнуть в течение ближайших нескольких дней. Охотник, определив по хлопотанию где сидит глухарка, должен внимательно осмотреть окружающие деревья и постараться высмотреть молодого. А вообще-то нужно постоянно внимательно следить за собакой, особенно когда она поймала запах и начала работать, чтобы не пропустить момент взлета и рассаживания на деревья.

Охота с лайкой продолжается и когда выводки уже распались. Почти весь период до снега основным кормом остается ягода — брусника и клюква. На каждую осень на некоторое время происходит смена кормов. Как только начинает вянуть лист на осинах, глухари вылетают на старые деревья и кормятся листом. Найти эти места не очень сложно. Нужно проверять все куртины крупных осин, которые растут среди старого хвойного леса. Если охотник хорошо их знает, то можно даже подкарауливать птиц, заранее заняв удобную позицию на земле и дожидаясь их подлета. На ходовой охоте, проверяя такие места, можно использовать лайку. Собака быстро находит птиц, ориентируясь по запаху, исходящему

от оброненных листьев и по звуку, происходящему от отрыва листа и возни глухаря на дереве. В Сибири, где есть лиственницы, так же как на осины, глухари вылетают на лиственницы, это происходит с началом пожелтения иголок.

Есть еще одна физиологическая особенность у куриных птиц и у глухарей в том числе. Осенью, перед переходом на грубые зимние корма, они наполняют желудок мелкими камешками, которые способствуют их лучшему перетиранию. В это время глухарей можно встретить на галечниковых отмелях лесных речек и ручьев, на осыпях крутояров, на лесных дорогах.

Охоту на гальке можно организовать разными способами. На активно посещаемых галечниках устраивают за-

сидки, проходят по крутому речному берегу и стреляют вылетающих из-под берега глухарей, очень интересно тихо сплавляться по небольшой лесной речке на легкой лодке, поднимая глухарей с каменистых кос и отмелей.

Поздней осенью, уже перед зимой, кормящихся глухарей можно встретить как на ягодниках, так и в сосновых борах, и на болотах с низкорослыми сосенками. В это время птицы становятся осторожными и на выстрел охотника без собаки подпускают очень редко. Для успешной охоты в это время необходима лайка. У большинства собак манера работы по глухарю следующая: подняв глухаря с земли или дерева, а взлет и полет у него достаточно шумный, собака старается на максимальной скорости преследовать

летающую птицу и, услышав посадку, найти это дерево и облаять ее. Это хорошо получается, если глухарь не отлетает далеко. Если же он летит метров 400 и далее, то собака часто ошибается с местом посадки и лает на пустое дерево. Гораздо лучше это получается у собак, которые не мчатся за улетающим глухарем сломя голову, а останавливаются и внимательно слушают, стараясь с возможной точностью засечь место посадки. У таких собак ошибки очень редки.

Подходить к сидящему глухарю нужно не торопясь, бесшумно, стараясь прикрываться деревьями, сосредоточить все внимание на том, чтобы увидеть лающую собаку. Приблизившись на верный выстрел, нужно стараться как можно скорее разглядеть птицу, если это не удается, то подойти еще ближе, обязательно держа ружье наготове, так как глухарь может сорваться в любой момент. Подходить желательнее под лай собаки.

Какими номерами дроби лучше всего стрелять глухарей?

При охоте по выводком с легавой собакой или лайкой вполне достаточен № 5. На осинах, лиственницах и на гальке — не мельче № 3. Поздней осенью с собакой, так же как и на току, №№ 2, 1.

У промысловиков основное оружие при охоте на глухарей (да и почти на всё остальное) тозовки — малокалиберные винтовки и карабины под патрон кольцевого воспламенения (LR). Но, чтобы не терять подранков при стрельбе глухарей из тозовки, надо знать убойные места этой большой птицы. Охотники часто ошибаются, выцеливая сидящую боковую птицу в переднюю часть тушки, большую часть которой занимает грудная мышца, пробитая пулей она не мешает птице отлететь очень далеко. Когда-то мной был добыт глухарь, у которого в грудной мякоти сидел давно вросший сук, толщиной в палец. И чувствовал он себя неплохо. Во всяком случае, по полету определить наличие у него такой травмы было нельзя. По существу, глухаря надо выцеливать посередине тушки, что сбоку, что сзади, что спереди.

Вышла из печати книга Виктора Приходько
«Охотничья стёжка»

(твёрдый переплет, 333 стр., тираж 150 экз.)

Книга имеет несколько разделов: Рассказы разных лет, Подглядки с тропы (рассказы натуралиста), Бывальщинки у камелька, О друзьях охотника, Охотничий и рыбацкий юмор. Книга оформлена авторскими рисунками и фотографиями.

Заявки посылать по адресу: 461043, Оренбургская обл., г. Бузулук, ул. Нахимова, д. 18.

Приходько Виктору Яковлевичу

Производим и реализуем

КАПКАНЫ КА-2

для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Синее и желтое

А. ШЕВЧЕНКО. Фото А. Дигилевича

О пять мне снился тот же сон. Синее и жёлтое... Синее — осеннее небо в погожий день, зеркала плёсов степных озер, а желтое — скошенные пшеничные поля, скирды соломы, березовые перелески. И ещё снились дикие гуси, летящие между синим и жёлтым. Опять снилась юность, Казахстан, охота на гусей.

Проснувшись, я твёрдо решил, что в грядущем охотничьем сезоне обязательно съезжу на гуся, пусть напрасно прокачусь, пусть ни разу не стрельну, но попробовать я просто обязан. До открытия охоты оставался месяц.

Когда я начинал охотиться в Омске, первым делом постарался узнать про охоту на гуся. Но, к моему большому сожалению, все авторитетные (и не очень) охотники, как будто сговорившись, называли эту охоту здесь делом бесперспективным: «Гуся в этих краях очень мало, гоняться за одним табунчиком смысла нет, да и как взять-то его на поле непонятно. Гусь есть в заказнике, но тот гусь не про нас. Другое дело — утка. Приехал на озеро, заплыл и стреляй (если повезло и утки много) пока патроны не кончатся. Не надо бензин лишний жечь, окопы рыть, по полям бегать, да и без выстрела не останешься, а налетит, не налетит гусь, это еще бабушка надвое сказала. А на озере всяко с добычей

будешь, да и те же самые гуси налететь тоже ведь могут. Так что давай с нами на уток, лодку готовь».

Так весь тот первый, а потом и еще несколько осенних сезонов на уток и проохотился. А когда замечал за собой, что смотрю вслед пролетающему косяку гусей с тоской и грустью, то гнал от себя такие мысли — ведь говорят же люди: бесперспективно это. Да и товарищ по охоте оказался заядлым «утятником», и если я закидывал удочку, дескать, неплохо бы на гуся съездить, отвечал: «Только время зря тратить, да и смотри, какие места утиные я тебя показал. Что может быть лучше? Ведь ты ни с одной охоты еще меньше чем с десятком уток не уезжал. А вчера, вечером, когда шилохвости стаей к твоим чучелам зашли, и ты трех дуплетом свалил, не обрадовался ли ты до самой глубины своей охотничьей души? Или показалось мне это?»

Прав, конечно, он был — такое запоминается в деталях на всю жизнь. И еще многое помнится из других охот. И то, когда ружье, настеганный выстрелами, прижав уши к спине, стелился пулей по кромке поля и леса, и после моего второго выстрела всё завертелось кувыркком: его голова и ноги вперемешку со снежной пылью... Когда глухарь, не закончив свою токовую песню, начал валиться вниз, обламы-

вая мелкие сосновые веточки на мох и багульник... Когда лиса на опушке леса, услышав шорох одежды, хотела прыгнуть в сторону и, развернувшись в воздухе, удрать, а потом увидела меня стреляющего, да так и не успела, упала в полупрыжке, ткнувшись своей черной мордочкой в снег... Когда добыл того зеленоголового, единственного за целый день крякаша в начале ноября... Да мало ли... Радуетесь душой на охоте часто, даже просто от ощущения свободы, от общения с природой, оттого, что не зазвонит телефон в кармане и кто-то не озадачит тебя проблемами. Всё было хорошо, но не хватало в моей охотничьей жизни чего-то ещё. Оказывается, именно этого: синего, желтого и гусей где-то посередине.

Когда я осознал, что без этого больше уже не могу жить нормально и считать начинающийся через месяц охотничий сезон полноценным, дал себе слово, что обязательно поеду на гуся. Конечно, об этой охоте, после того, как Казахстан стал заграницей и возникли проблемы попасть туда на охоту, я мечтал всегда. Если в пределах видимости пролетали гуси, то незамеченными они не оставались. По выработавшейся привычке я наблюдал, анализировал, замечал. Помимо того всегда в разговоре с охотниками или просто местны-

ми жителями старался перевести разговор поближе к теме диких гусей. В общем, приблизительно места, где можно встретить гусей, я знал, мои старые, но проверенные в деле профили уже который год пылились в гараже. Уговорил и товарища, — правда, за день перед выездом он заболел.

Опять откладывать? Нет уж, теперь меня было не остановить, поехал один.

До места добрался без приключений. Сверился по карте, прикинув, где замечал раньше гусей. Выбрал место поудобнее, чтоб меня не было видно, а я видел всё, решил ждать. Прикинул по времени: пора бы гусям и на поле лететь. Жду — нет и нет, а может, всё зря я затеял. Только налил из термоса чай, чтобы подкрепиться, поднял голову, и не поверил своим глазам: настоящие, живые гуси летят в мою сторону. И вот оно свершилось: синее и желтое, а между синим и желтым — гуси. И всё это наяву.

Правда, только гуси сели на поле, вдали, а потом все ближе и ближе заурчал двигателем «УАЗик», потом появилась «Нива», потом «Жигули». Да, как говорится, вечер переставал быть романтически томным. Градус настроения начал снижаться. По опыту хорошо знал, один единственный лишней человек на гусиной охоте может всё испортить. А тут целых три машины, кроме меня...

Не любят гусятинки конкурентов, не любят, и ничего тут не поделаешь. Это на утиной охоте иногда даже неплохо, когда народ гоняет утку на разных концах озера. А на гусиной — наоборот.

Однажды в Казахстане опоздал к вылету гусей с озера на поля и при подъезде успел лишь ухватить в бинокль последнюю стаю. Пока прокружил по клеткам полей, она успела где-то сесть. Всё, можно было возвращаться домой, несолоно хлебавши, попробуй, отыщи сидящих гусей на огромных полях. Затем увидел в бинокль у колны соломы красный мотоцикл «ИЖ» и «Москвич». Не комбайны и не грузовики, явно это были охотники. Смекнул, что неспроста они там стоят. Подъехал, поздоровался, спросил, не видели ли гусей. Отвечают: «Видели, только весь гусь ушел на озеро Солёное». А это озеро — уже другой район и путевку нужно другую.

Посмотрел я в бинокль на поле — действительно, нет никого, только далеко, где-то на границе других полей «КамАЗ» с прицепом пылит, зерно от комбайнов на ток везет. Собрался, было, я уж ехать домой, но потом будто подсказал мне кто-то: залез я на верхушку копны, бинокль к глазам пристроил, гляжу — а гуся-то тьма в середине поля сидит, несколько тысяч, наверно. Просто ложбинка там через всё поле тянется, вот снизу и не видно ничего.

Спрыгнул я с копны вниз, говорю: «Действительно, весь гусь на Солёное ушел!» Заулыбались мужики, поняли, что не прошла их хитрость. Постреляли мы с ними тогда неплохо, охотники

попались все опытные, и к тому же людьми нормальными оказались: никто, никому охоту не испортил. Но это другая история...

А тут, конечно, реалии иные. Гусей-то всего сотни полторы. В Казахстане за таким количеством никто специально никогда не охотился. Как мой дед любил говорить: «Запомни, несамостоятельный это гусь, несамостоятельный. Сегодня он на это поле пошел, завтра на другое, а послезавтра на третье или к другим гусям прибилась. Ноги, время и бензин убьешь, больше ничего». Там в октябре постоянно бывало, что скапливалось на одном озере тысяч по десять — пятнадцать гуся.

Вот где охота! С начала осени был только местный серый гусь: тысяча — полторы. А со второй половины сентября начинал прибывать северный. Разных гусей можно было встретить в это время: больше всего — белоголового гуся, были и гуменники, и пискульки, и те же серые, и краснокнижные краснособые казарки. Бывало, подьдешь к Жаркену и смотришь в бинокль часа по два кряду, как на спектакль, на перелет всей этой гусиной братии с озера на поля. Специально приезжал пораньше к озеру, чтобы не пропустить это действо. Одним словом — Эльдорато гусиное. Не зря, видимо, в слове Казахстан полностью гусь уместился («каз» по-казахски — гусь).

А тут выбора нет. Как говорится, чем богаты, тем и рады. Вроде и мужики были вполне адекватные, но не удалась та охота. Утром, когда гуси снизились и пошли на первый круг, на высоте метров так около семидесяти — восьмидесяти нервы у одного всё же не выдержали, или гуси ему показали ниже, чем на самом деле... Одним словом, отсалютовал он из своей «МР-ки» пять раз — понятно, без особого урона для гусей, только дробь по перьям похлопала. Вот и все. Что тут сделаешь, на гусиной охоте такое бывает часто. Но отрицательный результат — тоже результат. Главное, я узнал место. Эх, сколько же я охот безвозвратно потерял, слушая советы других!

Шел с поля к машине, пусть без добычи, а душа ликовала. Я ведь снова на гусиной охоте, как в юности, снова иду по стерне, которая бренчит по обуви, снова в лицо упругий, с запахом сухих трав, юго-западный ветер откуда-то из степей Казахстана с близкой по расстоянию, но такой далекой теперь заграничной Родины.

Я решил не тянуть со следующим выездом, и в ближайший выходной был опять в том же самом месте. Мой товарищ Павел тоже поехал, так что всё начиналось хорошо.

Стоял тихий, теплый осенний день. В природе властвовали два цвета — синий и желтый. Шуршали по асфальту шины, люди в мелькающих мимо деревьях копали картошку, кто-то вез сено, кто-то достраивал крышу дома, кто-то рыбачил на маленьком озере у дороги. Все радовались последним теп-

лым денькам осени. Гусей мы нашли, но, к сожалению, охотников вечером тоже было много. Из-за этого Павел отчаялся идти утром на поле. Не любит он многолюдия на охоте, считает, что охота дело интимное и неуместны здесь большое количество шумного народа, неумеренное потребление алкоголя и прочее. Лучше всего в одиночку или с надежным, проверенным товарищем. Собственно, и я такого же мнения.

Но я решил идти — фортуна дама капризная, кто знает, кого она облакает на этот раз. Ох, и тяжело идти в пять утра, толком не проснувшись, по полю километр, а может и два (кто их считал?), с профилями за спиной, с лопатой и ружьем. Потом рыть окоп в твердой земле. Затем можно дух перевести, если по времени успеваешь, если не успеваешь, то некогда расслабляться — нужно профили расставить, замаскироваться. А пот со лба течет и течет...

Странно, а где же коллеги? Пока было темно, нигде рядом не увидел красного огонька от сигареты, нигде не мелькнул свет фонарика, не слышно было, чтоб кто-то рыл землю, никто никому не кричал, что-нибудь типа: «Петька, ты бутылку в машине не оставил?» Когда стало светло, огляделся по сторонам и понял, что я в одиночестве. Очень странно, ведь вчера же... Но то было вчера, а сегодня один я на всем поле. Это поле моё, всё: вот от того леска и до тех куч соломы на ближайšie три часа. И надо признать, этот факт меня несколько не огорчает, а даже наоборот. Хотя до конца в это не верится — всё равно сейчас в последний момент кто-то должен прийти, приехать, прилететь, приползти, наконец, — и всё испортить. Но время шло, а никто портить охоту мне не собирался. Теперь дело только за гусями, очень нужно, просто необходимо, чтоб они прилетели. Если гуси не прилетят сюда, тогда всё встанет на свои места. А, может, сегодня тот самый редкий случай?

А что это над лесом за черная ленточка? Ведь это же гуси! Так, стоп! Заранее радоваться не стоит. Может, летят на другие поля, или вообще перелетные транзитом на юг тянут... Нет, теперь понятно, сомнений быть не может, то гуси, и летят они на моё поле... Так, соломку поправим, ружье с предохранителя снимем... Снижаются, стайка голов так в пятнадцать. Нет, метрах в пятистах от меня сели и профиля, похоже, не увидели. Как обидно! Бывает, гуси перелетают по полю в поисках лучшего места — только на это надежда, да еще на то, что, может, прилетят другие. Вчера гусей ведь было больше.

Прошло с полчаса, взлетают. Что-то им не нравится, да и «несамостоятельные» эти пятнадцать штук явно. Вот эта «несамостоятельность» сейчас мне на пользу и пойдет. Только бы заметили профиля! Видят! Летят ко мне низом метрах в двадцати над землей. Ну, а дальше все происходит быстро и

автоматически, это мы уже проходили, глаза и руки все помнят.

Как же я его хорошо выделил, но — шелк, и выстрела нет. Осечка. Вторым стволом все повторяю снова, теперь приклад по-своейски толкает плечо. Чувствую, как «нулевка» шьет перо, и вижу, как гусь камнем ударяется об землю. Можно еще стрелять, до гусей еще метров сорок, но нечем. Ладно, и так неплохо. С полем тебя, друг, с первым гусем на Омской земле! А патрон подвел, на уток ездишь, осечек не бывает, а тут такой ответственный выстрел и на тебе.

А ведь над лесом еще ленточка, даже две, нет три. Бегом за гусем и обратно, к себе в окоп. Так, первая стая снижается... Но что же они делают?! Не долетая до меня, садятся почти на краю поля. За ними и две другие. Похоже, на этом все. Хотя, может, подождать — вдруг тоже возьмут и перелетят? Ждать пришлось долго, часа два. И когда я уже начал замерзать и хотел идти собирать профиля, от этих гусей взлетела стайка штук в десять и низом-низом — прямо ко мне. Чем ближе они подлетают, тем яснее становится, что чуть левее метят, и к профилям подворачивать вряд ли будут. Да так и есть, боком проходят. А может, развернуться и налетят в упор? А если пройдут мимо? Решено, буду стрелять. Всё, самая близкая точка, метров пятьдесят — такие у нас раньше падали.

Стреляю, один начинает валиться,

стреляю второго, падает камнем, а первый выправляется, подстраивается в цепочку и летит дальше. Слежу, пока не скрываются за лесом — нет, так и не упал, значит, задел слабо. Однако пара за утро. Вполне приличный результат, тем более по такому количеству гуся. Поднял второго. Кровит рана у гуся-то, да и выстрел показался не очень резким, поэтому, видимо, и первый не упал. Что-то с патронами этими у меня не очень, хотя сам заряжал. На следующую охоту обязательно подготавливаю новую партию.

Складываю профиля и с тяжелой, но такой приятной ношей вперед к лесу, где машина и Павел в палатке спит. Иду, и, кажется, счастливей меня в это утро никого нет. А ведь мечты-то оказывается, сбываются! Нужно только этого очень хотеть!

Но кого-то все-таки несет ко мне. По дороге, что разделяет поле на два больших прямоугольных ломтя, едет машина и впереди, там, где я буду минут через пять — десять, останавливается. Какой-нибудь охотинспектор, наверное. желает пообщаться на тему: покажите путёвочку или что-то в этом духе. И хоть документы в порядке, настроение чуть портится. А если б не осечка и трёх сейчас нес? Но, оказывается, в это утро даже таких мелких неприятностей просто не должно было быть. Подхожу чуть ближе и начинаю улыбаться. С каждым шагом улыбка всё шире и шире. Машина-то моя, как

же я сразу не узнал, какой-то очень темной она показалась, а рядом стоит Павел. Увидел, наверное, в бинокль и как гуси падали, и как я шел по полю — решил подъехать, чтоб мне дорогу в два раза сократить. Спасибо, дружище, все ты понимаешь без лишних слов! Как же все удачно в этот день складывается! Так, улыбку прячем, напускаем на лицо серьезные вид, мол, для нас пара гусей за утро — дело обычное. Вот так теперь можно и Павлу показываться.

Стараюсь идти спокойно, но вальяжно, правда, не очень хорошо это выходит, и вдруг вспоминается... Вспоминается такое же утро, только больше двадцати лет назад, такое же поле, которое сейчас в другой стране, одностволка ИЖ-18, бьющая меня прикладом по ноге при каждом шаге. И такой у этого ружья тугой рычаг для открывания ствола, что справиться с ним мне удастся, только обхватив шейку ложи двумя руками и нажав изо всех сил на него двумя пальцами. Вспоминаются еще живой тогда дед, отец и брат, стоящие у копны соломы с добытыми гусями, и я — двенадцатилетний пацан, бегущий к ним с первым своим таким большим и тяжелым гусем. А вокруг все синее и желтое. Где-то там, вдали над Жаркеном, над самым широким Болдыревским плесом, между синим и желтым — черная полоска каких-то птиц, и я острым детским зрением даже без бинокля прекрасно вижу, что это гуси...

ГАЗ 59037 (БТР)

Год выпуска: 2005. Пробег: 4000 км

На «БТР» установлен новый двигатель — КАМАЗ-740.14.300. мощностью в 300 л.с. Полностью перестроена вся верхняя часть корпуса. В результате салон имеет форму буквы Д, по центру которого можно ходить во весь рост. По краям расположены герметичные наружные бардачки большого объема.

Изменения коснулись и ходовой части: колесные диски стали шире, посадочный размер 20 дюймов под резину ИД-П 284 (10-сложная резина изготовлена на заказ), амортизаторы усилены, электропневматический привод коробки передач с управлением джойстиком находится на панели, установлены дополнительные ресивера и пневмогидроусилитель привода сцепления с влагоотделителем.

Установлены заимствованные от КАМАЗа панель приборов, педальный узел, рулевая колонка, верхняя консоль и зеркала. Имеется кондиционер, две печки от Chevy-Niva с забором воздуха с улицы через фильтры нулевого сопротивления; климатическая установка Webasto на дизельном топливе для автономного обогрева салона; вращающиеся сидения на амортизаторах для водителя и пассажиров. Сиденья оборудованы ремнями безопасности. Свернув с дороги можно проплыть по водоему, остановиться, где нужно согласно системе GPS, развернуть кресло к борту и через форточку закинуть удочку.

Устранен один из главных недостатков штатного БТРа — прилипание днища к грунту во время работы вне дороги. Для того, чтобы выбраться из подобной ситуации с наименьшими потерями, на ГАЗ-59037А установлена гидравлическая лапа. При посадке на грунт с помощью гидроцилиндра, спрятанного в лапе и управляемого прямо из салона, можно «отжаться» от грунта, при этом лапа отрывает сразу два моста.

При выходе на берег, либо для любого иного вытягивания, как самого себя, так и буксировки попавшего в беду иного транспортного средства, установлены две электрические лебедки по 6,5 т каждая, которые могут тянуть как по отдельности, так и одновременно. Лебедки можно переставлять назад.

Машина оборудована двумя автономными электрогенераторами мощностью по 5 кВт, которые могут работать как раздельно, так и параллельно. С их помощью можно производить любые сварочные ремонтные работы. На крыше «автобуса» закреплены запаска без диска и багажник.

В кормовой части корпуса помещена грузовая платформа с откидным бортом для перевозки квадроцикла, снегохода, лодки и др. груза. Груз закидывают на «горб» с помощью съемной кранбалки грузоподъемностью 600 кг. На грузовой платформе установлен транец для перевозки 3 — 4-х подвесных моторов.

Цена договорная
+7 (985) 413-0165 Алексей

В.М. Зензинов. Записки об охоте на линных гусей

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

Имя Владимира Михайловича Зензинова (1880—1953) ныне почти не известно современному читателю. Его родители сибиряки, «из маленького Нерчинска, за Байкалом, известного своими серебро-свинцовыми рудниками и страшной каторгой, куда ссылали самых тяжких уголовных и политических преступников. Там, в Нерчинске, их родном городе, они и поженились перед приездом в Москву в середине семидесятых годов». Сразу по окончании московской гимназии, Владимир выехал за границу, где продолжил образование в Брюссельском, Берлинском, Гейдельбергском и Галльском университетах. Изучал философию, политическую экономию и юриспруденцию.

Сосланный на север Якутии в 1912 г. за участие в революционной деятельности Владимир Михайлович почти год провёл в ссылке в крохотном селении Русское Устье, в двух сотнях с лишним километрах от устья р. Индигирки. Здесь, непривычный к безделью, Зензинов занялся этнографическими исследованиями, став первооткрывателем русского старожильского населения, веками жившего среди племен инородцев-кочевников в якутских тундрах и оторванного от всего цивилизованного мира. Знакомясь с его творчеством, я нашёл совсем неизвестные современному читателю записки В.М. Зензинова о гусиной охоте местных жителей и быте промысловиков северо-востока Сибири — «По-гуси». Предлагаю читателям познакомиться с этим интересным очерком, опубликованным в 1916 г. в дореволюционном «Ежемесячном журнале». Его охотничьи записки интересны ещё и тем, что лишь на Индигирке, в этой области бывшей Российской империи, **гусевание** — охота на линных гусей, была полноценным видом промысловой деятельности, тогда как, например, на Русском Севере (на Колгуеве, в Большеземельской и Малоземельской тундрах) промысел гусей во время линьки считался чем-то вроде развлечения у самоедов-ненцев и русских. Владимир Михайлович стал первым, кто ввёл в оборот такие термины, связанные с этим видом промысла, как гусевание — охота на линных гусей, гусник (промысловик-охотник на линных гусей). Возможно, эти понятия он заимствовал из лексикона русских жителей этого региона Сибири, представителей уникального этноса, сохранявшего до конца первой трети XX столетия своеобразную культуру и язык, устные легенды и предания, очень схожие с теми, что бытовали в Московском государстве во времена Ивана Грозного.

Владимир Михайлович Зензинов (1880—1953)

«Из всех промыслов на Индигирке самым трудным считается гусевание. Каждый может метать сети и закидывать невод, сторожить пасти на песцов и промыслять копыем на воде оленя, но не всякий согласен на несколько недель идти к морю, в страну бесчисленных озер и болот, где линяет гусь и где промышленника ждет много испытаний. Соблазн был слишком велик, чтобы отказаться от этого путешествия. Судя по рассказам, на всем побережье Северной Сибири лишь на Индигирке существует гусевание, как промысел, и никто из приезжих сюда, включая и участников многих северных экспедиций, не видел его своими глазами.

Промышляют на Индигирке линных гусей со стародавних времен. Указание на гусевание я нашел в древнейшей бумаге местного полуистлевшего архива от 1822 года, в котором староста просит зашиверского комиссара доставить казенный хлеб и выждать со взысканием податей: «улов рыбы был минувшим летом весьма скудный, гусей ленных хотя упромысленно изобильно, но в большой отдаленности от жительства, почему ныне по причине жестоких морозов и мятелиц перевезти оных невозможно». В хозяйстве здешнего жителя гусь действительно играет значительную роль, несмотря на изобилие рыбы, ее редко хватает на всю зиму, так как огромную расходную статью составляет корм собакам — единственной «скотинке»,

как ее здесь называют, которая позволяет здесь передвигаться в течение суровой восьмимесячной зимы. Весной привозят с моря мерзлых гусей, набитых там прошлым летом, и этот гусь, которого едят сами и которым кормят собак, позволяет дожидаться открытия рек и свежей рыбы.

Согласно наблюдениям местных жителей, гусь линяет «с Прокопия до Ильина», с 8 по 20 июля (видимо, старого стиля. — Н. Вехов). К этому времени гусники на всем протяжении Индигирки собираются вместе из рассыпанных по реке селений, из которых ни одно не превышает семи юрт. Едут на «ветках» (традиционная лодка народов Сибири. — Н. Вехов), гребут одним двухлопастным веслом; на ходу «ветка» очень легка, но также очень вертлява и шатка и езда на ней требует поэтому немало навыка и искусства. Одна часть гусников — большая — идет на «ветках» водой, другая — из более состоятельных — горой, в обход, на конях, но и последние волочат за собой «ветки», без которых летом в этом, затопленном водой, краю передвижение невозможно.

Боясь отстать от других, я отправился из Русского Устья в путь еще 2-го июля. Широкая Индигирка для непривычного человека представляла немало затруднений: в излучинах вода кипит от быстрого течения, как в котле, и встречный ветер поднимает большие валы. Легкомысленная «ветка» прыгает на волнах, как сухая скорлупа, а чуть-чуть неосторожное движение может нарушить равновесие и опрокинуть утлую ладью. Зато в затишье, когда на заснувшей воде плещется рыба, и лишь гагара да чайка бороздят зеркало реки, спускаться на «ветке» по реке одно наслаждение. Внизу опрокинулась бездна неба, будто чьи-то крылья несут тебя высоко в воздухе над облаками: тогда кружится слегка голова, и нужно сделать над собой усилие, чтобы стряхнуть это очарование.

В два дня я сделал 40 верст и добрался до последнего жилья — Осколково, где всего лишь одна юрта. Дальше лежит безграничная пустыня, где живут лишь белые медведи, олени, песцы и птицы. Дорога гусников идет по узкой и быстрой Гользинской протоке, выходящей из Индигирки слева и впадающей через 50 верст в морскую губу, которая на севере омывает лопатку (местное название географического термина — полуострова. — Н. Вехов), обозначенную на картах как Гусиный мыс. Здесь, в протоке, и догнали меня гусники.

Берега плоские, кое-где грудями навален наносный ломаный лес; жалкий кустарник (тальник по-местному), вышиной в 1—2 четверти, кончился верстах в 20-ти ниже Русского Устья, земля покрыта низкой и жидкой травой. Мы быстро спускаемся по протоке. То, что мне кажется тяжелым трудом, для моих спутников — веселая забава; в случае надобности они плывут день и ночь, делая в сутки до 200 верст. Плывут веселой гурьбой, на гусевание идет одна молодежь, развлекаясь в дороге стрельбой из лука по детным гусям (гнездящимся птицам с выводками. — **Н. Вехов**), которых встречалось в протоке изрядное количество, и высматривая оленей, которые очень нередки в этих местах; их стараются загнать в воду и бьют здесь с «веток» копьем. Ружьями здесь обладают немногие, да и «турки» эти, как их здесь зовут, покупаемые в Усть-Янске (за 700 верст) за высокую плату, особенного доверия не заслуживают. К вечеру мы добрались до Долгой Виски (виска — местное название речки, протоки), которая узенькой лентой впадает в протоку. Как истые рыбаки, русско-устынцы всюду возят с собой сети, и потому на ужин у нас была свежая рыба — любимый в этом краю нежный и вкусный чир, которым Долгая Виска славится.

Приближение к Ледовитому океану давало себя знать — ночь наступила холодная и туманная, мелкий дождь упорно барабанил в наши палатки. До морской кулиги (губы) от Долгой Виски считают три ниши (ниша — 10 верст). <...> Весь день дует сильный и холодный северный ветер, поднимающий на протоке большие волны и даже валы, здесь, впрочем, неопасные. Но непривычному человеку ехать против этого ветра трудно.

Довольно часто стаями в 6—8 штук встречались по протоке турпаны. Интересно, что все это были самки, самцов с характерным надутием при основании клюва видят здесь только весной; говорят, что на лето они откочевывают в море. Кроме турпанов, встречались также гаги (исключительно самки), большие белые чайки, плавунчики и камнешарки. В этот день (4 июля) видели первого линного гуся. Удалось наблюдать интересную сценку — охоту чайки за гусенком. Напуганные нашими «ветками» тяжело поднялись с тревожными криками два гуся (детные гуся линяют позднее холостых, длительность с 22—23 июля по 4—5 августа), оставив на воде маленьких трех гусенят, которые с жалобным писком бестолково ныряли между нашими «ветками». Семья была разбита; воспользовавшись этим, большая чайка ринулась сверху на одного из гусят — он немедленно нырнул, и чайка села на воду, высматривая свою добычу, и снова бросилась на нее, когда гусенок показывался из-под воды. Часто крошечный желто-серый комочек выскакивал сзади чайки, которая долго качалась на волнах,

Жилище В.М. Зензинова зимой и летом

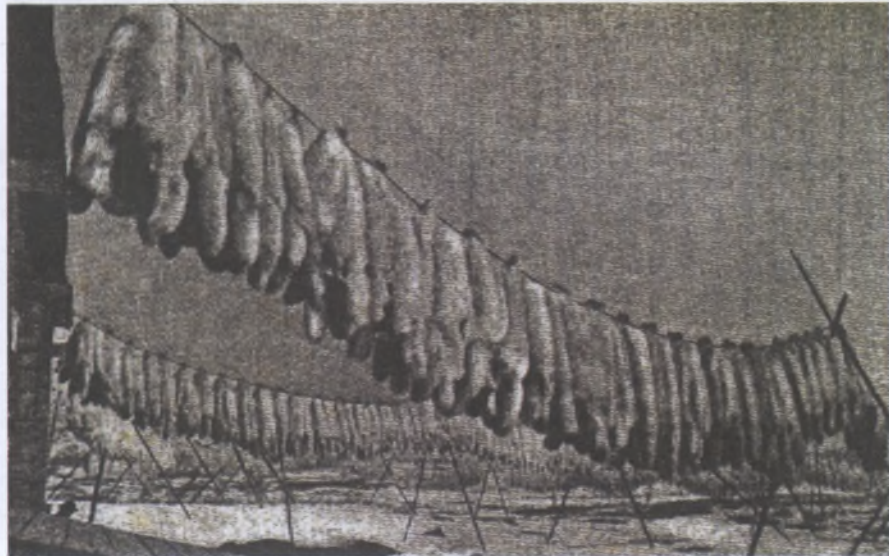
не подозревая, что лакомый кусочек совсем от нее близко. Долго продолжалась эта охота, пока вернувшиеся родители не отогнали жадную птицу.

К вечеру начало становиться холоднее, и было прохладно даже в теплом драповом пальто. Над водой неслись ключья тумана, и низко проносились обрывки облаков, сквозоз которые ровным светом, как большой матовый шар, светило ночное солнце. Берегом пробежал пестрый, наполовину вылинявший песец. К морю протока становилась шире и при впадении в губу, куда мы добрались лишь ночью, расходилась между несколькими островами, которые терялись вдаль в тяжелом тумане. Здесь, согласно старому обычаю, ожидают отставших това-

рищей, так как через морскую губу, в виду опасности переправы, принято переезжать всем гусникам вместе, близко держась «ветка» от «ветки».

Я пользуюсь этим вынужденным перерывом, чтобы побродить по окрестностям. Наши палатки раскинуты на берегу протоки, и моря отсюда не видно. Морской берег довольно высокими буграми (ярами, как здесь говорят) поднимается дальше к северо-востоку. Он кажется угрюмым; далеко уходит серая мертвая вода, сливаясь с тяжелым небом, жалкая, ржавая трава в 2—3 вершка длиной (примерно 11—13 см. — **Н. Вехов**) покрывает кочки, между которыми рассеяны бесконечные болота. У густой воды слой древесной трухи, накопленной здесь тысячелетиями. Здесь, в яру, нередко находят мамонтову кость (на обратном пути действительно нашли клык в полпуда весом), я поднял здесь большой пальцевый сустав мамонта. Земля усеяна оленьими следами. Бесшумно летает большими мягкими взмахами крыльев белая сова, упорно держась все время поблизости, как будто оберегает эти места.

Верстах в двух от наших палаток на высоком обрывистом берегу стоит рубленый домик. У него уже давно провалилась крыша, сгнил пол, узенькие, в виде амбразур, окна вросли в землю, и бревна обросли желтым мохом. По смутным рассказам («наши деды помнят»), в этом домике зимовали семеро из какой-то давнившей русской экспедиции, прибывшие к этим берегам на кочах. Их заперло льдом, и они должны были провести здесь зиму, живя охотой на дикого оленя (старые, покрытые мхом оленьи рога и сейчас еще валяются на провалившейся крыше). Здесь заброшенных мореплавателей нашли весной промышленники, приехавшие с Индигирки смотреть песцовые пасти. Дикая пустыня кругом, впереди безбрежный Ледовитый океан, полная лишений жизнь семе-

Шкурки песцов

Участники гусевания, в центре В.М. Зензинов

рых — какие-нибудь храбрые моряки в треуголках и с кортиками — все вызывало грустные, странные мысли...

Не так давно в этом развалившемся домике еще ночевали пастники, которые сторожили пасти на берегу моря. <...> На другой день к вечеру подошли отсталые, теперь нас собралось всех 21 «ветка». Утром, при порядочном западном ветре (опасным здесь считают северный), начали переправляться через губу. В нее впадают три реки — Голызинская, Гусиная, Волчья, благодаря чему вообще слабо соленая вода Ледовитого океана здесь опреснена еще сильнее. Сама по себе губа мелка (1—2 аршина) (примерно 0,7—1,4 м. — **Н. Вехов**), но ее прорезают три глубокие борозды, соответственно впадающим рекам. Есть несколько больших, низких, иллистых островов. Ширина губы 20—30 верст, длина — значительно больше. С западной стороны в губу выходит широкий мыс, который на картах обозначается всюду, как Гусиный; здесь такого имени не знают вовсе и называют его Крестовской лопаткой.

Когда все наши «ветки» выехали на открытую воду и, сгрудившись кучей, начали пересекать борозду Гусиной реки, они походили на стаю уток. Такими жалкими и ничтожными казались углые суденышки среди безбрежного к северо-востоку и востоку моря. На борозде нас встретили высокие валы, временами хлеставшие через борт. <...> Некоторые бросали на валы заготовленные ранее пестрые лоскуты — надо делать подарок морю. >...Море было милостиво к нам, мы благополучно миновали борозду и выехали снова на тихую и мелкую воду. Впереди, на низком берегу поднимался поставленный здесь три года назад экспедицией Воллосовича треног (триангуляционный знак русского геолога, исследователя Арктики К.А. Воллосовича; в 1909 г. он возглавил Лено-Колымский отряд Чукотской экспедиции геолога И. П. Толмачева. — **Н. Вехов**). У этого тренога партия наша

разделилась: часть ушла гусевать на так называемую Моготоевскую лопатку, мы пошли на Крестовскую. Моготоевская лопатка отсюда раза в три ближе Крестовской, почва там менее болотистая и во всех отношениях для гусевания представляет больше удобств. Но зато между лайдами (озерами), на которых промышляют гусей, длиннее волока, а потому там необходимы или лошади, или собаки, которые волочат «ветки» по земле. Поэтому ходят на Моготоевскую лопатку более состоятельные, и большинство моготоевских гусников идут горами на конях. На Крестовской лопатке места сухого не найдешь ногой ступить, туда от тренога считают еще верст 30—40. Что касается добычливости промысла, то гусь более или менее равномерно держится на всем морском побережье, и для каждого промышленника место в значительной степени определяется издавна укоренившимся обычаем.

<...> Миновали остров, впереди опять безбрежная гладь океана. Проехали борозду Волчьей реки, зоркие глаза уже увидели впереди маленькую точку, землянку на берегу. Там Ярк (остров в авандельте р. Индигирки. — **Н. Вехов**), привал, отдых, чай, может быть, даже дневка. <...> Час, быть может, два, при утомительной работе велов, и мы на берегу. Море осталось позади, мы на Крестовской лопатке, до гусей осталось не больше десяти верст.

Ярк — условное место встречи; здесь сходятся водяники с конниками. Срок — 8 июля, Прокопьев день. Мы приехали 6-го и были первыми, конников нигде не было видно. Еще не успели подняться палатки, как несколько «веток» отплыли обратно в море, ставят сети. Ярк славится муксунами; не прошло и часа, как на берегу трепали жирные, горбатые муксуны, некоторые из них уже были икрачными. Два дня прожили мы на Ярке и добыли за это время десятком сетей несколько сотен рыбы, которую тут же закапывали в мерзлую землю. Зимой,

когда поедут осматривать песцовые пасти, для собак будет уже готов корм.

<...> Перед самым сроком пришли конники, их было четверо на пяти конях. Станным для непривычного взгляда казалось снаряжение конника: высокое якутское седло загромождено кожаными тороками (торока — ремешки у задней седельной луки для крепления клады. — **Н. Вехов**) и грудой сетей, сзади на длинном ремне волочится «ветка», которую добросовестно помогают тянуть 2—3 собаки, привязанные сбоку. Как ни хрупка «ветка», изломать ее нет опасности, здесь нет плавного леса, нет ни одного камешка. Лодка здесь необходима для всякого, без нее в этой стране рек, озер и болот передвигаться невозможно. Теперь мы все в сборе, наша партия состоит из 17 душ.

Утром 8-го отправились дальше, к конечному пункту. День был тихий, солнечный. Два больших и трудных волока — Худая лайда, Худая виска — и впереди показалась земляная юрта (ураса), место нашего лагеря. Худая лайда — велика и мелка, вода в ней всегда мутная. Посередине лежит плоский остров, на котором гнездится «немок»; «немок» называют здесь черную сибирскую казарку. На этом острове обычно собирается на гнездах много пуху. На лайде попадалась казарка и детная, и холостая линная; несколько штук было застрелено из луков. Гуси здесь встречались мало. Из Худой лайды вытекает узенькая, в сажень, очень быстрая и мутная Худая виска, которая, начинаясь здесь, пересекает лопатку и верст через 15 к северу впадает в открытое море.

<...> Три вида гусей известны местным промышленникам — «немок», гуменник и просто «гусь», т.е. черная сибирская казарка (в настоящее время орнитологи идентифицируют этот подвид как восточно-сибирскую черную казарку, населяющую Восточную Сибирь. — **Н. Вехов**), гуменник толстоклювый (один из двух подвидов гуменников; в отличие от своего сородича, тундрового гуменника, имеет большие размеры. — **Н. Вехов**), азиатский большой гусь (видимо, скорее местное название, чем научный термин. — **Н. Вехов**). Как большая редкость встречается еще малый белый гусь (современное название — белый гусь, перелетная птица с белым оперением и черными маховыми перьями, населяет о. Врангеля и участки побережья Чукотского моря; автор использует и другое название — белолобый гусь, хотя это две разные птицы. — **Н. Вехов**), который раньше, лет 30—50 тому назад, гнезвился в этих краях в огромном количестве.

Черная казарка гнездится преимущественно на морских озерах и в устье реки Индигирки, гуменник — на границе тундры и леса, в среднем течении Индигирки, выбирая высокие места, белолобый гусь — во всей приморской тундренной полосе. Границы распространения соприкасаются и по-

рой заходят одна за другую. В наибольшем количестве распространен белолобый гусь, который и является главным предметом промысла. О количестве его можно судить хотя бы по тому, что пять партий гусников, по 5—17 человек каждая, добыли летом 1912 г. от 12 до 15 тысяч штук; это еще считается средним промыслом. При этом надо заметить, что из указанных пяти партий четыре промышляли в бассейне Индигирки и одна — в устье р. Хромы. Огромная полоса совершенно пустынной приморской тундры через р. Алазею к Колыме и через р. Хрому к Яне (в общем протяжением 1.000—1.500 верст), где, несомненно, также гнездится и кочует гусь, остается совершенно нетронутой. Здесь нужно считать гуся сотнями тысяч.

Из всей огромной массы гусей гнездится только незначительная часть. На Индигирку гуси прилетают в первых числах мая, уже спарившись. Для гнездования они выбирают тундру верстах в 50—150 от морского берега. Холостые гуси весь май и первую половину июня держатся здесь же и, начиная со второй половины июня, чувствуя приближение периода линьки, улетают дружными отрядами к морю, где вплоть до окончания линьки — 19 — 23 июля — держатся на многочисленных озерах теми огромными колониями, которые так поражают непривычного наблюдателя. Интересно, что «детной», гнездящийся гусь линяет позднее — приблизительно 28 июля — 10 августа, т.е. тогда, когда молодой гусь начинает летать и уже не нуждается в защите родителей. Эта целесообразность природы поразительна. 8-го июля, когда у холостого гуся уже выпали маховые перья, мы все же встретили у юрты несколько десятков «летучих» гусей. По объяснению промышленников, это были гнездящиеся гуси, у которых весной «пакость» (т.е. песец, чайка или хищная птица) съела снесенные уже яйца. Такие гуси улетают за товарищами к морю, но, как предрасположенные уже к семейной

жизни, линяют позднее холостых. Кстати заметить, песец в текущем году плодился в огромном количестве, почему им и была разорена масса гусиных гнезд, как мне самому в этом пришлось убедиться при сборе гусиных яиц в начале июня.

Вокруг юрты, около которой нам надо было прожить бульшую часть периода гусевания, была все та же жалкая тундра, только почва была еще более болотистая. <...> Юрта окружена водой со всех сторон: с одного бока — извилистая лайда «Кишка» и быстрая мутная Худая виска, с другого — большая лайда, не имеющая имени. Лайды загибаются, скрывают дальние берега, и кажется, будто вода идет кругом со всех сторон к бесконечному горизонту. С нескольких сторон слышался далекий многоголосый крик гусей. «Полно гуся!» — радостно говорили промышленники; всюду встречался гусиный помет и выпавшие маховые перья.

В тот же вечер мы отправились в первый загон. Медленно двигаются по лайде наши 15 «веток». Надо быть осторожным, чтобы не спугнуть гусей, и мы тянемся на волоках, пригибаясь к земле. Широкое темное пятно, которое я принимал издали за берег, стало виднее — это гуси. После маленького военного совета вполголоса выработан наскоро стратегический план, и двое гусников из молодежи посланы в обход; нужно окружить гусей. Они пошли стороной, шлепая в глубоком болоте. Три «ветки» отряжены запереть дорогу гусям с другой стороны. Мы все медленно двигаемся на «ветках» прямо на гусей.

Вот послышался глухой шум, как от сильного водопада; это спугнутые гуси бросились в воду. Обычно они сидят на отмелях и стрелках, собравшись вместе и при малейшей опасности ищут спасения на воде. Темное пятно колышет, расплывается; вот это уже целый островок среди воды, вытупают силуэты гусей, высоко вытаскивающих шею и хлопающих крыльями. Гуси

встревожены и сдержанно гогочут, по-видимому, чувствуя недоброе, но еще не понимают, в чем именно опасность. Посланные вперед «ветки» усиленно выгребают (огребают лайду), и вот вокруг плавучего островка живое кольцо. Беспокойство гусей становится сильнее, крик громче. Хлопая крыльями, они бросаются в стороны, но всюду встречают «ветки». На них машут веслами, плещут водой, гукают, некоторые даже умудряются встать в «ветке» на ноги. Лишь немногие гуси, может быть, более опытные, с отчаянной решимостью бросаются в промежутки между двумя «ветками» и, вытянув шею, хлопая крыльями, с криком несутся по воде и, прорвавшись, уходят проворно дальше. Другие пробуют спастись нырянием, но это удается им плохо. Главная масса птиц держится плотно вместе, дружно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, и тогда видны тесно сжатые ряды голов с белой полосой около клюва или белые пятна подхвостьев. Некоторые приподнимаются над водой, хлопают бесполезными крыльями и оглядываются, как будто хотят измерить степень угрожающей им опасности.

Чем сильнее их сгруживают, тем они становятся молчаливее. Гусей «держат» — их нужно сначала вымучить. «Ветки» плавают вокруг, и живая плотная масса гусей неустанно движется. Гусники стучат веслами, кричат друг на друга, давая советы или призывая на помощь, если гуси всей массой слишком приближаются к одной стороне, некоторые, пугая гусей, громко поют песни. Вот несколько гусей, распутив крылья, молча бросаются, как по уговору, в одну сторону, за ними устремляются другие. Но они замечены, несутся крики, грудятся к опасному месту соседние «ветки», и гуси поворачивают обратно, потряхивая хвостами.

Тем временем двое или трое из более опытных гусников выбирают на берегу возможно более сухое место и начинают здесь ставить сети. Их ста-

Большой гуменник. Худ. Фридрих Вильям Фрохот

Черная казарка

Фото Н. Вехова

вят в зависимости от размеров стада — от 3 до 6 мереж (мережа — нитяная сеть в 1 сажень высоты и 8—10 сажень длины). Ставят на приготовленных заранее тычках и деревянными шпильками прикрепляют в землю. Полукруг открыт к воде, и сюда начинают понемногу подводить гусей. Гуси идут охотно, не подозревая опасности. У сетей стадо сжимается в тесную груду, «ветки» сжаты плотной петлей и давят гусиную массу, у которой только один выход — на берег. Это самый критический и опасный момент, надо внимательно следить за движениями гусей. В один загон ловят от 500 штук до 10000, и при большом стаде сила сопротивления гусей огромна. Прорвавшись в одном месте, птичья громада валит нерасторопного гусника с ног, пробивает брешь и уходит в нее сотнями. Нередко приходится прыгать в ледяную воду и, схватив «ветку» поперек, двигать ее на гусей, продвигая вперед живую стену. Пока сплошь массой прогоняют гусей через этот проход, часть их уже выбежала на берег и с размаху ударяется о сети, стараясь прорваться. Шум, топот, возня поднимаются среди них, когда их всех выгнали на берег, они бьются о сети, топчут друг друга до крови, до смерти, выпирают мясо до костей, и от дыхания огромного стада и разгоряченных тел над сетями поднимается пар; «гуси легчат», как говорят промышленники.

Через несколько минут вся трава вытоптана, и берег превратился в топкое болото. Гусники перелезают через мережи, гуси шарахаются в сторону — лезут через головы друг на друга. Им вывертывают на весу шеи и выбрасывают наружу, скоро кольцо бьющихся гусей окружает сети снаружи. Избивать гусей палкой считается грехом, так как при этом гусь мучается сильнее — «глаза вылезают», и к этому способу прибегают лишь тогда, когда место ненадежно, т.е. берег слишком болотист, и тычки с мережами держатся плохо. <...> Кругом груды гусей, земля истоптана, обрызгана кровью, победители отдыхают на теплых и мягких кучах и грызут горячие еще лапки гусей. Вся добыча делится здесь же на месте по числу паев; каждый полноплавный имеет 1 пай, подростки получают полпая и еще один пай делится между теми, кто привез с собой для ловли мережи («мережный пай»). Этот первый загон дал немного — всего лишь 450 гусей.

Здесь же на месте гуси и зарываются. Особого рода выгнутыми деревянными лопатами (хоёс) вырывают в болоте ямы в четверть (около 20 см. — **Н. Вехов**) глубиной (далее идет мерзлота) и складывают гусей рядами прямо в ледяную воду. Сверх их закидывают и замазывают землей или, вернее, грязью. Гуси лежат до зимы, и лишь к исходу ее их вывозят отсюда на собаках. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что всегда этот гусь отзывается «кислятиной»; к этому давно уже привыкли здесь. Плохо ох-

ранены в этих погребках запасы и от другой опасности — от «пакости». Если песец наткнется на эти земляные кучи летом, он не оставит ни одного гуся, и все понесенные по гусиному промыслу труды пропадут даром. Белый медведь, который «из озорства» (показывает свою удаль) сшибает зимой расставленные по берегу моря песцовые пасти (бывали случаи, что один медведь разорял 200—300 пастей; мне рассказывали как раз про такого «озорника» в Усть-Янске прошлой зимой) — «пакость» более страшная. К счастью для гусников, он реже посещает эти погреба.

<...> За эту неделю на гусей ходили четыре раза, дабывая в загон от 450 до 2400 шт.; всего было добыто свыше 4 тысяч, так что на пай приходилось по 800 штук. В тот год сотню продавали по 2 рубля; в обычные же годы на 1 р. идет десяток гусей.

Когда погода не позволяла гусевать, <...> находилось ещё занятие: теребили из гусей пух и набивали «балбаху». <...> При гусевании не всю добычу оставляют на месте; часть везут домой родным, сколько, кто подымет в «ветке» — от 20 до 40 гусей. Для этого набивают «балбаху». «Балбахом» называется выпотрошенный и очищенный от костей гусь, набитый мясом двух других гусей. Он сложен особым образом: крылья и ножки перепутаны вместе, что не мешает ему в дороге кинуться.

<...> Обычно хитрый и осторожный гусь был теперь, во время линьки, совершенно беспомощен. Чтобы проделать линьку, ему, очевидно, нужно было много сил, так как перед этим он сильно отъедается, во время же самой линьки слабеет и переживает этот процесс болезненно. Молодые перья густо наполнены кровью и сукровицей, которая сочится из ствола пера даже при слабом надавливании.

Насколько я мог узнать, промысел линных гусей в Северо-Восточной Сибири существует только здесь, на Индигирке. Его совсем не знают в Усть-Янске, а в Нижне-Колымске он заменен промыслом на линных лебедей. На всем огромном протяжении своего перелета (из Австралии, Индии, Индо-Китая) гусь является желанной добычей и хорошо понимает, какую опасность представляет для него человек с его ружьем. В этом я убедился лично весной, гоняясь за гусями. Меня поражало всегда, как хорошо гусь определяет расстояние, на которое может взять ружье. Он подпускает почти на ружейный выстрел, но не ближе. Теперь мы нередко находили в добытых гусях дробины — следы преследования гуся на его пути. Кроме дробины в мышцах, облегающих плечевые кости, находят еще небольшие железные, сделанные несомненно ручным способом крючки. Этими крючками, очевидно, где-то и как-то тоже промышленники ловят гусей.

<...> Конечно, ни в местах зимовок, ни на пролете гусей не истребляют в

таком количестве, как здесь, на Севере. Минутя руки австралийцев, малайцев, китайцев и легендарных старушек, лаковая добыча попадает к индигирцам. Я пустил десяток гусей с письмами, в которых было обозначено время и место отправления крылатого почтальона. Мой вестник минут много стран, увидит разные народы. В чьи руки попадет моя весть из этого, оторванного от всего мира, уголка на берегу Ледовитого океана?

На линьке гусь держится плотными и однородными массами. Между четырьмя с лишком тысячами белолобых гусей попались всего-навсего три — черные сибирские казарки («немки») и один гуменник. Кроме гусей, на лайдах встречались всюду в больших количествах утки — вида савок и плосконосые плавунчики; последних было особенно много — «что комара». С каждым днем маховые перья у гуся заметно отрастали, держать и загонять становилось труднее, вместе с крыльями к гусям возвращались сила и осторожность.

Все ближние лайды были уже обойдены — Кишка, Большое и Малое Торбахово, несколько лайд к северо-востоку. Местность всюду одинаковая: бесконечные болота — бадараны, в которые нога уходит до мерзлоты, жалкая трава и мох, еле поднимающиеся над водой, почва торфянистая. Мышиными норами и ходами изрыта вся тундра, мыши бегают даже по совершенно мокрому, почти залитым водой, местам (видимо, это всё же не мыши, а лемминги; мыши в таких количествах в тундрах не встречаются. — **Н. Вехов**). Вода в лайдах пресная и становится слабо-соленой лишь при очень сильном ветре с моря, очевидно, попадая сюда через многочисленные протоки, выходящие на море. Открытое море отсюда всего лишь в 10 верстах; там круглое лето можно видеть с берега далекие плавающие льды.

16-го июля мы двинулись назад. <...> В ночь на 19-е термометр показывал 2° мороза, вода в чайниках замерзла, палатки снаружи обледенели, трава покрылась инеем, вывешенная накануне обувь обмерзла и стучала, как деревянная. <...> Промысел кончался; пришел Ильин день, гуси начали подниматься. Интересен случай, которым сопровождается окончание промысла. В последнем загоне, при избивании гусей, по молчаливому уговору оставляется в живых один гусь. <...> После этого сети открываются, и обезумевший от пережитого ужаса счастливый с криком бежит на воду и хлопает измученными крыльями, пока не скроется на воде из виду.

Конец промыслу. Мы расходимся. Часть (конники) идут дальше к морю ладить пасти (настораживают пасти обычно кончиками гусиных крыльев, заготовляемых нарочно для этого во время гусевания) и искать в ярах кости (мамонтовые клыки); другие разбредаются пешком, волоча за собой «ветки» к ближним пастям, и только всемо

лодок возвращаются назад по прежней дороге.

<...> Индигирцы строго блюдут и исполняют все христианские обычаи, но в душе каждого живет закоренелый язычник. Стихия — в их глазах могучее существо.

<...> Погода занесла нас к устью р. Волчьей, где два дня выжидали, пока стихнет ветер. 24-го июля на новых крыльях пролетели вслед нам гуси; теперь мы не страшны им. В этот день мы, наконец, благополучно добрались до устья Гользинской протоки. Пока мои спутники «гоняли яр», где искали кость, я отправился по протоке один вперед. Теперь на ней было больше жизни. Стаями в сотни голов летали чирки и турпаны, с неприятными криками пронеслись гагары. Лебедь плавно проплыл над головой большим белым привидением, удалось даже встретить редкого гостя тундры —

орла. Несколько раз видел на берегу песцов, и часто попадались маленькие табуны оленей в 6—12 голов.

Обратный путь — против течения и при сильном встречном ветре — показался во много раз труднее, да и силы были уже не те. Сухари кончились у меня еще дней десять тому назад, давно съедена вся юкола, а с тремя последними кусочками сахара я пил чай пять дней. Зато на обратном пути нам удалось промыслить двух оленей, потому мяса было вдоволь. <...> Моя бедная юрта в Русском Устье с железной печкой, чистой постелью и самоваром казалась мне отсюда верхом комфорта и пределом желаний. И лишь ночью 30 июля, после недели непрерывного тяжелого труда, я добрался до нее».

В первой половине 1918 г. В.М. Зензинов жил в Москве, но уже 18 ноября, в результате переворота, приведшего

к власти адмирала А.В. Колчака, был арестован и выслан в Китай.

В январе 1919 г. через Японию Зензинов прибыл в Париж. В эмиграции Владимир Михайлович занимался литературно-журналистской и политической деятельностью. Во время советско-финской войны ездил в Финляндию в качестве корреспондента. По материалам собранных (втайне от финского командования) писем и разговоров с военнопленными опубликовал в 1944 г. в Нью-Йорке на собственные средства книгу «Встречи с Россией. Письма в Красную армию 1939—1940 гг.». Затем уехал в Нью-Йорк, издавал журнал «За свободу». Сот-рудничал в «Новом русском слове», «Новом журнале», «Социалистическом вестнике». Владимир Михайлович был автором целого ряда интересных публикаций-воспоминаний, которые до сих пор мало востребованы. Умер он в 1953 году в Нью-Йорке.

В. Ф. Никропас

Я, Никропас Любовь Прокопьевна, хочу поздравить своего любимого мужа Никропаса Валерия Филипповича с юбилеем — ему исполнилось 60 лет. Желаю моему мужу отличного здоровья на долгие-долгие годы, удачной

охоты, любви и уважения родных, хороших и надежных друзей. Валера — охотник с большим стажем, бригадир в охотничьей бригаде. Более 30 лет выписывает ваш журнал и читает его от первой до последней страницы. Мой Валера — любимый и любящий муж и отец.

Спасибо вам за ваш журнал. Желаю вам процветания и много подписчиков!

Л. НИКРОПАС
Приморский край

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство», через ваше издание мы хотим поздравить нашего дорогого, горячо любимого мужа, папу, дедушку и просто хорошего человека — Кочукова Александра Михайловича, с юбилеем — 23 октября ему исполняется 50 лет.

Александр уже более 10 лет является постоянным вашим подписчиком, а также у него имеется большое количество подшивков любимого журнала, старейшая из которых датируется 1958 г.

Долгий путь охотника-любителя Александр начал в пору своей юности и вот уже на протяжении более 34 лет не изменяет этому увлечению.

С самого начала увлечения охотой Александра сопровождали его неизмен-

А. М. Кочуков на охоте

ные и верные друзья — собаки. На данный момент его помощниками являются 2 западносибирские лайки — Саян и Герда, а также подающая надежды семимесячная выжловка породы «Русская гончая» по кличке Веста.

Хотелось бы пожелать нашему юбиляру крепкого здоровья, долгих лет жизни и, конечно же, запоминающихся охотничьих трофеев.

Семья Кочуковых, Лазаревых.
с. Николаевка, Нижегородская обл.

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Наша семья уже много лет выписывает ваш журнал, в котором для каждого найдется интересный его материал. Спасибо вам, что вы с одной стороны не изменяете своим традициям, а с другой — идете в ногу со временем.

Хочу поделиться с вами фотографией из семейного альбома. Наш кот Ясик обожает газеты и журналы, но не читать, а спать на них. Сын готовился к конкурсу рисунков «Природа — наш дом» и разложил на полу журналы, чтобы выбрать подходящую иллюстрацию для своего рисунка, а кот, недолго думая, решил отдохнуть.

Оксана АГАФОНОВА

17 мая этого года в нашем городе – Щигры Курской области проходила очередная выставка охотничьих собак. Больше всего было русских гончих. Открытие выставки началось с поднятия флага. Под звук охотничьего рога флаг было доверено поднять победителю прошлогодней выставки, а когда зазвучал рог, то все гончие дружно подпели и дали всем понять, что это они виновники торжества. Выставка собак, конечно же, праздник для их владельцев и не только, так как многие охотники на выставку пришли со своими семьями и праздник получился общий.

Интересно было наблюдать как в одной возрастной группе шёл глава семьи с выжловкой, в этом же ринге шла хозяйка семьи тоже с выжловкой, а дочь стояла и болела за своих питомцев, за которыми она начала ухаживать, когда они ещё помещались на ладони ее руки.

Вот такой у нас получился праздник.

Н. КОЧЕРГИН
Щигровский район

Общий праздник

С гончими на медведя

Сергей ДЕМЧЕНКО, Виннипег, Канада

Охота с гончими... Для некоторых людей это простой звук, простое словосочетание, обозначающее охоту с собаками, но для многих, в том числе и для меня, это праздник души, музыка, спетая твоими любимыми воспитанниками, приводящая тебя в необыкновенное состояние единения с работающими собаками, неутомимыми в преследовании и жаждущими заполучить желанный трофей! Я никогда не охотился с гончими на медведя, но один из моих канадских друзей, охотящийся много лет только с луком, нашел человека, специализирующегося именно на этом виде охоты. Предлагаю вашему вниманию его рассказ, записанный мной.

“Было раннее утро, когда мы нашли медвежий след, хорошо видимый, парной, громадный след на заснеженной обочине лесной дороги. Мое сердце сжалось от сладостного предчувствия предстоящей охоты. След был оставлен правой задней лапой зверя, был значительно шире моей ладони и был, наверное, самым крупным из виден-

ных мною раньше. Мой гид Бакки тщательно рассматривал след, стоя над ним на одном колене.

“Хороший зверь, — сказал он, — Давай попробуем взять его!”

Бакки опрокинул заднюю дверцу пикапа, открывая доступ к клеткам с собаками. Они заскулили, нервно тыкаясь мокрыми носами в мелкую металлическую сетку на дверцах клетки. Бакки приоткрыл обе дверки клеток и перекрыл выход наружу рукой. Собаки сгрудились возле дверцы. Бакки ждал выхода Тогги, своего любимого, мощного, с крепким костяком и безобразно изорванными ушами гончего, который скользнул из-под руки хозяина и, оказавшись на снегу, хватнул медвежий запах и разорвал тишину леса своим мощным басом. Оставшиеся собаки тут же отозвались нервным повизгиванием, обещая нам и Тогги посильную поддержку.

За четыре дня совместной охоты я стал не только уважать Бакки, но и восхищаться его охотничьими способностями. Он был одним из очень извест-

ных и уважаемых в охотничьем мире гидов в данном регионе, специализирующихся в охоте на медведя с собаками, имеющий 100 % положительных отзывов от охотников.

Для меня эти несколько дней охоты были полны впечатлений и эмоций. Каждый день я видел хотя бы одного зверя, осаженного собаками, но моя проблема была в том, что я хотел добыть именно крупного медведя и только из лука. Я был далеко не новичок в охоте с луком. К этому времени я уже добывал медведей и с подхода, и на приваде, но сейчас, из-под гончих, я хотел добыть огромного, с поздне-осенним пышным мехом зверя, который был моей навязчивой идеей в последние пару лет. Я знал, что именно здесь, в этом регионе обитают самые крупные особи Северо-американского континента, и мне оставалось только одно — найти его, самого крупного! Именно поэтому я и обратился к Бакки.

Размер отпечатка следа зверя — не всегда индикатор размера самого зверя, но всегда может многое рассказать

о нем. Обычно крупный след говорит о габаритах его хозяина, о размерах его головы и тела.

Как только Бакки открыл обе двери собачьих клеток и поток гончих хлынул наружу, я скрестил пальцы, надеясь в конце гона увидеть медведя с приличной шкурой и достойным расстоянием между ушами на громадной башке.

С точки зрения дилетанта, охота на медведя с гончими достаточно проста. Охотники ездят на машине по дорогам, пока не найдут заветный след на заснеженной обочине. Бывалый охотник на медведя способен рассмотреть отпечаток следа на снегу на скорости примерно в 45 км/ч. Хорошие гончие будут уверенно разбирать и вести след 8-часовой давности и вам, для полной уверенности, остается только проверить качество следа, поставив на него одну из своих гончих. Если она отдала голос на следе, то смело пускайте стаю и ждите. Есть еще некоторые нюансы: нужно убедиться, что гончие идут в нужном направлении, не в пяту. Для этого, пройдя по буреломам, где обычно старается идти медведь, пересечь след и определить по качественному отпечатку направление хода медведя. Собаки могут сойти со слуха и, ввиду отсутствия дорог, вам нужно скакать по заснеженным и обледеневшим камням и стволам деревьев, пытаясь найти гон. После того, как собаки посадят зверя, вы должны потарапливаться, так как, в отличие от бурого собрата, черные медведи прекрасно лазают по деревьям и с какой скоростью он может взобраться, примерно с такой же может и спуститься. Собаки в этом ему не помеха, он смело атакует их и пускается наутек. Канадские леса изобилуют ветровальниками, болотами и просто непроходимыми крепями, по которым медведь уходит от преследования. В этом случае ему легче оторваться, запутать следы, подкараулить, атаковать и, наконец, убить собак.

В тихий, безветренный день, пустив своих собак, Бакки может стоять на одном месте, безошибочно определяя, какая из собак работает и где, работают ли они по зверю или просто поддерживают сотоварищей, где затаился зверь, где попытался атаковать, где взобрался на дерево, а потом спрыгнул. Обычный охотник в это время слышит только многоголосый хор собак. Собачник же слышит музыку, различая каждую взятую в ней ноту.

Гончие Бакки шли по следу на полных ногах, отдавая голоса. Их чутье

захлестывал горячий след медведя и они плакали, стонали и причитали по ушедшему, извещая нас о том, что зверь где-то не далеко. Вполне возможно, что собаки посадят зверя очень быстро и не далеко от нас!

Музыка гона разлилась по долине, отражаясь от скалистых вершин и темно-зеленых стен леса. Стройным хором, указывающим ход зверя, пели гончие, не смолкая ни на минуту, без перемолчек и сбоев. Я понимал, что под таким напором медведь будет идти со скоростью скорого поезда, не разбирая дороги, круша сушняк на своем пути и, остановившись для передышки, дать бой особо оторвавшимся собакам. Он может быть на земле, на дереве или за каким-нибудь заслоном на земле, в виде выворотня или скалы. Но вместе с тем опытный, крупный зверь не будет долго задерживаться на одном месте, зная, что за собаками обычно следует охотник. Крупный медведь не очень охотно взбирается на дерево, предпочитая уходить низом, а взобравшись — не долго там сидит, старается спрыгнуть, дать бой собакам и уйти дальше от назойливых голосов. Преследуя такого зверя, охотник должен держаться как можно ближе к гону, стараясь быстрее подойти к остановленному животному.

Гончие сделали круг и сейчас уходили по прямой в скалы. Пронзительный ветерок запел в сосновых иголках, мешаясь с голосами гончих и отдавая нас колючим снегом. Мы быстро ретировались с нашего наблюдательного поста и заняли места в пикапе, опасаясь, что гончие сойдут со слуха и мы их потеряем. А это будет большая проблема! Машина нырнула в какой-то узкий лесовозный тоннель, отдаленно напоминающий дорогу, и мы медленно взбирались на хребет. Выскочив из машины, мы пытались отслучивать собак, но только усилившийся ветер свистел в ушах. Собаки могли быть внизу, в каньоне, но ветер не давал возможности слышать, где именно. Час спустя мы объехали каньон, где исчезли собаки, по кругу. Ни следа медведя, ни следа собак, пересекающих этот огромный круг, мы не нашли. Но медведь был под собаками и все они были здесь, в обрезанном нами пространстве.

Бакки решил пересечь след, время от времени останавливаясь и уходя в чащу от дороги. Неожиданно быстро, при второй остановке, в глубокой промоине, уходящей вверх, в скалы, он увидел след стаи и огромный след медведя, не затоптанный собачьими лапами. Приняв след, мы начали подъем. Неожиданно ветер прекратился, и мы отчетливо услышали далекие голоса гончих, доносящиеся из-за хребта.

Сколько гончие держали зверя на месте, был ли он на дереве или в скалах? Как долго он будет сидеть под собаками? Это была проблема, которую можно было решить только на месте. Мы заторопились, готовя на ходу собачьи поводки и ошейники. Между тем ветер начал поддувать опять, чем ближе кверху, тем сильнее. Я нервно сжимал свой, готовый к действию, лук. Он был отрегулирован для охоты на медведя; я использовал только алюминиевые стрелы, которые были способны пронзить медведя навывлет, нанеся смертельную рану. Был ли это мой медведь? Нужно немного успокоиться. Последние метры в скалах. Мы переваливаемся по камням, стараясь идти быстро. Собаки голосят по зрячему, рядом за хребтом. Минуту позже мы уже рассматриваем зверя. Громадный, темно-бурый, почти черный с крупной головой, такой, о котором я мечтал. Он сидел на нижних сучьях зрелой, высокой и толстой, янтарно-желтой сосны, безучастный к исходившим злобой собакам.

Бакки начал ловить и привязывать собак. Мы оба понимали, что медведь, спустившийся после выстрела, может быть не в самом лучшем настроении и может легко из жертвы превратиться в охотника. Бакки взял на ошейник последнюю собаку и рыкнул мне, задаваясь от азарта: "Стреляй! Если он свалится подранком, я смогу помочь тебе, выстрелю из карабина!"

Я вставил стрелу. Медведь не сводил с меня глаз. Я натянул тетиву, прицелился и выстрелил! Я видел как стрела вошла в область легкого и вышла с другой стороны. Медведь, как белка, слетел со своего сука, ударился о нижний и полетел огромным шаром к земле. Упав, он пытается встать, гребет лапами.

Все заглодело у меня внутри, когда я увидел, как Бакки поднимает свой древний Винчестер. Это всё! Пуля в медведе сведет на ноль мой шанс попасть в книгу рекордов охотников с луком на медведя! Я лихорадочно пытался вставить вторую стрелу, но предатель-адреналин был заодно с медведем. Я никак не мог попасть в прорезь стрелы тетивой.

Секундами позже лапы медведя расползлись, он вздрогнул всем телом и затих. Стрела четко сделала свою работу, раскрыв смертельную рану в мощном медвежьем организме".

Фото Л. РЕМЕНЮК

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит фотоконкурс под девизом «Охота и природа»
Подробная информация о фотоконкурсе – в № 1 за 2014 г.

С гончими на медведя

А. КУЗЯЕВ, кандидат биологических наук, эксперт всероссийской категории

«Природные качества собаки, как бы они ни были высоки, всегда совершенствуются или уничтожаются в зависимости от степени умения или прилежания к делу охоты самого охотника».
Н. Н. ЧЕЛИЩЕВ

Нагонкой принято называть обучение молодой гончей розыску и преследованию зверя, а также подготовку гончей к охоте. К наганиванию молодых гончих надо приступать не ранее, чем им исполнится 10—11 месяцев. К этому времени они успевают достаточно развиться и окрепнуть, без ущерба для здоровья выдерживают физические и психические нагрузки начального периода нагонки. Ранняя нагонка с 5—6 месяцев, как правило, заканчивается печально. И как тут не напомнить предупреждения основоположника ружейной охоты с гончими Н. П. Кишенского: «...если дорожить гончими лучше опоздать несколькими месяцами, чем урвать несколькими неделями».

А вот что писал по этому поводу один из могижан отечественного охотничьего собаководства Н. Н. Челищев: «К наганиванию гончих щенков надо приступать не ранее, чем им исполнится год. До этого возраста они не успевают как следует развиться и окрепнуть, а потому могут надорваться на гону, сесть на ноги и вообще получить такие повреждения организма, которые останутся у них на всю жизнь. Оговорюсь немного, что если у охотника есть только один щенок и его приходится наганивать в одиночку, то тут еще можно несколько поступиться сказанным и начать нагонку хотя бы с десятимесячного возраста, однако надо особенно щадить его силы и не злоупотреблять тем, что щенок начал хорошо гонять, и, стало быть, с ним можно охотиться по целым дням и давать ему на проводках гонять по несколько часов подряд. Повторяю, что это вредно отзовется на здоровье щенка, а может быть приведет и к его гибели».

Несколько лет назад известный эксперт-кинолог по гончим Д. Федоров опубликовал в журнале «Охота и охотничье хозяйство» статью, в которой в самых лестных тонах отзывался о гончей, прекрасно работающей по беляку с семимесячного возраста. Следом появились еще публикации подобного рода. У отдельных авторов щенки аж с пятимесячного возраста «лихо гнали». К сожалению, никто из авторов не проследил за судьбой «скороспелых вундеркиндов». Согласен, что гончая и с пятимесячного возраста может отдать на следу голос и еще продвигаться некоторое время с голосом до первой сметки зайца. Отдача голоса — врожденный безусловный рефлекс, природный дар, и отдача 5—6-месячным щенком голоса на

следу зайца или лисицы как раз и есть одно из проявлений природного задатка, о чем мы скажем ниже. На то она и гончая!

Долгие годы при МООиР работала станция для нагонки и испытаний гончих «Пласкинино». По весне и осенью в качестве егеря-консультанта служил незабвенный Николай Митрофанович Назаров. Многим начинающим гончатникам он преподавал мудрые уроки нагонки. Поучились мы у него и правильной оценке работы гончих, но однажды крепко ошибся и он. Молодая выжловочка Лапка — дочь знаменитого Назаровского чемпиона Зажигая 1699/гр, уже в 6-месячном возрасте показывала стабильно дипломную

перегрузки сердца и подрывать этим еще не окончательно окрепший организм». Но где она, эта грань «осторожности»? И всякий ли гончатник в силу страсти, увлеченности способен вовремя внять голосу здравого рассудка?

Мудрый совет оставил нам на память и безвременно ушедший из жизни Б. И. Марков. Читаю в его книге «Гончие и охота с ними» (М.: «Физкультура и спорт», 1991): «Я помню, когда я впервые наганивал пятимесячную русскую пегую гончую Скрипку. Собака была вязкой, но после тридцати — сорока минут гона ложилась, потом, отдышавшись, принималась вновь. Собаку я испортил... Я помню, как старый московский гончатник-эк-

Первое знакомство гончих щенков с запахами леса

сперт В. Х. Браушкин брал на охоту восьмимесячную русскую пегую гончую Волгу и пускал ее в паре с осенистым выжломом Мальшом. Волга оказалась настолько вязкой, что ее часто только в сумерках снимали с гона и не раз уносили на руках в деревню — идти сама она не могла. Выросла очень слабой, на выставке с натяжкой давали ей оценку «хорошо». Правило для всех гончатников одно: не затягивать, а втягивать собаку в работу постепенно».

Известный мэтр охотничьего собаководства второй половины XIX и начала XX века Н.Н. Челищев считал, что достоинства гончей зависят от тех внутренних качеств, которыми природа ее наделила.

«Все эти качества, — писал он, — могут быть разделены на два рода: — качества, которые могут развиваться в собаке только самостоятельно, и усилила человека не могут оказать существенного влияния на их развитие; — качества, которые и присущи

Вот, видимо, о таких загубленных ранней нагонкой и пишет в своей книге «Русская гончая» Р. Шиян: «...немало примеров тому, когда рано наганивавшиеся гончие теряли навсегда проявляющуюся у них по молодости страстность и пылкость беззаветного гонца».

В. И. Казанский в своей книге «Гончая и охота с ней» (М., 1973) считает допустимой раннюю нагонку, но строго предупреждает, что «...при наганивании молодых гончих необходима осторожность. Нельзя переутомлять их,

Русская гончая

данной собаке от природы, но могут быть развиты до высшей степени благодаря умению и знанию дела самим охотником».

К качествам первого порядка Н. Челищев относил чутьё, голос, вязкость, паратость, крепконогость, вежливость.

И в самом деле, нагонкой мы не сможем повлиять ни на чутьё, ни на паратость, ни на вязкость. Испортить эти природные качества неправильной нагонкой можно, и об этом мы еще скажем. А мастерство гончей — реализация в процессе правильной воспитания, дрессировки, нагонки всех тех задатков, которыми природа гончую и наградила.

Время года, когда начинать наганивать, приходится согласовывать с возрастом собаки. Там, где есть и белаяк, и русак, лучше наганивать молодую гончую по белаяку. Опыт и практика показывают, что гончая, нагоненная по белаяку, после небольшой практики хорошо работает и по русаку. И наоборот, гончая, нагоненная по русаку, сначала хуже работает по белаяку и только после хорошей практики начинает работать и по белаяку. Почему это происходит именно так? Белаяк в лесу, уходя от преследующей его гончей, старается как можно больше запутать гончую, удалиться от нее и где-нибудь запасть. Русак по своей природе ходит от гончих более прямо, меньше путает, поэтому гнать его легче, но зато заяц-русак часто пользуется дорогами, что также затрудняет работу гончей. Если есть возможность, то наганивать гончую надо как по одному, так и по другому зверю.

Первые выходы на нагонку необходимо делать весной при наиболее благоприятных условиях — по хорошему чернотропу и при сравнительно прохладной погоде, когда оптимальная возможность для причувания.

И раньше, для пополнения комплектов охот, и сейчас знающие толк гон-

чатники стараются брать для воспитания щенка весеннего помёта. И растить его легче, и можно предупредить массу осложнений, связанных с нарушением обмена веществ. К следующей весне в ваших руках крепкий, энергичный, прошедший хорошую школу дрессировки гончак. И сама природа зовет владельца гончей в лес — на чернотроп. Благодатное время, когда гончая учится пользоваться чутьем, тонко дифференцировать (выделять) из многообразия запахов пробуждающейся природы запахи, оставшийся на следу зайца. Научится этому ваша гончая, и если она от природы чутьистая и вязкая, — быть ей мастером! «Иногда, — пишет Н. П. Кишенский, — и необходимость заставляет наганивать осенью. Это бывает, когда молодые гончие — осенние щенки, и им минет

год осенью; но и в этом случае можно ограничиться несколькими полями, чтобы собаки принялись, а настоящее наганивание отложить до весны»¹.

Место для нагонки нужно выбрать удобное — в незахламленном лесу, там, где нет тяжелых, труднопроходимых болот, где достаточно, но не слишком много зайцев и где мало, а лучше совсем нет лисиц. Обилие зверя портит молодежь; не успеет гончая потерять след одного зайца, как наткнулась на след другого, и ей незачем добывать след первого зайца, незачем вырабатывать пристального преследования одного зверя.

Наганивать молодых гончих, первоосенников, по белой тропе очень и очень вредно! Гончая по первой осени еще не совсем хорошо научилась пользоваться чутьём даже по чернотропу, когда запах зверя отчетливо чувствуется, по белой же тропе этот запах она чувствует слабее, а между тем природная вязкость заставляет ее настойчиво выправлять сметки, двойки зверя. В конце концов собака начинает восполнять недостаток чутья зрением, то есть гнать на глазок, подчас забывая о чутье, а затем и вовсе с ним не считаться. Однако точно определить свежесть следа глазом она не всегда сумеет, а потому начинается гон и по свежому, и по старому следу, иногда даже в пяту, и собака часто портится окончательно. Ранняя нагонка по белой тропе и, естественно, охота почти всегда бывают причиной адского добора у гончей. Добор, как известно, это отдача голоса на жирах, по уже ос-

¹ К сожалению, последнее дополнение к закону «Об охоте», принятое в декабре 2013 г., которое разрешает нагонку гончих только в период открытой охоты, т.е. осенью, не дает возможности хорошо подготовить гончую к охоте, чем практически сводит на нет правильное племенное разведение и совершенствование гончих собак.

Русская пегая гончая

Фото В. Животченко

тившему следу, а бывает и вообще без следа — у пустобрёхов. Очень убедительный пример пагубности ранней нагонки по белой тропе приводит В. Казанский в книге «Гончая и охота с ней»: «...в результате стоило им завидеть на снегу след зайца или лисицы, как они начинали отдавать голос так, что и не отличишь от гона...»

Отдача голоса — наследственно закрепленный из поколения в поколение безусловный, то есть врожденный рефлекс. Но чтобы этот рефлекс проявился, должен быть условный раздражитель. Сигнал может поступить через обонятельный, зрительный, вкусовой и даже кожный анализаторы. При нагонке по черной тропе безусловный рефлекс (голос) проявляется при воздействии запахового раздражителя (запах зверя) через обонятельный анализатор на кору головного мозга. При нагонке по белой тропе два раздражителя: зрительный (след зверя) и обонятельный (запах следа зверя). Другими словами, действует ассоциированная пара условных раздражителей, и на них вырабатывается условный рефлекс — отдача голоса. Когда же гончая с белой тропы переходит на чернотропу, воздействие на зрительный анализатор отсутствует. Неподкрепление безусловного рефлекса импульсом из коркового конца зрительного анализатора приводит к перевозбуждению нервной системы и даже срывам, особенно у собак легководородимых, с неуравновешенным типом нервной системы. Тут-то гончая и начинает голосить! И если подобное многократно повторяется, в ней закрепляется добор, который потом перерастает в пустобрёхство. Вот почему наши мудрые предки, как уже было сказано выше, наганивали гончих только по чернотропу, учили их первоначально пользоваться чутьём.

Первоначально лучше начинать нагонку там, где достаточно зверя и гончей удастся быстро перевидеть его. Выбрав место в лесу, а лучше на опушке леса, остановитесь, обласкайте собаку, дайте ей кусочек лакомства, потом подайте команду «стоять», повторив ее несколько раз, снимите ошейник, постоит 1-2 минуты, подайте команду «искать» и идите с ней не спеша в выбранном вами направлении. Некоторые гончие сразу кидаются в острок и начинают бегать по кустам, иногда удаляясь на довольно приличное расстояние от хозяина. Такие гончие наперед обещают глубокий и широкий полаз. Другие же, напротив, бегают близко или вообще не отходят от ног, но это не означает, что со временем они не станут искать глубоко. Это только начало, поэтому ни в коем случае не отгоняйте гончую и не поступайте с ней грубо.

Для оказания помощи гончей в подъеме зверя необходимо «порскать», то есть периодически покрикивать и посвистывать или давать команды: «Буди его, буди», «Добудь, добудь» и т.д. Но порскать надо весь-

ма и весьма умело. Если у гончей полаз неглубокий, то желательно порскать почаще и энергичнее, при глубоком полазе порскать нужно пореже. Конечно, на первых порах надо ходить по наиболее типичным для лежек зайцев местам, но всегда более или менее прямолинейно. Очень азартно порскать не следует, так как это будет отвлекать гончую от самостоятельного поиска зверя и она может привыкнуть ходить только около хозяина, ожидая, когда он ей поднимет зайца. При этом у нее не вырабатывается широкий и глубокий полаз.

Для владельца гончей необходим сигнальный рог. Но как же портят гончих любители потрубить впустую. Долго не видя гончей, находящейся в полазе, эти «музыканты» начинают беспокоиться и отчаянно трубят, чем, конечно, возвращают гончую к себе. А есть другая категория охотников — они дают трублением направление собаке. Еще раз повторяю, что у гончей прекрасное чутьё, слух и в большинстве случаев она не нуждается в подобных сигналах, поскольку по порсканью четко уловит, что хозяин сменил направление.

Случается, что заяц поднят вами, а гончей рядом нет, и она не видела его. Тут необходимо азартно звать гончую, т. е. заманивать ее на след. Это называется у гончатников «наклик». Обычно в таких случаях гончатник энергично зовет: «Вот он, вот он!» И как только гончая подойдет, поставьте ее на след зверя или на то место, где он прошел. Вначале гончая будет только обнюхивать след. Возможно, что она пойдет по следу с голосом, немного пробежит по нему. А может быть и так: гончая след не примет, а будет бегать возле хозяина в недоумении. Не смущайтесь и не огорчайтесь, на все есть свое время. Как

только гончая сама побудит зверя, увидит его на глазах, то обязательно погонит его с голосом. А если вы заметили, что гончая, находясь в полазе, начала приискивать, энергично крутит гонмом, тщательно обнюхивает землю, то удаляясь, то вновь возвращаясь, ходит в основном по одному месту, осмотрите внимательно местность. Если вы найдете на траве свежий заячий помет, следовательно, ваша гончая попала на жировку зайца (место, где он кормился). Да и свежие поглоты часто можно заметить. Заяц, возможно, лежит где-то рядом, недалеко от жировки. Порская, ходите кругом около места жировки, увлекайте гончую за собой. Таким способом приучите гончую, почуяв жировку, обыскивать местность кругами, находить уходящий след зверя и по нему добраться до его лежки.

Вот гончая сама побудила зверя и погнала его, но на первом же крутом повороте или двойке потеряла зверя и, побегав немного, поторопилась к хозяину. В это время собаке необходима активная помощь. Чтобы найти сматерившего зверя, необходимо сделать с собакой на месте скола круг, а затем все шире и шире, постоянно ободряя ее порсканьем, и ни в коем случае не уходите без того, чтобы зверь снова был поднят. Как только гончая снова помкнет и погонит зайца, старайтесь быть к ней поближе. Если гончая смолкла и молчит 10—15 минут, необходимо поторопиться на место скола. И опять ходите на месте скола кругами, увлекайте за собой гончую. Так надо поступать и при следующих сколах. Конечно, тут от охотника требуется много терпения и хладнокровия. Постепенно убеждаясь, что зверь не может пропасть и что его можно отыскать, молодая гончая входит в больший и больший азарт, приобретает настойчивость в

На нагонку весной. О. Богадяж со своими русскими гончими

Перед весенними испытаниями

направлении следа не только в присутствии хозяина, но и без него. Когда молодая гончая усвоит приемы работы по свежей жировке, выходы на нагонку следует постепенно отодвигать на более позднее время с тем, чтобы гончая могла разобрать и несвежий след.

Натечет ваша гончая на один-единственный остывший след, доработает его и ярко погонит. В последующем эта гончая зверя никогда не подменит и, приняв на жировке один след, не перескочит на другие, а непременно добудет зайца, чей след она приняла первым. Ведь у каждого зайца свой, сугубо индивидуальный запах, а при нагонке по чернотропу чуткая гончая научится четко различать запахи.

Гончие, не научившиеся дорабатывать следы, ничего, кроме досады, владельцу не принесут. На охоте такая гончая «пересчитает» следы всех живущих в округе зайцев, да так и не поднимет ни одного.

Разные бывают гончие. Одним нагонка и выработка мастерства даются легко, для других этот процесс дается труднее, а третьи так и не осваивают его никогда. Но ведь очень многое зависит и от владельца. Неумелой нагонкой можно испортить гончую с богатейшими природными задатками. Выше сказано, как можно испортить гончую ранней нагонкой по белой тропе. Еще больший вред приносит ночная нагонка, когда зверь на ходу и гончая перескакивает с одного следа на другой, не обращая внимания на менее свежие следы. Ночью никто с гончей не охотится, поэтому на охоте днем такая «полуночица» подостывший след не примет и останется без подъема. Иногда на испытаниях наблюдаешь за гончей в полззе и видишь, что она больше тяготеет к просекам, к стежкам-дорожкам, избегая мест, типичнейших для лежки белаяка. В большинстве случаев такие гончие остаются без

подъема, а виноват-то владелец, злоупотреблявший ночной нагонкой или предпочитавший больше порскасть по просекам и при нагонке держаться лесных дорог. Вот гончая ему и «подражает».

При нагонке никогда не надо отчаиваться, удача приходит только к терпеливым. Никогда не спешите выносить приговор молодой гончей. Бывает, собака долго не принимается. И на след взбудного зверя ее ставишь, и на перевиденного, а она не реагирует. Если гончая хороших кровей и если она после чумки не потеряла чутьё, она обязательно заработает. Была у меня выловка Арфа (М-1829), несла она в себе кровь выдающихся русских пегих гончих аж до 8 колена родословной, а гнать не принималась почти до двух лет. Когда же, наконец-то, услышал ее голос, слезы выступили, комок к горлу подступил. Иначе и быть не могло — она доводилась правнучкой Пороши 1009 рпг (голос 9-4-4), внучкой Гайды 1156 рпг (голос 8-4-4). Помню, старый гончатник Е. Ф. Быков просил меня иногда доставить ему удовольствие послушать в лесу Пальму 2300 — мать Арфы М-1829. Голос Пальмы 2300 рпг воистину напоминал лебединую песню.

Если при нагонке ваша молодая гончая заголосила по копытному, следует на повышенных тонах подать команду «Отрыщ!», повторив ее еще раз — другой. Трубите — отзывайтесь энергичнее, а сами уходите в противоположную сторону. Поняв, что хозяин удалится, собака быстро прекращает ненужный гон и возвращается. Подбодрите ее, приласкайте и угостите лакомым кусочком. После нескольких уроков, поверьте, ваша гончая все поймет и в дальнейшем на охоте останется равнодушной к зверю не ее «профиля».

Никогда, никому не доверяйте свою гончую! Однажды я на охоту поехал по приглашению хороших друзей, а потом уступил их просьбе и оставил им «поохотиться» свою гончую, которая на копытных никакого внимания не обращала. Вернули мне адскую копытницу.

Если вы занимаетесь нагонкой молодой гончей, то позабудьте в лесу о сборе грибов, ягод и т.д. Ваша гончая быстро поймет, что она вас меньше интересуется, и в итоге или бродит рядом, или, не обращая внимания на вас, действует сама по себе. А это одна из первоначальных причин непослушания и бродяжничества.

При нагонке молодой гончей следует чаще менять угоidia. В одном и том же месте гончая быстро запоминает все места встреч со зверем и при набросе сразу же отправляется туда. Смена участков причит ее искать не место, а след зверя. Опытная гончая в любых новых условиях хорошо ориентируется, знает характерные места залежания зверя и туда устремляется. А

опыт — дело наживное, надо только почаще бывать с молодой гончей в лесу.

Выше речь шла о нагонке одиночной гончей самостоятельно. Можно ли наганивать молодую гончую со старой опытной гончей?

Да, можно и нужно, если для этого имеется возможность. Но при этом необходимо, чтобы старая гончая не страдала такими пороками, как слабоболосость, скотинничество, не гоняла лося и кабана, не облаивала пернатую дичь и белок. Как ни странно, молодёжь охотнее перенимает у старых пороки, чем достоинства. Главное, чтобы молодая гончая рядом со старой поняла след гонного зверя, получила навыки справления сколов, сметок и т.д. Как только вы почувствовали, что молодая гончая начала, что называется, «шевелить мозгами», ее необходимо отделить от другой и работать с ней в одиночку.

Наганивание смычка никаких особенностей не имеет. Желательно, чтобы собаки были из одного помета, равной физической зрелости и обязательно были одинаковой паратости. Если этого нет, то и ровного хорошого гона не получится, потому что при разных ногах одна гончая вырвется вперед, а другая отстанет, и порой изрядно. Вскоре отстающая будет «срезать углы», т.е. перечить. Эта дурная привычка очень быстро укореняется, и такой «перечун» не годится ни в стаю, ни в смычок, а в одиночку может работать отлично.

Случается, ваша вязкая от природы гончая и уже набравшая опыта и мастерства никак не желает расстаться со свежим следом. Ах, как приятно слушать яркий и пристальный гон! Но порой время поджидает, последняя электричка вот-вот минует платформу, а ваша вязкая гончая не идет на зов трубы. Разводите костер и устраивайте хороший ночлег. Но свою гончую одну в лесу не бросайте и домой не уезжайте. Иначе в перспективе вы будете иметь дело не с душой охоты — гончей, а с неуправляемой бродягой. Молва о таких бродяжках очень быстро распространяется. На испытаниях, состязаниях, даже если по жребию вам достанется благожелательный первый номер, если вы уважаете время других участников и ноги экспертов, вы непременно попросите последний наброс. А потом еще сутки-двое будете разыскивать по лесу свое чадо.

В заключение скажу, что в этом разделе изложены лишь основные и элементарные сведения о наганивании гончих, и это ничуть не стесняет охотников от применения в нагонке других разумных приемов, которые они найдут нужными употребить. Никогда не надо забывать, что каждая гончая — индивидуальность, а нагонка — процесс творческий.

**Продаю охотничье ружье «Бюхаг» Германия. 16 калибр, вертикальное, 1956 г. выпуска
Т. 8-919-027-21-48. Владимирская область**

Дриллинг

– универсальное трёхствольное ружье

Виктор ГУРОВ

В январе сего года у меня возникла необходимость собрать как можно больше информации о трёхствольных ружьях-дриллингах. Посещая охотничьи магазины, я подолгу задерживался у витрин с комиссионными ружьями, в надежде увидеть что-нибудь мне нужное. Глядя на них, довольно часто задумывался над тем, какой долгий путь прошло оружейное производство прежде, чем они попали нам в руки. Однажды увидел трёхстволку. Уж больно она была похожа на ту, что когда-то в молодости радовала меня. У продавца поинтересовался: Merkel? Нет, — ответил тот, — это бельгийский дриллинг фирмы «Дюшато» (Duchateau). Я упросил его дать мне возможность подержать это ружьё в руках и осмотреть. Это оказался штурцер-дриллинг.

Я не раз задавался вопросом, а почему в трёхстволках возникла потребность? Оказалось, при значительном разнообразии выпускаемого охотничьего оружия в середине 19-го столетия, у охотников иногда возникали потребности иметь на охоте комбинированное трёхствольное ружьё с одним или двумя нарезными стволами и гладкими. Такое ружьё позволяло бы охотиться и на лося, и на кабана, используя нарезные стволы, а гладкие на зайца или птицу. Как говорится, раз есть потребность, то будет и предложение. Более успешно развивалась европейская школа ружейного производства в таких странах как Германия, Бельгия, Австрия, Франция. Из истории производства огнестрельного оружия мы знаем, что всё новое сначала использовалось охотниками, а уж потом осваивалось в армии.

Дриллинг фирмы Merkel. Ещё в средние века г. Зуль снискал славу города оружейников. Из рук его мастеров выходили ружья, высокохудожественно оформленные и превосходного качества. Первое трёхствольное ружьё (дриллинг) было запатентовано в 1878 г. Петером Оберхаммером¹. Он настолько влюбился в своё детище, что других ружей на охоте и не признавал. Следует отметить, в Европе были и другие фирмы, выделяющие трёхстволки. Пытались их производить и в США, но такое ружьё там не прижилось. Менталитет другой у американских охотников.

¹ Waffenschmied — клубный журнал американских коллекционеров (№ 34—2008, стр. 24) сообщает, что оружейная мастерская К. Функа — самый первый производитель тройников в Германии. Свои дульнозарядные трёхстволки с ударно-капсюльными замками фабрика поставляла в Северную Америку еще в 1852—1860 гг. (прим. редакции).

В 1898 г. братья Меркель основали свою фирму с таким же названием «Merkel». Им удалось соединить станочное производство с ручным трудом. Их продукция пользовалась большим спросом. Ассортимент ружей фирмы Merkel был весьма разнообразен. Фирма выделяла двухствольные горизонталки с наружными и внутренними курками, бокфлинты и дриллинги (трёхствольные) в различных комбинациях расположения стволов. Ружья отличались друг от друга калибрами как нарезных, так и гладких стволов. Тройники стали завозить и в Россию. Но собственное производство их у нас не практиковалось. Хотя в России были умельцы в лице знаменитых петербургских мастеров, таких как Н. Гонно и Ф. Мацка. С. Бутурлин считал, что с хорошим тройником охотник становился повелителем всего живого. Тройник ещё называли ружьём лесника. Настолько оно подходило для всех случаев на охоте.

Надо отдать немцам должное. Они не ограничились применением дриллингов в простом понимании, как вышел из дому, свистнул собаку и пошёл в лес на охоту. В годы 1-й мировой войны, так как самолёты не имели вооружения, то немецкие лётчики из дриллингов в воздухе стреляли по экипажу и самолёту противника. Используя приобретённый опыт, коман-

дование Luftwaffe нашло применение дриллингам и во время 2-й мировой войны 1939—45 гг. в Северной Африке. Так как боевые действия велись в условиях дикой природы и мало населённой местности, то, в случае вынужденной или аварийной посадки самолёта, надо было обеспечить возможность лётчикам защищаться не только от туземцев, но и диких хищных зверей, а также добывать дичь мелких и средних размеров для пропитания. А как поступали пилоты, если самолёт был сбит в бою, удавалось ли им, выбросившись с парашютом, захватить с собой тройник? Об этом история умалчивает.

Тем не менее каждый экипаж снабжался оружием выживания, в качестве которого был выбран дриллинг «Sauer M30». Ружьё было разработано ещё в 1930 г. компанией YP Sauer & Sohn. Это было универсальное ружьё, предлагавшееся охотникам в различных комбинациях гладких и нарезных стволов. Ружьё было оснащено внутренними курками, с замком типа «Блиц». Управление стрельбой осуществлялось двумя спусковыми крючками. Задний спуск позволял вести стрельбу из левого гладкого ствола, передний обеспечивал стрельбу из правого гладкого и нарезного путём переключателя, находящегося на шейке приклада. Ружьё было оснащено «шнеллером». При переключении селектора на нарезной ствол, автоматически поднимался подпружиненный целик, пристрелянный на дистанцию 100 м. Командование таких комплектов закупило 2500 шт. Оружие выживания хранилось в алюминиевом кофре на борту самолёта, масса кофра составляла 15 кг. Два верхних ствола ружья были гладкие калибра 12/65, а нижний нарезной 9,3x74R. Длина стволов — 650 мм, масса незаряженного ружья — 3,4 кг. Боекомплект состоял из 20 патронов с пулей «Брен-

неке», 25-ти дробовых и 20 патронов с полубололочной пулей для нарезного ствола.

Сегодня Merkel производит тройники во всех возможных комбинациях расположения стволов. Калибры гладких стволов выделяются 12, 16 и 20/76, а нарезные стволы в калибрах от 5,6 до 9,3 мм. Например, в конструкции моделей Merkel 96 используется трёхзамковая система с независимым взводом на нарезной ствол. Взвод замков происходит при открытии ружья. Буква «L» в названии модели означает использование лёгкой ствольной коробки для 28 калибра. В 1963 г. дриллинг фирмы Merkel в дар от Правительства ГДР получил первый космонавт Ю.А. Гагарин.

Штуцер-дриллинг фирмы Duchateau. Это тройник с двумя верхними нарезными стволами 35 «винчестер» и нижним гладким 20/70. Ружьё показало мне непривычно коротким в сравнении с моей Бенелли Рафаэло де люкс, но прикладистым и маневренным. Это оружие производит небольшая фирма в г. Льеже «Дюшато» (Duchateau). Фирма занимается выпуском только штучных экземпляров. Как и принято на подобных фирмах, её производство во многом основано на ручном труде. По исполнению штуцер-дриллинг является настоящим произведением искусства. Хотя внешне он скромнее. На кованной стальной колодке глубокие завитки-арабески. Ложа ореховая. Сам приклад выполнен по аналогии с обычным штуцером, с удлиненной пистолетной шейкой, без традиционной щёчки на левой стороне. Запирание стволов классическое — на двойные крюки и поперечный болт. Замки обычной энсон-дилеевской системы с нижними тягами. Спусковые крючки выполнены по типу обычных двустволок. Передний работает на правый нарезной ствол и нижний гладкий, имеет обратный ход, но без шнеллера. Предохранитель гринеровский расположен на левой стороне колодки и блокирует спуски. Прицельные приспособления механические, открытые. На ружье не предусмотрено крепление оптического прицела. Говорят, что бельгийские охотники на зверовой охоте предпочитают использовать поднимающиеся механические сменные щитки.

Штуцера-дриллинги данной конструкции при стрельбе имеют такой недостаток. Они якобы «клюют». На фирме сумели от этого уйти. Мастера создали ружьё с длиной стволов в 55,1 см, с утяжелённой колодкой, что придало ружью красивые пропорции и отличный баланс. Масса ружья — 3,6 кг. В книгах по оружию находил, что бой у этого штуцера-дриллинга вполне приличный. На дистанции 50 м стоя с руки оба ствола давали разброс пуль в пределах круга с поперечником в 15 см. На дистанции 35 м гладкий ствол показывал кучность в пределах 50 % с хорошей резкостью.

Следует отметить, производство дриллингов и других комбинирован-

ных ружей довольно распространено в современной Европе. Например, экспресс-дриллинг (КРИГХОФФ) «Дубль микст Трумпф» два верхних ствола нарезных, гладкий нижний 12 калибра под обычный патрон или магnum и «Дриллинг-Трумпф» два гладких ствола 12-го или 20-го калибров (последний под обычный патрон или магnum), нарезной ствол выделяется по желанию заказчика под патроны 7x65R; .30 Блайзер; 8x57JRS; 8x75RS и 9,3x74R. Оружие дорогое, исполнено в духе типично немецкой конструкции.

Из опыта эксплуатации ружья

В 1962 г. к ружью ИЖ-58 16/70 я прикупил трёхствольное ружьё Merkel у начальника разведки нашего полка за три лейтенантских зарплаты. Он с фронта привёз эту трёхстволку и пятизарядку Browning Auto-5. Когда бывали на охоте, я всегда крутился около него как верный оруженосец, предлагая то поднести оружие, то тяжёлый вещмешок, не забывая при этом приложиться из этих ружей. Он ко мне относился по-отечески, видимо цена мою любознательность, крестьянскую простоту в общении и готовность всегда оказать помощь. Но со здоровьем у него были проблемы. Он часто проходил лечение в госпитале. Ему становилось всё хуже и хуже, сказывались фронтные ранения, и он был уволен из рядов Вооружённых Сил СССР. Однажды при встрече он предложил купить трёхстволку с тридцатью патронами для нарезного ствола. Я попросил продать мне Browning Auto-5, но он отказался, сказав, что оставит себе на память.

У моего приобретения гладкие стволы оказались калибра 16/65, а нижний — нарезной, его калибр я сейчас и не вспомню. Помню только, что патроны к нему были длиннее наших «винтовочных», которые проваливались в ствол. Ружьё было красиво исполнено, приклад из тёмного ореха со «щёчкой» и очень прикладистое. Опробовал нарезной ствол по четверо сложной газете «Правда» метров на 100 лёжа. Все три пули оказались в газете. Так как бой гладких стволов не уступал ИЖ-58, то я «ижевку» продал. Правда, пришлось отказаться от металлических гильз и перейти на папковые. Но я быстро сделал приспособление для обрезки папковых гильз и снаряжал патроны с вполне приличным боем. Меня ограниченное количество патронов к нарезному стволу как-то первое время не напрягало. Попытки перезарядить стреляные гильзы к нарезному стволу ни к чему путному не привели, и от этой затеи пришлось отказаться. Я мечтал стрелять лосей. В те годы мы на них часто охотились. Но однажды на охоте я выпалил по лосю 5 патронов из нижнего ствола! Все попадания были по брюху животного. Мясо, конечно, сами понимаете. Мне кто-то в шутку напомнил басню Крылова, как крестьянин упрекал работника Степана, мол, так и ты «чему обрадовался сдуру, знай», стреляет всю

испортил тушу. Но я больше расстроился своему расточительству и на последующие охоты более двух патронов не брал. Выдержка, точность в прицеливании, стрельба только по месту и плавный спуск позволяли обходиться в основном одним патроном. Я включился в своё приобретение и охотился с ним весьма успешно.

Но всё когда-то кончается. В 1965 г. поступил в академию и готовился к отъезду. Старшие опытные товарищи посоветовали трёхстволку в Москву не брать. Нарезной ствол тогда для любительской охоты был под запретом. А тут ещё увлёкся стендовой стрельбой, и с трёхстволкой пришлось расстаться.

Надо признать, для того чтобы охота была успешной в любых регионах, особенно в восточных областях России и на Дальнем Востоке, необходимо иметь такое оружие, которое обеспечит этот успех. И таким является трёхствольное ружьё-дриллинг. С дриллингами в России можно охотятся на любую дичь, разрешённую к отстрелу. Глубокой осенью патроном малого калибра добывать тетеревов, глухарей, лисиц и косуль, а мощным патроном 9,3x74R медведей, лосей, оленей и кабанов.

Интересными случаями из своей практики поделился мой один хороший знакомый, долгие годы работавший военным геодезистом, и прошагал с этим ружьём многие километры по Сибири и Дальнему Востоку. Он поведал, что бывали такие ситуации, когда ружьё его спасало. Можно смело утверждать, тройник обладает всеми преимуществами двуствольного ружья и плюс ещё нарезной ствол под мощный 9 мм патрон. Ружьё скорострельное и надёжное. А в доборе раненого медведя, лося или кабана лучшего оружия, чем тройник и не пожелаешь. В последние годы у наших охотников всё больший интерес приобретают охотничьи и рыболовные туры в малонаселённые регионы России. В таких путешествиях тройник будет наиболее универсальным оружием. Преимущество тройника в следующем:

меньше шума при перезарядании; прицельные повторные выстрелы происходят быстрее. Если под скорострельностью понимают не просто опустошить магазин, а произвести выстрелы по месту; отсутствие неожиданностей с подачей патрона; лучше баланс и посадистость ружья; меньше выступающих деталей, способных цепляться за одежду и кусты; меньшая общая длина ружья (при длине стволов 550—650 мм).

Дриллинг — это не винтовка для участия в соревнованиях «варминтинг». Главное достоинство этого ружья — оно привычно для охотника и ему нет необходимости перестраиваться в стрельбе из этого ружья на винтовку или карабин. Не зря же трёхстволку называли оружием лесника. Действительно, а ружьё-то универсальное. Поэтому дриллинг и не залёживаются на прилавках охотничьих магазинов.

Юридическая консультация

Рубрику ведет Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ

Охотник из Корсаковского района Сахалинской области сообщает, что он прописан в г. Корсакове у дочери, а фактически проживает в поселке Соловьевка. В 2012 г. его привлекли к административной ответственности за то, что хранит ружье по месту проживания, а не по месту прописки. Инспектор по лицензионно-разрешительной работе сказал, что местом проживания является место прописки, поэтому ружье должно храниться по месту прописки. Автор письма просит дать разъяснение по данному вопросу.

В соответствии с правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденными постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 с последующими изменениями, принадлежащее гражданам оружие и патроны должны храниться по месту их проживания. Можно хранить оружие и в местах временного пребывания с соблюдением соответствующих условий хранения.

Такие же требования к месту хранения оружия изложены в Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 с последующими изменениями.

Особо хотелось бы обратить внимание на слова “по месту проживания или жительства и по месту временного пребывания”. Имеет значение для определения места хранения оружия и место регистрации (прописки) гражданина.

Ни в Правилах, ни в Инструкции не дано определение месту жительства и месту пребывания, хотя знание этого имеет важное значение для определения места хранения оружия.

Для разъяснения этих понятий надо обратиться к другим нормативно-правовым актам.

В 1992 г. был принят Закон РФ “О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ”.

Во исполнение этого закона постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 утверждены “Правила регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию”, с последующими изменениями (далее Правила).

По этому же вопросу есть еще нормативно-правовые акты Федеральной миграционной службы.

В соответствии с правилами местом пребывания является место, где гражданин временно проживает — гостиница, дом отдыха и т.д., в том числе и жилое помещение, не являющееся местом постоянного жительства гражданина.

Местом жительства является место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника жилого помещения и т.д.

Граждане, прибывшие для временного проживания в жилых помещениях, которое не является их местом жительства, на срок свыше 90 дней обязаны по истечении этого срока обратиться к соответствующему должностному лицу местного подразделения ФМС с заявлением по установленной форме о регистрации по месту пребывания.

Регистрация по месту пребывания в жилых помещениях, принадлежащих гражданам, производится на срок, определенный по взаимному соглашению. Регистрация граждан по месту пребывания осуществляется без снятия их с регистрационного учета, по месту жительства.

Снятие гражданина с регистрационного учета по месту жительства производится органами регистрационного учета в случаях, перечисленных в правилах, в том числе в случае изменения места жительства.

Из письма автора не видно, как он зарегистрировался у дочери, если он зарегистрировался временно, как по месту пребывания, его не должны были снимать с учета по прежнему месту жительства. Если он зарегистрировался у дочери как по новому месту жительства — его обязаны были снять с регистрации по прежнему месту жительства.

В ст. 13 Федерального закона “Об оружии” говорится, что приобретение гражданином огнестрельного оружия подлежит регистрации в органах внутренних дел по месту жительства в двухнедельный срок со дня его приобретения. В случае изменения места жительства, гражданин обязан в двухнедельный срок со дня регистрации по новому месту жительства обратиться в соответствующий орган внутренних дел с заявлением о постановке на учет принадлежащего ему оружия.

Приказом МВД России от 27 апреля 2012 г. №373 утвержден Регламент МВД РФ по представлению государственной услуги по выдаче гражданину разрешения на хранение и ношение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия..., в который приказом от 10 октября 2013 г. №832 внесены изменения. Как указано в Регламенте, для получения впервые разрешения на хранение и ношение при-

обретенного оружия в полицию надо представить паспорт, заявление по установленной форме, дубликат лицензии на приобретение оружия с отметкой юридического лица — поставщика (продавца) и две фотографии размером 3х4 см. В заявлении в графе о паспорте надо указать адрес регистрации по месту жительства, а в графе “Оружие и патроны будут храниться по адресу” надо будет указать фактический адрес хранения оружия.

Регистрация владельца оружия по новому адресу места жительства является основанием для переоформления разрешения на хранение и ношение оружия. В заявлении о переоформлении разрешения в графе о паспорте заявителя надо указать адрес регистрации по месту жительства, а в графе “Оружие и патроны хранятся по адресу” надо указать фактический адрес хранения оружия.

Уместно напомнить, что лицензия на приобретение оружия выдается по месту жительства, а не по месту временного пребывания. В соответствии с Регламентом МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, утвержденным приказом МВД РФ от 23 апреля 2012 г. № 355 с последующими изменениями, в заявлении надо указывать адрес регистрации по месту жительства. В соответствии с Регламентом по предоставлению услуги по выдаче лицензии на приобретение оружия с нарезным стволом, утвержденным приказом МВД РФ от 26 апреля 2012 г. № 366 с последующими изменениями, в заявлении надо указывать адрес регистрации и адрес, по которому будут храниться оружие и патроны.

Для продления срока действия разрешения заявитель должен подать заявление по установленной форме. В заявлении в графе о данных заявителя требуется указать адрес места жительства, а в графе о паспорте надо указать адрес регистрации по месту жительства.

С учетом приведенных нормативно-правовых актов, автору письма хотелось бы посоветовать переоформить разрешение на право хранения и ношения оружия, если он сменил место жительства. По месту пребывания оружие хранить можно.

Имеются ли изменения в законе “Об оружии”?

Да, имеются. 4 апреля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. №63 — ФЗ, которым внесены изменения в ст. 13 ФЗ “Об оружии”.

С этого времени перечень профессий, занятие которыми дает право приобрести охотничье огнестрельное оружие с нарезным стволом, будет устанавливаться органами исполнительной власти субъектов РФ.

Уточнен Перечень граждан, которым не будут выдаваться лицензии на приобретение оружия. В частности, гражданам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо

имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.

Лицензия не будет выдаваться также гражданам, совершившим повторно в течение года административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, а также правонарушение, связанное с на-

рушением правил охоты, либо административное правонарушение в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ. Этот запрет будет действовать до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Разбросные патроны

А. БЛЮМ

Самый простой способ уменьшить кучность, то есть увеличить площадь дробовой осыпи — нарушить целостность дробового снаряда. Что и делают, разделяя дробовой столбик либо вдоль, либо поперек различными прокладками. Очень часто такие патроны снаряжают несколько усиленным зарядом пороха, используя разбросные свойства такого заряда, но, на мой взгляд, это не совсем оправдано. В одном из справочников по снаряжению охотничьих боеприпасов написано, что для достижения большей площади дробовой осыпи следует довести до крайности все причины, вызывающие деформацию и разброс дробового снаряда. Это утверждение верно только в том, что касается разброса и то отчасти, а в отношении деформации с автором согласиться нельзя, разве что только если стрелять собираются с расстояния 5—8 м. Нужно стремиться к тому, чтобы разбросной патрон давал широкую, но равномерную осыпь, а ее-то деформированные дробины получить как раз и не позволяют. И это говорит в пользу того, что лучше использовать дробовой контейнер, и уже в нем проводить разделение снаряда и применять другие методы разброса дробового снопа.

Существуют несколько способов снаряжения разбросных патронов, вот основные из них.

1. Разделение дробового снаряда горизонтальными прокладками на несколько частей. В зависимости от того, на сколько частей собираются делить дробовой столбик, на прокладочный (между войлочным или древесно-волоконистым) пыж засыпают одну часть дроби, утрясают ее и накрывают тонкой — 0,5—0,7 мм картонной прокладкой, затем насыпают следующую часть дроби и тоже накрывают прокладкой, и

так далее. Чем на большее число частей разделен снаряд, тем меньше кучность дробовой осыпи. Обычно разделяют дробовой столб на 3—5 частей. На 20 метров ширина дробовой осыпи в зависимости от количества прокладок составляет 70—90 см.

2. Разделение дробового снопа на части по вертикали. Для этого способа из миллиметрового картона делают крестовину высотой в 4/5 дробового столбика по внутреннему диаметру гильзы, её вставляют в гильзу на пороховые пыжи и засыпают дробью до верхней кромки крестовины. Сверху кладут картонный дробовой пыж и на него насыпают оставшуюся часть дроби, закрывают картонным пыжом и завальцовывают патрон. Этот способ увеличивает диаметр дробовой осыпи до 90 см.

3. Способ Свентитского (фауст-патрон). Более полувека назад заслуженный мастер спорта Б.Н. Свентитский разработал короткобойный патрон для стрельбы на дистанцию до 8 метров. Основным элементом этого патрона является прокладка-пыж с симметричными отверстиями диаметром 1,8—2,0 мм. Снаряжают этот патрон в следующей последовательности: на заряд бездымного пороха кладется пыж-прокладка с отверстиями, она дожимается до пороха с обычным усилием. Дробь в необходимом количестве засыпается прямо на эту прокладку с отверстиями. Ее утрясают и накрывают сверху картонной дробовой прокладкой и полным комплектом войлочных пыжей так, чтобы для закрутки оставалось 5—6 мм до края гильзы. Осыпь очень широкая и довольно равномерная. Для охоты малопригоден. Использовался для спортивной стрельбы на круглом стенде.

4. Снаряжение патрона с разными номерами дроби. На картон-

ную прокладку, которая кладется под дробь, насыпают 1/4—1/5 часть дробового снаряда, но дроби на 2—3 номера крупнее общей массы. На нее досыпается оставшаяся дробь, сверху ставится дробовой картонный пыж, и гильза завальцовывается. Этот способ дает заметное растяжение дробового снопа, но без заметного увеличения диаметра дробовой осыпи.

5. Способ Э. Келера. Этот способ был опубликован в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в 2001 году. Для стрельбы бекаса из-под собаки автор снаряжает патроны следующим образом. На пороховой войлочный пыж, покрытый тонкой картонной прокладкой 0,5 мм, засыпает 24 г дроби, на нее кладется добавочный войлочный пыж, высотой 6—7 мм и сверху оставшаяся дробь до 30 г общей массы. На дробь — картонный пыж и завальцовка. На 14 и на 21 метр площадь дробовой осыпи почти в два раза превышает осыпь стандартного патрона 12 калибра.

6. Парашют. Так называют картонный или полиэтиленовый колпачок, который вставляется в гильзу доньшком вниз на 3/4 части дробового снаряда. Сверху внутрь колпачка засыпается оставшая дробь. Завальцовывается обычным способом. На дистанции 20 метров дробь создает осыпь диаметром до 100 см.

Может показаться несколько странным, что для того, чтобы увеличить кучность, мы рассматриваем только три способа, а для увеличения разброса в два раза больше. Дело в том, что практически все концентраторы ставят своей целью частичную или полную изоляцию дроби от стенок ствола, о которые они так стремительно истираются. Но эту проблему решил полиэтиленовый контейнер, и большинство старых приспособлений потеряли смысл.

Экскурсии, походы, поездки, экспедиции по России в т.ч. Валаам, Кижы и по миру
8-921-555-75-95, e-mail: polar-cat@yandex.ru

Здравствуй, уважаемая редакция! Наверное, большинство писем, приходящих к вам в редакцию, начинаются именно с этих слов, а все потому, что ваш журнал самый популярный среди охотничьей братии и самый доступный для простого охотника. Не многие издания могут сейчас похвастать тем, что работают для простого человека, пытаюсь помочь ему разобраться в широком круге вопросов, касающихся такого вида деятельности, как охота. Огромное Вам человеческое спасибо за то, что вы есть. Очень люблю вашу рубрику «Литературные страницы», а из авторов предпоч-

тение отдаю Игорю Алёхину. Для меня очень близки его рассказы и это не удивительно, ведь мы почти земляки и оба степняки. Я очень люблю степь. Именно степь у меня ассоциируется со словом Родина. Когда мне говорят, что горы это красиво, я соглашаюсь. Когда рассказывают про морские прелести, я тоже соглашаюсь, но по-настоящему я отдыхаю только в степи. А когда осенью степные просторы наполняются гортанными криками перелетных гусей, то я просто-напросто убегаю из дому и никакая сила не может меня удерживать.

Давно собирался поделиться с

Наш новый автор
вами своими переживаниями, но все как-то не получалось. Тем более, что сочинения писал последний раз в школе. Благо на работе есть компьютер и с ним бороться над ошибками проще. Описанный мною случай имел место в моей охотничьей жизни. Все персонажи в рассказе действительны, конечно, но с измененными именами. Больше всего повезло моей красавице пойнтеру Ладе, тут я ничего менять не стал.

С наилучшими пожеланиями большой поклонник вашего журнала и охотник с двадцатилетним стажем Уськов Владимир, г. Моздок.

Рисунки И. Маковеевой

Спор

В. УСЬКОВ

перепелиные охоты до лучших времен.

Обычно пик охоты по перепелу в наших краях приходится на начало сентября и продолжается весь месяц. Однако и потом можно с успехом охотиться на перелетного перепела практически до выпадения снега. К концу августа и началу сентября кормовая база для перепела находится в идеальном состоянии. Излюбленным лакомством для него является брица, колоски которой, туго набитые черными семенами, встречаются на полях скошенных озимых, бахчевых культур и в прочих местах, где земля хотя бы два—три месяца отдыхает от плуга или лемеха. И погода к этому времени благоприятствует. Утренние зори становятся более прохладными, да и днем нет уже той жары, от которой приходилось прятаться в тени лесополос, коротая время до вечера для того, чтобы еще пару часов поохотиться.

Но увы, как говорят, раз на раз не приходится. Погода в этом году внесла свои коррективы: первые дожди упали на измученную засухой землю только в начале сентября и реальная возможность по-настоящему поохотиться с легавой появилась только во второй половине месяца, то есть на три недели позже обычного.

Большим преимуществом для охотника, жителя небольшого провинциального городка, является то, что к месту охоты не приходится долго добираться. Всего в двадцати минутах езды от дома я облюбовал прекрасное поле. Я не знаю, какую благородную культуру намеревались вырастить на этом поле летом, но к концу сентября все оно было покрыто плотным ковром брицы с небольшими островками суданки, которая возвышалась над общим ландшафтом.

Вот на этом-то поле мы с моей «кра-

савицей» и проводили все свободное от производственных и домашних дел время. Все наши неудачи начала сезона с ливой покрывались этими охотами. Дневал перепел в зарослях суданки, где и собаке работать было труднее, и стрелять сложнее. А рано утром и ближе к вечеру предпочитал кормиться брицей на открытых пространствах. Если удавалось нам вырваться на охоту на два — три часа, то для того, чтобы успеть добыть десяток упитанных перепелов, приходилось выбирать островки суданки. Моя Лада работала тут накоротке и иногда приходилось одергивать ее окриком, когда, увлекаясь поиском, она скрывалась за стеной высокой и густой травы. После подъема перепел резко набирал высоту и через несколько секунд полета скрывался за высокой травой, исчезая из поля зрения. А вот если у нас было времени побольше, то мы, конечно, выбирали открытые места. Собака работала тут с упоением, широкий поиск на больших скоростях, потяжки, от которых замирало сердце. А какие стойки! Охотничья идиллия, да и только.

И как порой подмывает поделиться своими успехами с друзьями, а попросту похвастать. Охотники — народ открытый и вряд ли кто сможет в себе сдержать свои впечатления после полученного на охоте удовольствия. Даже если он на сто процентов будет уверен, что в следующий раз, приехав на свое излюбленное место, обнаружит, что он не один, а человек пять с собаками топчут, как ему кажется, его собственную охотничью вотчину. Он при случае все равно проболтается, дабы укрепить свою значимость среди охотничьей братии. Так получилось и со мной.

Что такое охотничий магазин для

Начало охоты по перепелу в этом году как-то сразу не задалось. Обильные июньские дожди и прохлада начала июля, обещавшие богатое разнотравье, сменились ужасной жарой. Растительность на полях не просто высохла, а сварилась под жгущим июльским солнцем, не дав выкинуть даже колоса. Крохотные островки зеленки ютились в тени широких лесополос, да на немногочисленных поливных полях, где наши земледельцы пытались получить хоть какой-то урожай кукурузы и подсолнечника.

Для того, чтобы отыскать перепела, приходилось, отказавшись от классической формы охоты, прочесывать прилегающий к лесопосадкам бурьян, да ходить по полям подсолнечника и поливной кукурузы. Моя верная помощница двухгодовалая пойнтер Лада, с которой я охотился по второму полю, явно не одобряла моих действий. Натасканная работать в широком поиске и на быстром ходу смотрела на меня вопрошающе, когда мы забредали в высокие дебри поливной кукурузы, где мог прятаться от изнывающей жары перепел. В конце концов, не получая ожидаемого результата от этих моих горе-вылазок и не желая до конца испортить работу моей с огромным трудом доставшейся собаки, я отложил

охотника? Это не просто прилавки и полки, где предлагается все необходимое для охоты и рыбалки, это в первую очередь место, куда можно прийти и встретить родственную душу, поговорить о насущных охотничьих проблемах или просто, молча глядя на прилавки, слушать рассказы о чьих-то метких выстрелах и досадных промахах. Я часто захожу в охотничий магазин, даже если мне и покупать-то ничего не надо. Просто зайти, поздороваться, да узнать последние новости. Но в тот раз я зашел по делу: порох у меня был на исходе и пыжи закончились. В магазине былолюдно; поздоровавшись, я подошел к прилавку. Благо сейчас есть все необходимое для того, чтобы удовлетворить потребности «нашего брата», как говорится, были бы деньги. Я попросил пару банок пороха и две упаковки пыжей.

— Куда собрался? — спросил меня продавец Игорь.

— Да так... — ответил я, пытаясь уйти от лишних вопросов. Но Игорь не отставал:

— Перепела вроде в этом году мало было, а на утку еще рановато, а ты столько набираешь.

Тут к нашему разговору подключился мой давнишний приятель, когда-то и охотничий наставник, егерь Петрович:

— А что, Ладуха твоя как работает, не собираешься еще вязать?

Не желая при всех нахваливать свою помощницу и выдавать свои охотничьи секреты, я стал уклончиво говорить, что собака, мол, еще молода, да и вязать ее если буду, то только после того, как полностью буду уверен в левой работе своей подопечной.

— Не натаскаешь ты в этом году свою собаку... — прозвучал чей-то уверенный, немножко хрипловатый голос.

— Это почему же? — спросил я, особо не придавая значения услышанному.

— Да потому, что перепела нет в этом году вовсе, я вон со своим Тараном изъездил все в районе и в Ставрополье был... — все так же напористо продолжал новый собеседник.

После этих слов я повернулся в сторону говорившего. В самом углу, рядом с накаченной резиновой лодкой, стоял человек. Так как он стоял спиной к окну и яркий солнечный свет освещал его мощный затылок, затемняя очертания лица, я не сразу его узнал и, лишь приглядевшись, понял кому принадлежали эти слова. Это был Николай Колосов.

В небольшом городе многие друг друга знают. Вот и я был знаком с Колосовым. Благодаря своему нехитрому бизнесу годам к сорока пяти он обрел, как сейчас говорят, некоторую экономическую независимость и по жизни шел уверенно. Первые упоминания о нем как об охотнике я услышал недавно, года два или три назад, а первая встреча на охоте произошла с ним лишь в прошлом году.

Как-то в конце прошлогоднего лета, возвращаясь с охоты на голубей, я увидел охотника, вышедшего на дорогу из лесопосадки, около него бегали две лайки. Подъехав поближе и узнав Колосова, я остановил машину:

— Как охота? — поинтересовался я.

— Вот сбил трех вяхирей... — с гордостью ответил Колосов, открыв ягдташ и показав трех птиц изрядно трепанных собаками. — А у тебя как?

Я показал ему висящих на подвязке шесть горлиц, четырех вяхирей и трех перепелов. Все это добыл я примерно часа за три охоты на поле подсолнечника.

— А собаки как? — поинтересовался я.

— Да подранков неплохо ищут и подают.

— А со спаниелем не лучше охотиться в таких случаях? — не отставал я, вспомнив увиденных в его ягдташе птиц. И тут мне пришлось выслушать целую лекцию об универсальной работе его собак и о том, что они от хороших производителей. Я не стал возражать, сам много читал про лаек, но увя, по моему мнению, эта порода не для нашего жаркого степного региона.

— Ну, а с ружьем не проще по голубям охотиться? — спросил я, глядя на малокалиберный карабин с оптическим прицелом.

— Зато сидячих в посадке голубей можно доставать с приличного расстояния, — уверенно возразил мне Колосов.

Глядя на него, я тут же вспомнил рекламную фотографию из красочного мужского журнала. На ней был изображен охотник на фоне зимнего соснового леса в норковом полушубке и шляпе с пером. Вооружен он был гладкоствольным карабином «Сайга» 410 калибра, а на поводке держал красавца шотландского сеттера. Примерно также смотрелся и Колосов, одетый не по сезону в дорожной охотничий костюм и резиновые сапоги-бахилы с карабином и лайками на фоне заходящего, еще пол-летнему жаркого августовского солнца. Я посмотрел на поле подсолнечника, примыкающее к той лесополосе, в которой мой собеседник за пол-дня охоты добыл трех вяхирей. На нем выделяющаяся на светло-зеленом фоне огромный сизым пятном сидела на вечерней кормежке огромная стая голубей, также над полем носились стайки юрких горлиц. Я не стал тогда больше ему возражать, каждый из нас остался при своем мнении, и мы разошлись каждый своею дорогой. Я потом часто вспоминал ту встречу. Вспомнилась она мне и в магазине. И захотелось возразить ему по-настоящему, одернуть самоуверенного самохвала, тем более, что у меня было два весомых аргумента: первый — это наличие перепела в этом году и второй — хорошая работа моей собаки. Я подошел к нему и протянул руку для приветствия, мы обменялись рукопожатиями. Не отпуская его руки, я при всех выпалил:

— На спор, десять перепелов я отработаю со своей собакой за час.

— Да никогда в жизни, — немного ерничая, ответил Колосов. — Ты знаешь, как работает мой курцхаар? Со мневашься, спроси у Игоря, — кивком головы он показал в сторону продавца магазина.

— Да, неплохо, — ответил тот.

— Так вот мне в этом году даже за целый день не удалось добыть десять перепелов, а ты говоришь за час! — почти прокричал Николай.

— Какие твои годы, поднатаскаешь собаку, сам немного подучишься, ты случаем не с карабином по перепелу охотился? — с издевкой спросил я.

— Нет, у меня «Меркель» — ответил Колосов.

Спор был в самом разгаре. Мы продолжали стоять, сцепившись за руки, то и дело сотрясая друг друга, будто в бесконечном рукопожатии. Магазин гудел, как пчелиный рой. Кто-то говорил, что если пойнтер натаскан правильно, то ему в работе по перепелу нет равных. Сторонники курцхааров хвалили эту породу собак за их степенность и врожденное умение апортировать дичь. Шум разом прекратил Петрович:

— А что собственно вы спорите? Назначаем время, оговариваем условия, — потом секунду помолчав, поинтересовался: — А на что спорить-то будете?

Со всех сторон посыпались предложения. И что только не предлагалось в качестве приза за выигрыш в споре, — капсуля с порохом, пачки патронов, резиновые сапоги, рюкзак и прочее необходимое для охотничьей жизни.

— На хороший пятизвездочный коньяк, — на правах хозяина предложил Игорь.

— И то дело, — поддержал его Петрович, — а то патроны, капсуля... Там потом и выпьем за здоровье победителя.

Оставалось определиться со временем и местом встречи. Решили долго не затягивать. Так как дело происходило в воскресенье, договорились на понедельник в 17.00 встретиться на выезде из города. Я сложил свои покупки в пакет и, распрощавшись со всеми, вышел из магазина.

Вечером я допоздна скрупулезно заряжал патроны. Выставив на столе три десятка металлических, уже с капсулями центробой, гильз, я засыпал в них по 1,9 грамм пороха «Сокол». Сверху на порох навойником дослал по две толстых прокладки, затем, отсчитав десять гильз, убрал их в сторону. В приготовленные двадцать гильз я вставил по одному древесноволокнистому пыжу, насыпал по 25 граммов дробы десятого номера и сверху дослал еще по две толстых прокладки. В оставшиеся десять гильз я вставил по два древесноволокнистых пыжа, затем насыпал по 30 граммов восьмерки и сверху закрепил одной тонкой прокладкой. Такие патроны я заряжаю для левого ствола,

использую для стрельбы перепела на предельных дистанциях. После этого я залил все патроны сверху тонким слоем разогретой массы, состоящей из канфоли и стеарина, и, до блеска натирая латунные гильзы, уложил их в ячейки патронташа. Потом еще долго не мог заснуть, все обдумывая завтрашнюю охоту.

В понедельник я отпросился с работы пораньше, необходимо было успеть собраться и, главное, морально настроиться, ведь охота — это спорт, а в спорте настрой и уравновешенность много значат. А еще хочу сказать, что для меня в охоте нет мелочей, все одинаково значимо, начиная с обуви и заканчивая головным убором.

Собираясь, я достал из охотничьего шкафа легкие полуботинки берцы, летний камуфляж, купленный два года назад в военном магазине с ласковым названием «Братишка», и кепку. Открыв оружейный сейф, взял любимый ИЖ-58 и, протерев чистой ветошью стволы от оружейного масла, аккуратно уложил его в чехол. Достав патронташ, еще раз проверил вставленные в два ряда патроны. Лада, видя мои приготовления и предчувствуя скорый выезд на охоту, пришла в такой восторг, что успокоить ее уже не мог никто. Она то подсовывала мне под руку свою морду, то, резко срываясь с места, бежала во двор. Я пытался ее успокоить поглаживанием по голове, но, увы, на нее это не действовало. Она радовалась скорой поездке.

Ровно в шестнадцать часов ко двору подкатила «Нива», это была машина моего друга по жизни и охоте Валеры Инютина.

— Ну что, готовы? — заходя во двор, весело спросил он.

— Да, вперед, — ответил я.

Загрузив ружье и рюкзак со всем

необходимым в багажник, усадив собаку на заднее сиденье, мы тронулись к назначенному месту. По дороге заскочили в продуктовый магазин, где купили пятизвездочный коньяк дагестанского разлива.

Без четверти пять вечера мы прибыли на место. За перекрестком объездной дороги стоял только автомобиль Петровича. Это был его знаменитый «ЛУАЗ» самого первого выпуска, но, несмотря на это, выглядел он довольно прилично. Сразу было видно, что автомобиль находился в хороших руках. Брезентовый тент был сменен на металлическую обшивку из оцинкованного железа. Изнутри салон был утеплен солдатским байковым одеялом. Вместо родной печки отопления, сжигавшей огромное количество бензина, Петрович установил маленькую, но достаточно производительную печь, которую ему подарили ребята из вертолетной части. Всем был хорош «Луноход» Петровича, только вот ездил он со скоростью 40 км в час и, если мы намечали с ним поездку на его автомобиле куда-то подальше, то приходилось вставать утром часа на два раньше. Зато проходимость у этого Луцкого автомобильного чуда была неоспоримой, как Петрович любил повторять: «Да на нем через забор можно переехать».

Мы съехали на обочину. Выйдя из автомобиля, поздоровались с Петровичем и его сыном Андрюхой. Петрович деловито осмотрел собаку, сидящую на заднем сиденье автомобиля, и, обращаясь к ней, сказал: «Ну что, утрем мы сегодня нос этим новым русским?» Ладка завилала хвостом, явно радуясь, что ей уделяют внимание. Потом, посмотрев на часы, недовольно пробурчал: «Что-то нет наших оппонентов, нехорошо опаздывать, нехорошо».

Тут на дороге показалась зеленая «Нива», это была машина Колосова. Рядом с ним сидел продавец Игорь, сзади было еще двое охотников, из-за спин которых выглядывала голова курцаара.

— Что опаздываем, друзья мои? — деловито поинтересовался Петрович. — Время-то сколько уже, когда же охотиться?

— Что, Петрович, самая лучшая защита — это нападение? — улыбаясь, спросил Игорь.

— Давайте не будем терять время... — предложил я, садясь в машину.

Эскорт из трех машин тронулся, и уже через 10 минут мы прибыли на место.

Машины мы поставили на восточной окраине поля. Дул легкий северо-западный ветер, обещавший на завтра изменение погоды. Мы вышли из машин, Петрович, оглядевшись, произнес:

— Да, неплохое место, и как это раньше я про него не знал.

— Да, место хорошее, только сюда бы еще перепела запустить. — сказал один из друзей Коли Колосова.

— Ну, говорил же тебе человек, что стреляет тут перепела, а ты не веришь, — начал сердиться Петрович. — Да были мы тут недели две назад, полдня ходили и только трех всего и подняли, — вмешался в разговор Игорь.

— А собаки у вас были? — спросил мой друг Валера.

— Конечно, вон он сидит красавец. — Колосов указал на сидящего в багажнике его «Нивы» курцаара.

Пока мои спутники вели беседу, я подогнал ремни патронташа, собрал ружье, взял на поводок свою собаку и даже развернул назад козырек кепки, дабы не мешал при стрельбе. Собрался и Николай с друзьями. Открыв багажник, он выпустил своего Тарана. Это был рослый кобель светло-кофейного окраса с редкой белой проседью. Почувствовав свободу, он носился около машин и даже окрик хозяина мало повлиял на его поведение. Когда Колосов достал свой «Меркель», я попросил показать ружье.

— Возьми посмотри... — Он протянул его мне. Я взял в руки ружье и, закрыв глаза, прикинул к плечу, открыв правый глаз, полностью увидел прицельную планку. Ружье для меня было очень прикладистым. Я еще раз осмотрел внешний вид. Это было ружье с вертикальным расположением стволов двенадцатого калибра. Приклад был сделан с pistolетной шейкой из ореха. Цевье состояло из двух половинок. Я потянул за скобу, ружье с легкостью разломилось.

— Что, хороша вертикалочка? Ты видел с эжекторами, — глядя, как я кручу в руках ружье Колосова, сказал Игорь.

— Да, неплоха... и замок Керстена-Гринера с двумя направляющими, — добавил я, возвращая ружье хозяину.

— Ну что, пора начинать, а то поздно будет, — обратился к Петровичу Валера.

— Да, пожалуй, начнем. Сначала оговорим правила. Считать будем только тех птиц, которые будут биты из-под стойки собаки.

Кивком головы я согласился.

— Сейчас 17.45... — продолжал Петрович.

— Дайте мне 5 минут для того, чтобы зайти, и в 17.50 я начну.

— Значит, в 18.50 мы тебя остановим и посчитаем твою добычу. — проговорил Колосов.

— Да, только придержи своего Тарана, а то увяжется за мной и будет мешать, — добавил я и начал заходить.

— Пусть с тобой пойдет Игорь, — сказал мне вслед Колосов.

— Хорошо, пусть идет, — согласился я.

Отходя метров сто от машин, я снял с собаки ошейник. Лада вся дрожала, охотничий азарт переполнял ее псину. Суть по команде я усадил ее. Сняв с плеча ружье и разломив его, вставил патроны: в правый патронник десятку, в левый восьмерку. Аккуратно защелкнул замок. Глянул в сторону Петровича, тот махнул рукой. Я наклонился к собаке и прошептал: «Красавица моя золотая, не подведи», — и выпрямившись, уже командным голосом, рукой указывая направление движения, добавил: — Вперед, ищи...» Лада, сделав после команды несколько шагов, вдруг остановилась повернув свой курносый нос на ветер начала вдыхать несущиеся ей навстречу полевые запахи. «Что ты стала, милая, вперед, вперед...» Она еще раз глубоко вздохнула и пошла энергичным галопом, высоко неся голову.

Для начала я выбрал направление движения по открытому месту. Собака шла хорошо отработанным челноком, обыскивая все на расстоянии 40—50 метров. Лишь изредка мне приходилось окрикивать ее, когда она, увлекаясь поиском, уходила слишком далеко. Вдруг собака резко остановилась и, повернув, осторожно, как бы крадучись, пошла на ветер. С каждым шагом движения ее становились осторожней и напряженней, как вдруг она совсем остановилась и, подав вперед весь свой напряженный корпус, замерла. Мое сердце заколотилось так, будто бы я впервые подходил к своей собаке, стоящей в стойке, и вместо перепела сейчас должен был подняться, ну как минимум кабан с лежки.

«Спокойно, спокойно, — говорил я себе, — еще не хватало первого промазать, стыда не оберешься потом». Вот до собаки пять метров, четыре, три, два. Все, можно стрелять.

— Пиль! — почти взвизгнул я. Лада сделала бросок вперед и, подняв перепела, осталась лежать на месте. «Эх молодец...» — подумал я где-то за пределами своего мышления, как бы отстегнутый от внешнего мира. Так же подсознательно, автоматически мои

руки вскинули ружье, далее щека прильнула к прикладу, весь мой корпус подался по направлению движения перепела, какие-то внутренние параллаксы определили дополнительные поправки и указательный палец нажал на спусковую скобу. Раздался выстрел — и перепел, распластав крылья, по инерции пролетел еще метра полтора — два, упал в траву.

— Подай, — скомандовал я Ладе. Она быстро отыскала первый наш охотничий трофей и аккуратно подала его мне в руки.

— Ну, с полем тебя, — поздравил Игорь. Его слова вернули меня на эту брентную землю. Я посмотрел на часы было 17.56. Поощрив собаку поглаживанием, мы продолжили охоту.

Второго, третьего и четвертого перепела мы добыли без особого труда, собака работала темпераментно и энергично, ее движения были решительными и точными. Мы прошли поле до конца, необходимо было возвращаться по ветру. «Эх, растяпа, надо было оговорить этот момент», — подумал я, но что-то менять было уже поздно. Необходимо было либо быстро вернуться на ту сторону поля, а это займет минут 10, или возвращаться обратно зигзагом по ветру. Времени уйдет больше, но все-таки оставался шанс для работы собаки. Я остановил свой выбор на втором варианте.

Сместившись метров на сто, мы начали движение, тут собаке работать было труднее, лишь двигаясь в одном направлении, она получала информацию из-под ветра, двигаясь же обратно, она шла по ветру, что сбивало ее с толку. Она то и дело, прочуввав запах, разворачивалась и шла на ветер в обратном направлении и мне приходилось окриком ее возвращать. Но и тут мы оказались на высоте.

Собака шла по направлению ветра, как вдруг на всем ходу остановилась, повернув голову на ветер, замерла в стойке. По моей команде Лада подняла перепела, который тут же был сбит первым выстрелом. Только я хотел поднять собаку для поиска сбитой птицы, как с этого же места поднялась еще пара. Выждав пока один из поднявшихся перепелов отлетит на нужное расстояние, я достал его с левого ствола восьмеркой. Третий перепел, пролетев метров 70, резко спланировал и, тормозя обоими крыльями, как бы пританцовывая, почти вертикально плюхнулся в высокой сухостой. Такого случая в моем положении упускать было нельзя. Мы без особого труда нашли только что сбитую пару и быстро направились в суданку. Я показал собаке место, куда только что сел перепел. Крутнувшись, она начала лазить по кустам, хоркая носом. Это означало, что перепел зря времени не терял, мы бежали к нему, а он тем временем улепетывал от нас.

Вы когда-нибудь, видели, как убегают от собаки перепел. Делает это он обстоятельно, но очень проворно, уступая в скорости лишь коростелю. При

этом он смешно оглядывается назад, стараясь определить меру опасности. В движении он несет тело свое вертикально и очень похож на маленького человечка. На открытой местности собаке не составит большого труда сработать его верхним чутьем и, быстро настигнув, заставить затаяться. Другое дело высокая суданка, собака не имеет возможности здесь для быстрого маневра и начинает «ковырять», в другой раз я бы ушел с этого места, но, увы, время работало не в мою пользу.

Лада продолжала лазить по кустам, разыскивая сбежавшего сорванца. Она то была в поле моего зрения, то исчезала в зарослях, и только по треску полусухой травы я мог определить ее местонахождение, как вдруг все затихло. «Нашла...» — мелькнуло у меня в голове. Собака не было видно, но она стояла в стойке где-то рядом в зарослях. Я решил рискнуть:

— Пиль его! — в сердцах прокричал я. Сначала раздался треск прыжка, потом шум поднимающегося в кустах перепела и характерная для его полета трель «чак», «чак», «чак». «Вот бы налетел», — подумал я, пытаюсь на цыпочках приподняться как можно выше. Фортуна и тут не обошла меня стороной. Сквозь высокие ветки суданки я увидел летящего на меня перепела. На моих глазах он делово подобрал ноги, поджав их к туловищу, будто самолет на взлете, и чуть отвернул, пролетая в метре над моей головой. Я резко развернулся и ударил ему в след, заметив направление его падения.

— Лада, Лада, ко мне! — Искать его без собаки в таких кустах было бесполезно. Моя красавица без особого труда отыскала сбитую птицу и подала мне, я готов был ее расцеловать. Мы выбрались из суданки.

— Ну что, сбил? — поинтересовался подошедший Игорек.

— А то...

— И что, нашел? — с еще большим изумлением произнес мой наблюдающий.

— А как ты думал, — ответил я.

На поясе у меня висело семь прекрасных трофеев, в патронташе кверху ногами было вставлено семь стреляных гильз. Я посмотрел на часы, на электронном табло высвечивалось 18.28.

— Ну молодцы, молодцы... — проговорил Игорь и направился в мою сторону. В этот момент у него из-под ноги вылетел перепел, Игорь вскинул ружье и два раза выстрелил. После второго выстрела перепел качнулся и, повесив одну лапу, продолжал лететь. — Вот черт, промазал... — выругался Игорь, смотря вслед улетающему подранку.

«Попробую-ка своим левым стволом его достать», — подумал я, поднимая ружье. До перепела было метров 30. После выстрела перепел резко, почти вертикально набрал высоту и потом камнем рухнул в суданки. Я послал собаку в поиск сбитой птицы. Не дойдя метров пять до предполагаемого места падения, она развернулась на ветер и потянула.

— И все-таки подранок, вон видишь собака причуяла, — предположил Игорь.

— Да нет, судя по характеру падения, он был бит чисто, — ответил я и последовал за своей помощницей, которая, будто кошка, кралась по невидимому следу. Таким манером она прошла метров 30. То, что случилось потом, вообще меня огорчило: Лада начала работать по следу низом. Проходя через кусты суданки, она лезла напролом, на открытых участках брицы начинала петлять, порой выписывая даже круги, преследуя странного беглеца. В конце концов, пройдя та-

ким образом метров 100, собака замерла в стойке перед кустом камыша почти на краю поля.

Все это время в моей голове крутился один и тот же вопрос: что это за бегун на дальние дистанции? В литературе по натаскиванию легавых по такому случаю говорится, что лучше отозвать собаку и пустить ее в другом направлении. Наверняка это нужно было сделать в самом начале, но время было безвозвратно утеряно и опять оставалось лишь уповать на удачный исход. По команде собака сделала прыжок — и из куста камыша поднялся коростель. Полет его был крайне неуклюж, летел он прямолинейно и медленно, отрывисто хлопая крыльями. Ноги его безжизненно болтались, словно были перебиты. Птица будто бы не понимала, она еще бежит или уже летит. Я вскинул ружье и выстрелил. Коростель продолжал лететь как ни в чем не бывало, намереваясь скрыться за стеной камыша дренажного канала. Вот он первый промах, обязательный спутник чрезмерной самоуверенности и слишком большой самоуверенности. Так вот всегда и бывает, промахиваешься именно тогда, когда почти нет возможности исправить свою ошибку. Я прицелился в мелькавшего сквозь заросли коростеля и выстрелил повторно. Дробь с шумом хлестанула по камышу, сбив несколько его стеблей. Видно было, как коростель упал в заросли хмыза полусухого канала, и лишь ветер еще какое-то время нес несколько его перьев. Лада без труда отыскала наш трофей, выбравшись из канала, я посмотрел на часы, было почти 18.40.

— Давай все-таки того найдем и у вас будет 9, — предложил Игорь, явно уже нам симпатизируя.

— Да нет, уговор есть уговор. Того мы потом найдем. Должно быть все честно.

Мы пошли выбирать направление движения. За оставшиеся 10 минут необходимо было добыть двух перепелов, задача не из легких. Пройдя метров 50, я остановился. Справа край поля был обрамлен полоской редкого камыша. Слева, метров через 70 от края, тянулась полоса густой суданки, а посредине этого промежутка проходил прокос шириной метра два.

— Вот тут мы и поохотимся, — отстегнув солдатскую фляжку, я напоил собаку. Вычистив ее глаза от семян брицы, промыл их чистой водой и, зарядив ружье, пустил ее в поиск.

Лада пошла на красивом быстром карьере. Движения ее были так же, как и в начале, легки и энергичны, она будто бы осознавала всю важность своей работы. А у меня в голове крутились одни и те же слова: «Давай, давай, милая, ищи, пожалуйста, не подведи». На середине поля около прокоса она сбросила скорость и, сделав несколько осторожных шагов по прокосу, замерла в стойке на совершенно открытом месте. Подойдя поближе к собаке, я начал глазами выискивать на открытом участке земли затаившуюся птицу. Перепела я увидел не сразу, лишь спустя некоторое время мне удалось разглядеть его на фоне пожелтой стерни. Он лежал на лапках, плот-

но прижавшись всем телом к земле. Пока я рассматривал затаившуюся птицу собака стояла, не шевелясь, лишь изредка легкая дрожь пробежала по ее телу. Она ждала команды. Далее случилось следующее. Перепел вскочил и, пробежав между ног под собакой, взлетел сзади нее. Лада сначала проводила перепела взглядом, глядя себе под ноги, потом, подпрыгнув на месте и практически развернувшись в воздухе, сделала шаг вперед. В этот момент из-под собаки поднялся второй перепел. Я вскинул ружье и сбил первого, затем, опустив стволы, глазами начал искать второго, который успел за это время отлететь метров на двадцать. После выстрела второй перепел подранком спланировал в траву. Да, нервное напряжение сказывалось. Я рванул изо всех сил к месту падения подранка, Лада бежала за мной.

— Поищи, поищи... тут, тут! — кричал я своей помощнице, которая, чую перепела, обыскивала все вокруг. Вдруг подранок подпрыгнул метрах в пяти от нас и, несколько раз перевернувшись в воздухе через голову, неуклюже шлепнулся в траву, собака кинулась к этому месту. У перепела было перебито крыло, и максимум еще одну попытку подранок сделает для того, чтобы взлететь. Потом его найти будет сложнее, так как он будет спасаться только бегством. Вдруг перепел подлетел в двух метрах от собаки, но уже не так высоко, как в первый раз. Как вратарь, берущий мяч на лету, так и моя Лада в мощный прыжке схватила подранка. После этого она с чувством до конца исполненного долга подошла и положила с трудом пойманного перепела мне под ноги.

Далее события развивались следующим образом. Как только перепел коснулся земли, он тут же юркнул под валок скошенной травы. «Вот черт, эх, бедному жениться и ночь коротка», — проговорил я, пытаюсь руками поймать беглеца, но моя помощница и тут меня опередила. Она схватила затаившегося под валком перепела вместе с пучком сухой травы. Я подозревал Ладу и осторожно вытащил подранка из собачьей пасти, после чего определил его в специальное отделение своей охотничьей сумки.

— Вот я нашел вашего первого, — сказал подошедший Игорь, протягивая мне сбитого первым выстрелом перепела. Я взял свой трофей и повесил его на петельку сумки.

— А где десятый? — спросил Игорь.

— Да вот в сумке сидит, — открыв сетчатое отделение, показал подранка.

— Ох, класс, вы даете, почти минута в минуту уложились, смотри-ка 18.49! — восторженно произнес Игорь, глядя на свои часы.

— Ладно хвалить-то, пойдем теперь найдем того, что в суданке лежит.

— А я его уже сам нашел, ты был прав, он был бит чисто. Пошли, нас уже ждут, — сказал Игорь, и мы двинулись к машинам.

Начинало вечереть. Возле машин

горел костер. Его небольшие языки пламени были видны издали. Ветер стихал и дым от костра, поднявшись метра на три почти вертикально вверх, далее стелился над полем. Чем больше багряно-красный диск солнца заходил за линию горизонта, тем становилось прохладней. Воздух был чист и прозрачен. И лишь, когда мы стали подходить к нашему бивуаку, к запахам остывшего осеннего поля добавились запахи жареного сала. Петрович суетился возле установленного раскладного стола, выставляя из своего рюкзака нехитрую снедь. Валера жарил над костром сало с колбасой, нанизав их на выструганные из тонких веточек шампура. Колосов с приятелями что-то бурно обсуждал, часто жестикулируя руками. Его курцхаар, увидев Ладу, дернулся в нашу сторону, но тут же осекся, привязанный брезентовым поводком к багтеру автомобиля.

— Ну и как успехи, друзья мои? — спросил Петрович, увидев нас.

— Все нормально, уложились ровно в срок, — ответил вместо меня Игорь.

— Это хорошо, давай-ка посмотрим, что вы там наохотили, — на правах судьи произнес Петрович и, подойдя, стал рассматривать мою добычу. Остальные собрались вокруг.

— О! И дергача добыли, — сказал Андрей, разглядывая коростеля.

— Какого еще дергача? — недоуменно поинтересовался Колосов.

— Старики так раньше коростеля называли за его пронзительное пение, — пояснил Валера, усаживая Ладу на заднее сиденье своего автомобиля. Заняв свое привычное место, она зевнула и растянулась во всю свою длину.

— Раз, два, три, ...девять, — пересчитал висящих на сумке добытых птиц Петрович.

Валера, беря каждого перепела в руку, будто бы взвешивая, произносил:

— Ух «кабаны»!

— Кабаны — кабанами, а одного-то не добрали, — сказал один из спутников Колосова.

— Всех добрали, — вступился за меня Игорь. — Вон у него в сумке подранок сидит.

— Петрович, возьми подранка, у него только леток перебит и даже собака не помяла. — Я аккуратно вытащил перепела из сумки и протянул Петровичу.

— Давай подсажу, у меня как раз сидит один в клетке с прошлого года, все им веселей вдвоем будет, — порадовался Петрович, беря у меня из рук подранка.

— Да, Коля, мы проспорили. Знаешь, как она азартно работает!.. Нашего кобеля таскать и таскать еще... — все не мог успокоиться Игорь, делясь впечатлениями от увиденного со своими спутниками. Те молча слушали, лишь только Колосов, укладывая снаряжение в багажник машины, пробурчал:

— Мы тоже пять подняли, летный пришел, по всей видимости.

— Вы втроем пять подняли, а он один десять принес, — сказал Петрович, возвращаясь к столу, и уже возле стола продолжил: — Проигрвали, так проиграли и нечего оправдываться. Все к столу, пора потчевать победителей.

Все собрались возле импровизированного стола.

— Поздравляю, ты выиграл, — сказал сухо Колосов и, пожав мне руку, протянул бутылку коньяка. Поблагодарив его, я поставил завоеванный трофей на стол.

— Что же, испробуем божественный напиток, ну-ка, Андрюша, разлей по стаканчикам, — распорядился Петрович. Сын Петровича разлил коньяк по стаканам и предложил каждому.

— А ты что же, Николай, не хочешь обмыть свой проигрыш? — обратился Петрович к Колосову.

— Да за рулем я.

— А вот я этот момент предусмотрел, сына за руль посадил.

— Давай я поведу машину, раз такое дело, — предложил один из приятелей Колосова. Николай согласился и взял налитый стакан.

Все посмотрели на Петровича, ожидая первого тоста. Петрович, приподняв руку, явно подражая знаменитому генералу из не менее знаменитого фильма, произнес:

— Ну, за охоту!

Выпив коньяк и ощутив, как растекается тепло по всему телу, снимая нервное напряжение, скопившееся за день, я наконец-то начал ощущать всю прелесть вечера. Солнце уже совсем закатилось за ломаную гряду далеких гор. Потускневшее зарево все еще освещало часть неба и отражалось перламутром в набегающих перистых облаках. От дневной жары не осталось и следа, чувствовалось приближение осени. Весело потрескивали дрова в костре, освещая бликами машины, ближайшие кусты и лица моих приятелей. То ли от вечерней прохлады, то ли от выпитого коньяка стали острее восприниматься окружающие запахи. Я глубоко вдохнул и, ощутив полный букет ароматов, навеванных остывающим полем и дымом от костра, подумал: «Хорошо-то как, и что еще нужно нашему брату?»

— Засиделись, пора, уже дома заждались, — проговорил, вставая Петрович.

— Эх, уехать бы подальше от этой цивилизации, хотя бы на недельку, — сказал Колосов.

— В чем проблема? Ты поспорь с кем-нибудь и вперед, — явно подтрунивая над ним, предложил Игорь.

Все засмеялись и стали собираться в обратный путь.

Мы сидели у костра, делясь своими воспоминаниями, рассказывая интересные случаи из охотничьей жизни. Моя Лада спала, растянувшись на заднем сиденье Валеркиной машины. Иногда она покусывала во сне или дергала ногой, будто наступала на что-то колючее, наверное, ей снились свои собачьи сны. Часов в 9 вечера зазвонил сотовый телефон.

Закрайки

Николай СТАРЧЕНКО

Накануне

Приехал на родину за два дня до открытия летне-осенней охоты.

И первым же вечером спешу постоять в Корыте, между истоком речки Осинки и лесным озерцом: какой хоть лёт нынче? И есть ли он вообще? Мне кажется, что рановато открывают охоту, выводки скорее всего ещё только становятся на крыло. Апрель с маем оказались холодными, да и в июне настоящего тепла не было... Это

Я всё ходил заплывом взад-вперёд, недоумевая: куда же мог подеваться тетеревёнок?!

Он был уже почти взрослый, в чёрных красивых пестринах петушок. Вылетел у меня из-под ног самым первым (эх, не послушался он матери, не затаялся как следует), по нему я и ударил из нижнего ствола. А потом и сама старка поднялась — её я пропустил сознательно, а за ней ещё трое молодых. По последнему из «чока» я выстрелил как-то неуверенно: один-то уже упал, может, и хватит, ведь впервые тут, на заросшей луговой дорожке в утиных угодьях поднял я самотопом тетеревиный выводок, пусть разводятся... Так что вторым выстрелом явно промахнулся. Теперь надо найти того, первого.

Казалось, вот же где он должен быть! Вот сюда, на эту обгорелую давно, поваленную лесину с чёрными сучьями

разум мне говорит, а душа-то охотничья, как и в молодости, рвётся вперёд: пусть уж открывают!

Только встал на место, как заморосил мелкий дождик. В первый раз в это лето он застал меня в лесу... И пока я стоял, ещё не раз то затихал, то начинался снова.

Когда затихает — то у тебя за спиной, среди берёзок и осинки, как будто кто-то крадётся, плещется... А потом вдруг, как частый толот неведомых зверей, мчащихся на тебя, — это уже с фронта, по густому чернолесью и кустарнику мчит усилившийся дождь. Пролетел по-быстрому — и снова лепетанье, снова кто-то крадётся под розоватым покровом вечерней зари.

Солнце садится на западе, а напротив, на востоке, разгорается необыкновенно пышная радуга, в четыре отчётливых цвета с переливами-переходами в оттенки. Такой яркой не видел, кажется, с самого детства, что прошло здесь, на этих полях.

Капля смолы

упал молодой тетерев. Ан нет его! Обыскал всё кругом — пусто.

Вернулся к тому месту, откуда стрелял, снова прикинул, как могла лечь дробь. Вот на крайнем суку корявой сосенки её отметины, кучно черкнули, царапнули дробины, вот уже и капля смолы выступила...

Потом не раз, проходя мимо, я обязательно навещал сосенку, смотрел на эту каплю смолы — сначала она была светло-золотистой, потом бронзовой, потом чуть побурела и подсохла, покрывшись серебристой смоляной корочкой.

Через несколько лет и эта корочка отпала, всё на коре заровнялось, загладилось. И забыла, наверное, сосенка, как однажды стегануло её ненароком горячей дробью.

А я всё никак не могу забыть того тетеревёнка...

Радуга плавно погасла, а заря ещё долго тлела. Сам закат мне был не очень виден, но зато удивительное явление над головой: целая полоса красновато-жёлтого, даже гранатового цвета по стволам берёз и осин, только поверну, под вершинами. Блестит там заря в капельках влаги. И ожидающий взгляд мой ещё не раз мгновенно отзывался на отражатель мокрого листа.

Я срезал ножом несколько берёзок-карандашников для лучшего обзора. Но обозреть было особо нечего — пронеслась всего одна стайка уток, и высоко, с белорусской стороны. Уже собрался уходить, как порадовал вальдшнеп, летящий на кормёжку. Очень хорошо вывернулся из лесного прогала-рукава и прошёл прямо над старой канавой, в десяти шагах от меня. Стреляй хоть навстречу, хоть сбоку, а лучше всего — в полуугол. Словом, налетел так хорошо, так удобно, как это и бывает, когда стоишь без ружья...

И не знает он совсем, что до открытия охоты осталось всего два дня.

«А вас там ждут?»

Есть у меня давний добрый знакомый, заслуженный лесовод России Дмитрий Минаевич Гиряев. Ему уже за восемьдесят, но энергичный, бодрый. Мы едем с ним в рязанскую Криушу, знакомую всем по есенинской поэме «Анна Снегина»: он — проведать своих старых приятелей, ведь когда-то, в послевоенные годы, работал там

директором Криушенского лесхоза, а я потом на охоту — погонять зайчишек у Келецкого кордона.

— Келецкого? — оживает Дмитрий Минаевич.

— Да. Там ещё озёра — Малое Келецкое и Большое Келецкое...

— А вас там ждут?

— Конечно, ждут. Заранее догово-

рились. А что вы так вопрос ставите, Дмитрий Минаевич?

— Да был у меня с этим кордоном в 1954 году случай. Привёз туда зимой большое начальство на охоту, а там...

Он усмехнулся добродушно:

— Ну, да по порядку всё расскажу... Был у меня там лесник, Корябкин Вла-

димир, с чудинкой.

Еду как-то осенью на лошадке мимо, гляжу, у Корябкина картошка ещё не выкопана.

— Что ж не копаешь, октябрь на дворе?

— Да куда она денется? Половину выкопал...

Через месяц снова приезжаю — к празднику Октябрьской революции всегда своим лесникам премию сам развозил. Гляжу, лопата как была воткнута, там и стоит. А мороз уже!

— А я её весной выкопаю.

— Где это видано: весной картошку копать?

— А это коровина доля. Ей и морозная хороша. Даже лучше, слаще... А то спускай эту картоху в погреб, потом обратно подымай...

Про коровину долю надо особо сказать... Уже по снегу глубокому, перед Новым годом я снова заехал. А у кордона тропа вроде бы лосиная в лес.

— Что, тут лось у тебя?

— Какой лось? Что я дурней секретаря обкома? (Как раз сверху стали вводить моду на беспривязное содержание скота). Я ещё раньше внедрил. Пойдём покажу.

В лесу стоят два стожка. И корова сама к ним ходит.

— Ну, а как же её поить? Пойло же нужно...

— Да она снежком, снежком...

— А волки?

— Волков лучше собак чует. Бегом во двор!

Ну, ладно, где-то в январе-феврале попросили меня из Спас-Клепиков охоту организовать. А лучше охотугодья — у Корябкина. Предупредил я его заранее. Приехали к нему на кордон, вместе со мной председатель райисполкома, начальник милиции и начальник лесного хозяйства. Ночь, темно, долго не открывал. Стужа в избе, все домашние на печке.

— Что ж так холодно?

— Да мы б на печке до утра просидели... Ну, да сейчас всё сделаю. А дров нету! Побежал рубить единственную жердь перед въездом. А она-то сырая, не горит. Полили бензином. Бензин сгорел, жердь погасла. Что делать? Гляжу, кинулся мой Корябкин во вторую половину избы, стал что-то топором

сечь. Да это же он подоконник стесывает на растопку!

На моё изумление спокойно отвечает:

— Да ему (дому) по плану капитальный ремонт в этом году... Что тут скажешь?

— Да как же вы держали такого лесника?! — чуть не роняя руль от смеха, спрашиваю я у Дмитрия Минаевича.

— О-о, лесник-то он был как раз первостатейный и порубщиков гонял лучше всех. Порядок у него в лесу всегда был надлежащий.

Дмитрий Минаевич прищуривается от удовольствия, что есть еще что вспомнить смешного про Корябкина:

— А пенсию два года оформлял. Жена даст ему пять рублей, приедет он в Спас-Клепики, первым делом зайдёт в ресторан... Дома потом поясняет: «Приехал, в собесе очередь. Пошёл поесть, промёрз, сто грамм выпил. А там же марки надо покупать, фотографии делать, а денег-то и нет...»

Два года так ездил!

Дмитрий Минаевич как-то светло, улыбочиво задумывается. Мы проезжаем Рязань, поднимаемся к длинному мосту через Оку. Слева и справа — обширная, километра в четыре, пойма славной реки-красавицы. Сейчас октябрь, а когда еду в апреле, на глухариный ток, то тут всё пространство занимает талая вода — волнующее зрелище! Говорю об этом своему спутнику.

— А то я не знаю, — ревниво отзывается Дмитрий Минаевич. — «Волнующее зрелище!» Вот мне-то в самом деле довелось тут поволноваться, так поволноваться... Было это в те же 1950-е годы, когда я в Криуше работал. Рядом с нами стояла тогда воинская часть, и как-то помогли мы военным с лесом. А они нам в ответ — списанную машину-амфибию. Стали кататься на ней, нахваливая.

А тут как раз апрель, надо в Рязань годовой баланс везти, отчитываться. А самый разлив Оки! Отрезало нас от города на целый месяц, а то и больше — этого же моста тогда не было — приходилось делать крюк-объезд аж в двести с лишним километров. И шофёр мне говорит: «А давайте на амфибии!» Ну,

что ж, думаю, на то она и амфибия, чтоб по воде плавать. Сказал об этом бухгалтеру, мы с ним всегда вместе баланс сдавали — он постарше меня, дурака молодого, был, мужчина серьёзный, в очках, но не возражал.

Подъехали мы, значит, утром к разлившейся Оке, во-он к тому пригорку, где теперь коттеджи понастроили. Плавно въехали в воду — и поплыли... Сначала ничего, а потом гляжу: течение-то начинает чувствоваться, да ещё и льдины несёт — и большие! Ударит такая с размаху в бок нашу амфибию — выдержит ли она? Жутко стало. Вода бурлит всё сильнее, прямо у моего правого локтя, только железная стенка нетолстая отделяет от прорвы... Оглядываюсь на бухгалтера — тот сидит белый, как мел, прямо мёртвый от страха, даже очки не поблёскивают. А шофёр крутит руль, уклоняясь от льдин, правит наперерез течению, чтобы нас сильно не сносило. На самой середине Оки мы! Я спрашиваю тревожно:

— А если заглохнет?

А тот, молодец, спокойно так:

— Да чего ей заглохнуть?

Но бывало же, глохла эта машина и на сухой дороге, а тут... Правда, были у нас по инструкции с собой и запасные вёсла, и черпалки, и громкоговорящее устройство, но помогло ли бы всё это? Если б понесло нас, беспомощных, по самой стремнине, ударило бы обо что-либо или вообще опрокинуло...

Слава Богу, добрались до города и выплыли прямо к ресторану-поплавку. Причалили в восемь тридцать, а нам говорят: «Рано! Открываемся в девять». А мы кричим: «Нам срочно по сто пятьдесят!» А бухгалтер, чуть ворочая деревянным языком: «А мне двести!» Пожалели нас, впустили... Выпили-закусили, и бухгалтер немножко оживив голосом говорит: «Ну, вы как хотите, а я обратно вкруговую поеду. Ничего, что долгий крюк — жизнь дороже». Да и мы с шофёром были того же мнения. Вот такая история с амфибией!

Я довёз Дмитрия Минаевича до Криуши и сразу отправился дальше, на Келецкий кордон, где меня ждали и хорошо встретили.

Про кепку-шанку

Не знаю, кому как, а мне приятно бывает оставить людям в деревне что-нибудь из ношенных, но ещё приличных одёжек. Это не значит, что я новые не дарю. Как раз дарю, с удовольствием! Но сам, от рождения деревенский, не могу просто выбросить ещё годную вещь. Вот прошлой весной после недельной охоты, перед самым отъездом, твёрдо повесил на самодельный крюк в тесной прихожей егеря удобную, лёгкую куртку: «Носи на здоровье!» — и, не удержавшись, похвалился:

— Я в ней всю Италию проехал.

— А-а, значит, многое повидала, авторитетная... — весело подхватил мой деревенский друг. — Вот пойду сейчас в ней к корове — давай больше молока! Чтоб как в Евросоюзе надо...

Но особенно раздаю кепки и шапки. Тут ещё и вот что: размер у меня, извините за нескромность, прямо-таки сократовский — 61-й, а лучше вообще сразу 62-й купить. Да где ж его, такой размер в нынешних безликих магазинчиках найдёшь? Там теперь

повально усреднённый стандарт 56—58 размера, редко 59-й достанешь. Поносишь на макушке немного, под дождь или снег попадешь — ещё больше сожмётся, скукожится, вот и оставишь почти новую кепку или шапку при первом же удобном случае в каком-нибудь небогатом, но приветливом деревенском доме. Приедешь потом снова в гости — и взгляд радостно поймает её, и хозяин улыбнётся почти родственно: «Ноская вещь! И по двору, и по лесу...»

Но что я заметил. О ком хорошо ду-

мал — стали наши отношения ещё лучше. А о ком не очень (на охоте ведь всякое бывает, человек порой весьма неожиданно проявляется) — тут отношения стали прохладнее. Неужто переданные кепки-шапки ещё и мысли мои истинные передали?..

Сказал об этом одному знакомому учёному-психологу. Он оживился:

— Любопытное наблюдение! Если

мысли передаются на расстоянии, то почему бы...

И тут приостановился, глаза его и сквозь дымчатые очки загорелись:

— А хорошо бы, знаешь, шапку великого Владимира Мономаха, что хранится в Кремле, хоть иногда, в качестве психологической процедуры, надевать поглубже на головы наших правителей! Может, услышат, может, по-

чувствуют что-то?..

А закончить мне приходится вот чем. Месяц тому назад, в спешке собираясь после утренней зорьки в обратную дорогу, я ненароком забыл в чужом доме своё новенькое, в первый раз надёванное (как говорили, бывало, в моей родной деревне), отличного качества охотничье кепи. Наконец-то, шестьдесят второго размера! Но вот забыл...

Когда туман пахнет дымом...

Этакое раздвоение личности — идти за грибами с ружьём!

Тем более, что, возвращаясь с первого, утреннего похода за грибами, вспугнул с песчаной дорожки тетерева. Нашёл место, где он начал разгребать песок в поисках камушков. Слышал и свист рябчика.

Но охоты не получилось, хотя грибов снова набрал.

У озера знакомого постоял, пока не погас закат — из густого, полосатобагрового он быстро стал чернильно-синим. Тут я в начинающихся сумерках пошёл к дому, чтобы успеть постоять и у противопожарного канала, где может пролететь на кормёжку вальдшнеп.

Постоял. Вдруг слышу в ближнем болотце, где с женой и дочерью собирали бруснику, закричала утка, за ней другая, затем зажвйкал селезень, видно, приглашая куда-то лететь. Я приготовился... Да не совсем! Надо было чуть выйти с песчаного холмика вправо, к перекрёсточку. Слышу, что совсем рядом поднялись с большим шумом утки, ружьё у плеча, а они вылетели так, что оказались закрытыми густыми ветками берёз. Четыре криквы! Надо бы ударить и через ветви, но не привык я стрелять наугад, так легко

подранка сделать.

А как голосисто крикали, как взбудоражили! Всё равно радость — это ведь всего в пятистах метрах от дачного дома, в шестидесяти километрах от московской кольцевой дороги. И тут приостанавливаю: да сегодня же 21 сентября — День Рождества Богородицы. Выходит, хорошо, что не стрелял, не загубил ничего живого...

А ещё и годовщина Куликовской битвы, 633 года тому назад это было... Невольно вспомнилось, как много лет назад, в сентябре 1980-го я, редактор газеты «Орловский комсомолец», подобрал своих соседей из «молодёжек» Курска, Белгорода, Тулы и даже украинского города Сумы отметить вместе 600-летие Куликовской битвы на самом знаменитом поле. Не забыть, как в том месте, где стоял Засадный полк, расстелили мы белый остаток рулона газетной бумаги — и такая получилась скатерть-самобранка! Были все мы молоды и счастливы, исторически прекраснодушны и беспечны — и мысли даже нам не приходило, что наша собственная Куликовская битва совсем уже рядом, что через одиннадцать лет, в страшном 1991 году мы и не заметим, как проиграли её... Да, думалось, что это давняя-давняя ис-

тория, 600 лет назад было, все битвы мы с той поры выиграли, страна наша стоит непоколебимо. Оказалось, что в жизни нет ничего раз и навсегда завоеванного — всё надо непременно и постоянно оберегать, охранять и защищать.

Крепко задумавшись, пришёл я домой, открыл дверь, зажгёт свет. Потом затопил печь. Жарил грибы утреннего сбора, чистил вечернего... Почувствовал, что скачу по своим. Осенний вечер требует семейного, а не одинокого стола...

Вышел в сад, присел на скамейку. Небо всё в чистых звёздах, чудесно! Но через несколько минут всё сменилось — появился туман, опустился на землю неслышной густой пеленой. В трёх шагах ничего не видно, сноп луча фонарика очень живописен. Свет в окнах тоже льётся потоками светло-жёлтыми, надо бы запечатлеть такую необычную картину, а у меня фотоаппарат лежит в доме на тумбочке. Скорее за ним!

А когда вернулся, то сразу почувствовал, что кругом сильно пахнет дымом. Даже не по себе стало: не горит ли что в округе? Догадался, что это из печной трубы выходит дым — и тут же весь захватывается плотным туманом.

Чернотуп

«Приезжай-ка по чернотупу! Собаки у меня теперь хорошие, погоняем вволю!» — это деревенский друг мой зазывал меня ещё в августе, когда возвращались мы с ним со слабой, вялой вечерней утиной зорьки, а наутро мне нужно было возвращаться в Москву.

Что это ещё за чернотуп такой? — спросит внимательный и ревнивый к

охотничьим терминам читатель. Помнится, когда вышла в свет семнадцать лет назад моя книга «Закрайки», то среди многих читательских откликов было и такое: почему это у автора вместо привычной «сметки» или «скидки» какая-то «спрыжка»? А земляки мои брянцы, наоборот, благодарили, что не забыл я родное словечко... А недавно, прочитав мой двухтомник Избранного, прислала письмо Нина Александровна Доронина — врач, охотовед, собаковод из посёлка Кирманово Смоленской области: «Я в корне не согласна с критикой Вашего выражения «спрыжка». Как раз оно

наиболее точно определяет момент поведения зайца при охоте с гончими, и этот термин необходимо ввести в Каталог охотничьих терминов наряду с общепринятыми. Ведь, по большому счёту, и последние были когда-то кем-то введены».

Это доброе и обоснованное мнение подталкивает меня обнаружить сегодня и ещё одно емкое слово моих земляков: чернотуп. В наших глухих брянских деревнях никогда не употребляли слово «чернотроп». Не в ходу были и тропа, тропинка — вместо них у нас говорилось: стёжка, стёжечка, дорожка.

Вы только вслушайтесь: чернотуп, черно-ступ! Это и твёрдое, и одновременно вкрадчивое, сторожкое... — ступ! ступ! Понесли, взвыли, погнались гончие зайца по гулкому, облетевшему, сквозящему лесу, а охотник ступ

Ах, какой же это был красивый, привольный луг — Пасеки!

Большо видеть, как он теперь зарастает. Обычно я навещаю его весной, когда стою рядом на вальдшнепиной тяге. А тут вот и осенью довелось... Гончие поджали белячка от Выдёрки, сейчас он пойдёт перемычкой на Котовую — куда я и бегу изо всех сил. Перехватить не успеваю. Теперь он скорее всего покрутится в Карпекине, оттуда на Березугу — и снова вернётся в свою Выдёрку. Надо и мне туда поспешать, чтобы встретить шустрого белячка у его лёжки.

Иду напрямик через луг, и вдруг на ровном месте спотыкаюсь от неожиданности — знакомая и любимая с детства огромная, двухсотлетняя ель неподвижно лежит на мучноватой от первого снежка пожухлой, двадцать лет некошенной траве. Толстый ствол её у комля чудовищно разорван, расщеплён, сломан крутым ветром-бураном, которые теперь всё чаще случаются и на моей тихой родине.

О падал яблочными спасами пыльный август 91-го. Открытие утиной охоты выпало на третью субботу. Сговорились ехать снова в Нижнее Абязово. Наш «командующий» Сан Саныч был на прошлой неделе специально с проверкой и насчитал за вечернюю зорьку много утиных выводков. Утка по Тютнярю есть, значит, прочь последние сомнения и раздумья. Едем. Где-нигде надо начинать сезон, а на открытие нет безлюдных болот. Всюду охотники.

Компания наша разделилась. Валентин с Игорем отпросилась на карьер, где раньше добывали щебень, а мы:

— туда, ступ — сюда: куда повёл кой, где встать? Тут или там?

...Возвращается потом охотник уже в сумерках, а в ельнике так уже и при темно, выбирается, усталый, с добычей за плечами, на знакомую дорогу,

Старая ель

Ель ещё жива, хвоя её свежая, повалена она недавно. И главное, что обращает сразу внимание, — великолепные шишки на вершине. «Вот я и дотронулся до вас...» — шепчу я невольно.

Тут своя история. Луг этот, Пасеки, всего в полтора верстах от родной Осинки, и мы, ребята, на нём уже оказывались с самых малых лет — с родителями, с дедами и бабушками, со старшими братьями и сёстрами, а потом и сами glavно входили, «преломлялись», как у нас говорилось, в крестьянскую работу, в сенокос. Под этой шатровой елью в жаркий полдень обедали всей деревней. А когда по осени заготавливали дрова, тем самым не пуская на чистый луг быстро растающий осинник и березняк, то я часто-часто любовался большими золотистыми шишками на вершине ели. Вот бы добраться до них! Мой дед Миша на это рассудительно меня осаживал: «Ты что? Не вздумай лезть

и далеко слышен его теперь неспешный, умиротворённый шаг: ступ, ступ, ступ... — особенно, когда подшаркивает на подмёрзших к ночи, затвердевших коляях. Несёт по чернотупу домой зайца!

туды — забьёшься!» Тут ещё и то, что школьниками мы собирали сосновые и еловые шишки для лесничества, получая за это совсем небольшие деньги, но чувствовали себя уже настоящими добытчиками. И не один я зарился на такие завидные шишки! Можно сказать, несколько поколений детей мечтали добраться, дотянуться да этой вершины.

И вот некуда больше дотягиваться — прямо перед глазами, у самого лица эти, казавшиеся когда-то почти волшебными шишки. Да и самих детей больше нет в Осинке...

Не хотелось мне уже никуда идти — стоял бы так и трогал, гладил бы ладонями легонько и бережно эти необыкновенно большие, увесистые, благородного бронзово-золотистого цвета, ещё живые и упругие шишки.

Где-то в феврале — марте они по извечному закону природы раскроются — и гибнущая ель проведёт свой последний посев.

Из архива редакции

На старице

А. БИКМУЛЛИН

Сан Саныч, Родин, Козулин и я — отаборились под горой, облюбовав заболоченную старицу Тютняря. С нами ребята: мой Ринат и Сережка Родин.

Под свист канюка, кружащего над соснами, разбили палатку, приготовили дров для костра, пообедали. Начистили картошку, лук, установили на диком камне двухведерный чугунок, чтобы не канителиться в потемках. Нетерпеливо глядя на сочную зелень камышей, собрали пропахшие смазкой, не стрелявшие с самой весны ружья. Сказать, что не волновался, значит, согрешить против истины. Сколько их было, открытий за мою охотничью жизнь, а волнуешь до дрожи в последние и самые томительные минуты перед зорькой, в те мгновения тишины, еще не нарушенной громом выстрелов.

Встали на свои излюбленные места. Заклацали ружья, приняв в казенники нарядно увесистые патроны с утиной добычей. Присели в осоке и камышах, растворясь среди зелени защитной одеждой, охотники.

Первая утка шало вывернулась из-за ивняка, спугнутая выстрелами в дальнем углу старицы, налетев прямо на заряд заводской шестерки из правого ствола. Грузно тукнулась в

дерновину луга битая чисто, наповал. Ринат подобрал добычу, пока я перезаряжал ружье, и недоумевая протянул мне широконоску: «Пап, смотри какая чудная утка, клюв лопатой!» Это первая широконоска, которую он держит в руках, хотя кряквы с чирками ему давно знакомы.

А на карьере и дальше по Тютнярю отчаянная пальба. Видно отсюда, как в вышине в разные стороны правят утиные стаи. Зависть берет. Эх, и наколотит кто-то. Всегда так кажется, что встал неудачно, что если бы вон там подальше, то самое-самое место, но это только кажется. Место испытано и не раз. Будет утка, обязательно будет, тут ей самый ход. Сидим с Ринатом в осоке, прихлопывая время от времени надоедливых комаров. Вот стайка кряквовных пошла на круг, снижаясь. Хорошо идут. Веду стволам. Бах! Бах! Поникла голова, сломались крылья и утка дугой упала в кусты, где засел Сан Саныч. Кричу ему, чтобы приметил место падения, а он в ответ: «Здесь! Нашел! Чуть не на голову упала!»

Нет, зря я волновался. Место все же хорошее. Утки время от времени низят над моей излучиной. Самое главное, замаскироваться и не стрелять по поднебесным стаям. Вон там подальше у

плотины торчит черным истуканом какой-то стрелок. Видно его сверху чуть не от Шаткина, и утки сворачивают от него, забирая выше и выше, машут учащенно крыльями в крутом вираже. Лупит дуплет за дуплетом раздосадованный стрелец по высоколетной птице, которую впору бить из трехлинейки или зенитки, да что толку. Только патроны переводит. Догадался бы хоть присесть в кочках. И где такой спецовойки разживаются люди? По темному еще и налетит оплошавший крякш, а по светлому никогда. Как правило, такие стрелки бьют по уткам первым — вторым номером, а когда показываешь своих крякашей, взятых шестеркой — семеркой, не верят.

Гремит всюду стрельба. Вот одиночный выстрел, означающий, что утка бита чисто или же, наоборот, что чистый промах. Одно из двух. Вот чей-то явно не прицельный светливо-поспешный дуплет, слеланный врасплох заскучавшим охотником. А вот пятизарядка раз за разом с равными интервалами, только чтобы выплюнуть стреляную гильзу, кашляет четырежды и, чуть придержавшись, шлет вдогон, «до кучи», последний, пятый выстрел. Тоже, видно, стрелок не ахти. Будь магазин на десять патронов, как пить дать выпустил бы вслед запредельной «за выстрелом» птице. Сухо-отрывисто бьет чья-то двадцатка и где-то вдали за плотиной, под самыми Дубинками, ахает черным пороком лютая пищаль редкостного десятого калибра.

Вижу, как свернулась над Козулинской засидкой крякша, и с запозданием пошел звук выстрела. Вот Сан Санч за кустами дважды хлестнул из своей ижевки. Слышно было, как мокрой тряпкой шлепнулся на воду крякш. Есть утка. То-то будет старому чугуну работа на вечер. Первый убой по неписаному правилу идет в котел. Широконос и крякша уже на таборе. Юные охотники щипают уток, пуская по ветру пух, развели огонь и палят вкусно пахнущую дымком дичину. Стало смеркаться. Ребятишки еще раз приходили за добычей, забрали крякуш у Козулина и Сан Саньча.

Ярче и приветливей мерцал в отдалении под горой наш костер в густеющей темноте вечера, звал, как в далекие первобытные времена, озябшего человека к своему теплу, сытости и покою.

Все реже и реже раздавались выстрелы. Сломка двадцатка, ушел к своему костру владелец пятизарядки, хлопнув дверцей «Москвича», уехал со своей компанией «охотник» в черной спецовке. Давно не слышать могучих раскатов десятого калибра.

Захлопала вода, затрещали кусты ивняка, и Сан Санч вскоре подошел к моей засидке, неся в удавках трех крякш и чирочка. Пару сбитых крякуш он не нашел. Утром надо будет в костюме обшарить хорошенько крепи, а если не найдем, то ходим в деревню за родинской гончей, которая с большой охотой идет в воду и подает би-

тых уток. Идем с добычей на табор. Козулин уже там. Вешаем на сучки дичину, снимаем с себя мокрое, разряженные ружья убираем в палатку.

Ну, где там чарка? На открытии, да «на кровях» надо обязательно. Не топясь ужинаем. Поспеваает-доходит двухведерный чугун с утиным шулюмом. Петрович снимает пробу своей знаменитой ложкой с полуметровым черенком. Готово. Снова чарка под душистое варево и задушевные разговоры. Ничто так не единит людей, как охотничий ночлег, костер, охота. Это наш охотничий праздник. Ребятня, раскрыв рты, слушает о сибирском детстве Козулина, о легендарных таежных охотах, в которых участвовал Петрович, о знаменитых ружьях и собаках. Лежу в полудреме у костра на фуфайке рядом с детворой. Хорошо. Спокойно. Уютно. Глядя вслед клубам дыма, уходящим в сосновые вершины, слушаю неторопливый рассказ Сан Саньча о том, как давным-давно, еще в пору его детства, отец обдирал волка и тот в это время ожил: «Свои карточные патроны у отца вышли и он занял несколько штук у односельчанина-охотника. Стояли у отца волчьи капканы на приваде. Пошел он проверить в очередной раз, а там в железах волчина сидит. Ударил карточью по зверю. Убил. Приволок на лыжах домой. Морозы стояли жуткие. Народу набилась полна изба: бабы, старики, ребятишки. Волчина висит на пялке. Родитель уже с пахов сдирает шкуру, и тут серый взвыл смертной жутью, забился на пялке. Волосы дыбом! Народ из избы ломанулся, аж косяки затрещали, — вспоминает Родин. — Мы с Коляней за печь! Воем сами, как волки со страха. Отец не расстерялся — в мать перемать! Да как хватит волчнину обухом по затылку! Враз угомонился. Снял шкуру, вывез ободранную тушу в овраг, стал смотреть патроны. Расковырял один, а в нем между порохом и карточью газетный лоскут смятый вместо пыжа. Открыл все патроны — то же самое. Стало понятно, почему ожил «убитый» волчина. Больше не одалживал отец чужих патронов, всегда сам заряжал».

Тут наш рассказчик закурил и подкинул сушняк в костер. Время за полночь. Звезды блещут и сияют совсем по-иному, чем в городе — ярче, крупнее. Петрович показывает и объясняет звезду Хуку, по которой проверяли зоркость римских легионеров. Не вижу, но вскоре после объяснения нахожу и её на изгибе ручки ковша Большой Медведицы. Истекает ночь в задушевных беседах, тает грудка жарких углей. В который раз завариваем чай в закопченном котелке. Строим планы на зимнюю охоту.

Чуть посерело вокруг. Ближится утро. Над старицей растеклись потные испарины тумана. Острее запахло речной сырью. Пора по местам. Оставляем спящих ребятишек у костра, наваливаем на них фуфайки и полушубки. Расходимся в белесом предзорье. Не видно ни палатки, ни огня, лишь гор-

чинка дыма в неподвижном воздухе напоминает о ночном костре. Выстрелов не слышно. Тишина. Целый колодец тишины.

Только сел на вчерашнюю кочку, только зарядил ружье, вынырнула из тумана пара кряковных, идущих вдоль излучины старицы. Бах в одну. Есть! Бах в другую — мимо! Утка метнулась на Петровича. Бодрым эхом откликнулся мачтовый сосняк на выстрел козулинской вертикалки, и птица кувырнулась в воздухе, падая в хвощевник. Козулин — стрелок отменный, не пропустит цель, разве когда интереспорты, закапризничав, помещают выстрелу, а так с ним лучше не тягаться. Подтягиваю лямки химзащиты и хлюпаю старицей подбирать добычу. Вот она. Чистенькая, нарядная. Это не домашняя подсадная — ярче, свежей. Еще и еще шли утки на Козулина, на Сан Санча, да и мою засидку не обходили стороной. Радостно гремели наши выстрелы, роняя на воду налетающих крякш.

Стали слышны туканье топора у костра и приглушенный разговор проснувшихся ребятишек. Спустя некоторое время послышался легкий топоток и шелест травы. Сын подошел к моей засидке, молча сел рядом, оглядывая утреннюю добычу. Отдаю ему двустволку, и мы затаиваемся в ожидании, в одной мечте, связанные одним желанием, одной охотничьей страстью.

Кружит, распластавшись в вышине, цапля. Солнце показало край над соснами. Зимородок у нас на виду ныряет в заводнике. Выныривает, перепархивает ближе, переливаясь драгоценным изумрудом, садится на ветку. Подает голос вчерашний канюк. Видно — сел на старом сухом осокоре и зорко поглядывает по сторонам. На какое-то мгновение растворяюсь сознанием, ухожу в полутьму, но раздаётся выстрел сына по налетевшей крякше, и она, вильнув, начинает забирать свечой вверх. Гремит второй выстрел, и раненая утка низит в сторону козулинской засидки. Петрович видит все и еще на лету достреливает подранка.

Сидим еще некоторое время, но утиный лёт окончился, и мы начинаем шарить в крепях, искать вчерашних уток. Хрустим ивняком, пузырми хвощевник, хлюпаем по осоке. Находим еще несколько штук и на табор возвращаемся увешанные дичью. Козулин отдал Ринату его добычу, а еще одного чирочка сын нашел на берегу, наткнувшись на самой тропинке, когда шел обратно. Он рад своей добыче, рад беззаботности, рад тому, что на свете есть охота, что есть такие замечательные вещи, как ружья, порох, дробь, патроны. А я, радуясь вместе с ним, осознанно с легкой горчинкой, что время неумолимо. Достал своего фотонестора и щелкнул несколько раз затвором. Истратятся патроны, износятся ружья, состарятся отцы, а сыновьям останется память об удачной охоте, старом чугуне, тумане, камышовых зорях и счастливых днях.

Крылатая пастушка

А. ЗЕЛЕНИН. Фото автора

перелетам, поэтому через сотню — другую метров садятся для отдыха и поиска корма. Много их гибнет в начале октября в пенистых волнах Обской губы, которые уставшие птицы принимают за сугробы снега.

В морозные дни куропатки летают только в случае необходимости. Набив зобы почками и распушив перья, сидят они отдельными табунками или сотенными стаями. Перед оленьими упряжками разбегаются неохотно, на три — пять метров.

Мне неоднократно приходилось наблюдать как спокойно паслись табунки куропаток, хотя поблизости сидела полярная сова. Она, безусловно, была сытая. А когда нужна была пища, спокойно ловила одну из них, переворачивала животом вверх, выщипывала перья и кусками отрывала мясо с груди. Все остальное бросала. Куропатки к ней привыкли и особенно не боялись. К тому же сова зорко охраняла «свой» табунки от песцов и ястребов. Голодный ястреб с рассветом неторопливо кружил низко и садился то в одну, то в другую лунку, зная, что в них есть куропатки. Но они сидели в 40—50 сантиметрах дальше и не вылетали.

Сова, завидев конкурента, с грозным криком поднималась и прогоняла его, затем возвращалась к своим подопечным. Лапы у куропаток и сов надежно защищены мелкими пушистыми перышками. «Ишь, сидит в теплой малице и кисах» — весело говорил мне проводник, глядя на сову с оленьей нарт. Находясь в 15—20 метрах, та спокойно смотрела на нас.

В Тюменском Заполярье, а именно в Байдарацкой тундре, которую пересекает река Щучья — последний приток реки Оби, текущий с Полярного Урала, очень много куропаток. Об этом писали специалисты, бывавшие там ранее.

С весны и до осени живут эти птицы в тундре. Питаются насекомыми и ягодами, а после того, как земля покроется снегом, в их рационе преобладают почки карликовой ивы и березы. Но и эту скудную пищу с каждым днем становится добывать все труднее и труднее, так как штормовые океанские ветры несут с собой массы снега, под которым быстро исчезают низкорослые деревца. Тогда отщавшие птицы вынуждены откочевывать южнее, в лесотундру. Летят они по ветру, который всегда дует в первой половине зимы с моря.

Куропатки, как и все куриные, не приспособлены к длительным

31 декабря 1965 г. из окна конторы Ямбургинского рыбоучастка я увидел, что на протоке со стороны Малой Оби, в которую впадает река Щучья, налетела туча куропаток. Быстро оказался на улице. Передние пролетели уже метров 150, а задние шли за ними плотным косяком, до последних было еще метров 250 или больше. В этот момент черный пушистый лайкоид сорвался с крыльца, побежал за ними по дороге, прыгнул и как-то словил на лету одну из них. Ширина стаи была метров 40—50 и слесем 3—4 метра. Ямбура находилась недалеко от бывшего п. Пуйко (в конце мая 1961 г. его затопило, поэтому он был перенесен на правый берег реки Оби).

Ловили куропаток на Ямале петельками из конского волоса. Но в годы Ельцинской анархии лошадей забили. Их заменили быстроходными мотонартами и снегоходами «Буран». Петельки стали готовить из жилки. Обычно к двойной нитке привязывают по две петельки. Насыпают снежный бугорок, чтобы не замело, втыкают две веточки тальника (ивы) и к ним привязывают натянутые концы ниток. Так бывший знатный промысловик (давно нет в живых) Аксарковского рыбозавода Ю.С. Цыбин зимой 1965 г. за неделю добыл 600 куропаток. А позднее установил новый рекорд округа — 700 птиц. Помнится, до весны 1966 г. в Прибалтику и Норвегию из г. Салехарда было отправлено 220 тысяч тушек куропаток.

В последние годы советской власти от г. Лабытнанги (18 км от г. Салехарда, на левом берегу) вдоль Полярного Урала к Байдарацкой губе были проложены линии газопроводов и железная дорога. Построены компрессорные станции и поселки. С тех пор охотники на мотонартах бьют там бедных куропаток мешками. 3 февраля 2014 г. недалеко от меня сели на болоте три лесные куропатки. От тундровых они отличаются большими размерами. Помимо этого, у самцов тундровых у глаз имеются черные полоски. Белые красавицы щипали своими черными клювиками почки с кустиков. Я подошел к одной на восемь метров, протянул руку и позвал: «Кутя, кутя». Она спокойно посмотрела на меня и принялась склевывать почки. Две других кормились в трех метрах от нее. Минут через пять проехал на иностранной мотонарте молодой человек. Куропатки вспорхнули и отлетели метров на пятьдесят. Беспокоить их больше не стал.

На овсах

Борис ТИМОХОВ

Что испытывает охотник, собравшийся на медведя? Если всё сойдётся, мне доведётся караулить зверя, сидя на дереве. Казалось бы, о чём говорить? С чего же тогда это странное возбуждение? Работает подсознание? Наверно! Оно, похоже, ещё и лучше меня понимает: предприятие ожидается серьёзное...

Мой напарник — опытейший местный зверовик, а идём мы проверять овсы, посмотреть, не вышел ли на них медведь.

— Полезет ли зверь к тебе на дерево? Большая редкость. Но топор не помешает. Рубить знаешь как? Только по когтям. А боится он не так человека, как его запах; только причует — фыркнет и ускачет. Если куришь — беда! Я зверя жду, так хвою еловую жую. Хорошо помогает.

Познакомились мы случайно. Забравшись в эту глухомань, я, охотник ещё малоопытный, не раз обращался к местным жителям. Ответ был один:

— Так ты, желанный, по охотничьему делу? Это тебе к Феде Прудникову надо. Всё знает. Да! А что зверя взято — страсть! И не потеит ничего. Очинно хорошей человек.

Общепризнанный таёжный зверобой... Как интересно! В надежде хоть одним глазком взглянуть на местную легенду я и оказался возле большого, потемневшего от старости бревенчатого дома. Хозяева не откликались, и я, присев на завалинку, наблюдать, как чинит свою ограду их старикашка-сосед, маленького роста, щупленький, хромой, с большущей сивой головой. Старик был тяжёлым инвалидом — так припадал на правую ногу, что с трудом двигался по прямой. Только это ничему не мешало. Подняв очередную штакетину до уровня глаз, он, откинувшись и качая головой, оглядывал её со всех сторон, затем, лихо повернувшись, быстро ковылял к ограде. Прибив её и распрямившись, он — голова набок — откровенно любовался проделанной работой. Вдруг он увидел меня.

— Так тебе Фёдора Прудникова? — И бесхитростно, совсем по-детски улыбнулся. — Ну так он как раз я и есть.

Так состоялось знакомство. Узнав о моих намерениях, старик чуть призадумался.

— Завтра поутру думаю овсы смотреть — зверь не вышел ли? Пойдёшь со мной?

— Конечно!

Тем же вечером из бесед с хозяевами и обойдя полдеревни, узнал я немало любопытного. Как охотник Фёдор славился с юных лет. Выносливый, смелый, исключительно наблюдательный, он уже смолоду специализировался по крупному зверю и не имел себе тут равных. Великая беда постигла его уже в зрелые годы.

...В тот погожий сентябрьский вечер в избу к ним бежала соседка:

— Федя! За старым коровником медведь в овсе!

Схватив ружьё, уже с порога ещё успел он крикнуть жене:

— Заслышишь стреляю — выпускай собак!

Ветер тянул с овсяных полей, и в полуразвалившийся коровник охотник проник без труда. Осторожно глянул в оконный проём — огромный медведь шевелился в овсе метрах в тридцати от него. После выстрела зверь выгнулся дугой и осел в овёс... И тут, по словам старика, редкая удача отбила у него разум: он совершил четыре ошибки подряд!

Так, к зверю битому в потёмках не следовало подходить вовсе. На это было утро — собаки достали бы подранка и из-под земли.

Потом: зверь упал замертво, даже не охнув; его охотничий опыт такого ещё не знал!

Далее: подходя к медведю, надо было дать ещё выстрел, хотя бы один.

И, наконец, высматривая в полутьме прижатые к голове уши, он оказался от «убитого» зверя недопустимо близко.

...Медведь взвился как не стреляный! Выстрел в упор его не остановил. От страшного удара полетело в сторону ружьё, а метнувшийся за ним охотник был пойман зубами за правую ягодицу (впопыхах он не успел даже сунуть за голенище нож).

Началась адская «карусель»: мотая головой, зверь кидал человека из стороны в сторону; отлично сознавая происходящее, тот уже мужественно прощался с жизнью. Но челюстью внезапно разжался, и охотник упал в овёс. Оглянувшись, увидел: медведя яростно атаковали обе его зверовые лайки. Ему же удалось дотянуться до ружья...

С тех пор он инвалид. Но — непостижимо! — тяжелейшая травма не изменила в его жизни практически ничего! Он остался охотником — таким же смелым, выносливым, исключительно добычливым; колоссальный опыт и редкая интуиция, похоже, компенсировали физическую ущербность с лихвой. Кое-кто из соседей даже склонен был объяснить этот феномен вмешательством потусторонних сил:

— Я вот не знаю, когда пройдёт тут зверь и чего делать будет. А вот он знает! Откуда? — возбуждённо блестя глазами, вопрошал пожилой местный охотник. — Война была, голод, так ведь он же всю деревню мясом кормил. И денег не брал. Очень хороший человек. Сейчас старику без малого семьдесят четыре.

...Гремячий луг и Петрово поле — две огромные засеянные овсом лесные поляны, всего метрах в двухстах друг от друга. Соединяет их зарастающая

просека; старик почему-то называет её «тропой». От деревни мы и вышли на неё.

— Давай сперва на Петрово, там у меня скрадок на берёзе.

Идём мы кромкой смешанного леса, заглядываем и в овёс.

— Гляди, гляди-ка сюда! — вдруг возбуждается старик.

Смотрю: не смят ни один колосок.

— Как не видишь? Вон же...

Старика, оказывается, взволновала пара колосков, на которых не народилось почему-то зёрен.

— Увидал? Конь овёс с корнем рвёт, корова скусывает. А медведь сосёт. Да ты сюда погляди!

С большим трудом, только по его указке угадываю на сухой земле чуть приметные вмятинки. И это — след медведя?! Впрочем, «ссосанный» овёс обнаруживаем мы и на Гремячем.

— Понял? Он, змей, «закуси» делает — определяет, какой где овёс. Придёт. Нынче же караулить надо! Днюет он больше возле болот; от болота и попадёт на Петрово. Там я и сяду. Только скорее придёт он сразу на Гремячий — видал овёс там какой? А пойдёт «тропой», как и вчера шёл. Тебе и сесте у «тропы». Там днём-то сумерек, а уж вечером... Не для моих глаз.

Мой скрадок — всего лишь толстенная полусгнившая осина в десятке метров от «тропы»; перед ней — заросли невысоких кустов. Осина приподнялась на собственных несрубленных ветвях и сидеть на ней очень удобно. Справа, сквозь редкий сосняк, хорошо виден край Петрова поля.

Всё, казалось бы, хорошо, но что за противная, гнетущая тяжесть вдруг навалилась на меня? Отяжелели даже ноги. Странные полезли и мысли: происходящее видится всего лишь ничемным и опасным баловством... С трудом даю себе отчёт: меня очень тревожит этот вечер у «тропы», я просто подавлен страхом, какого, пожалуй, ещё и не знал... Мне предлагается стрелять в полутьме по движущемуся в редком сосняке медведю — с десяти шагов от него. Ничего себе! Положу ли его первыми же выстрелами? Вряд ли. Перезарядить ружьё, пожалуй, успею. Но ведь он пойдёт на меня прыжками да и в потемках — доберётся в считанные секунды. Ну и ну!

Впрочем, эврика! У меня же полное право действовать сообразно обстоятельствам. Если прицельные, верные выстрелы будут невозможны — я не стреляю вовсе. И пусть этот старикан... Да и о чём я? Будто не знаю чем кончатся наивные охотничьи авантюры; тут скорее всего и духом-то медвежьем не запахнет. Всё, конечно же, будет «о'кей».

...Теперь я знаю точно: самое страшное в охоте на медведя — комары! Спасительный флакончик с диметилфталатом где-то раздобыл мой приятель. Не поленился, занёс: «В тайгу же едешь. Только глаза береги».

Берегу. Но проклятые твари атакуют всё, что не удаётся смазать этой еду-

чей гадостью: лезут в глаза, в уши, в рот, прокусывают даже тонкие перчатки. А тут не очень-то и пошевелишься — изредка отмахнусь еловой веткой да подмажу особо атакуемое место.

Впрочем, сидеть удобно. Стволы покоятся на верхних ветках куста; к ним, по рекомендации старика, возле самой мушки чёрными нитками привязана «грамотинка» — тонкая полоска плотной белой бумаги. Самый кончик её отогнут, он-то — белое пятнышко в вечерней полутьме — и помогает правильной наводке. За кустами, что передо мной, редкий сосняк; за ним — «тропа». Справа, метрах в сорока, хорошо просматривается ещё светлое Петрово поле; с него только что с шумом поднялась какая-то птица.

Но что это? На фоне овса, у самого входа на «тропу» — неподвижный чёрно-коричневый силуэт... Не помешало ли? Но «силуэт» медленно поднимает узкую морду и, похоже, что-то высматривает в древесных кронах... Медведь!

Странно: меня покинул страх! Вдруг не весть откуда явилось понимание: как поведу я себя сейчас — то и смогу думать о себе самом многие годы; возможно, и всю жизнь. Это смогу рассказать жене, сыну, друзьям... Ещё достаточно светло и выбора нет — я буду стрелять! А сейчас — сделать всё, чтобы зверь вышел на меня.

...Почти не дыша, проверяю предохранитель — снят. Осторожно касаюсь пальцем спускового крючка, придёт момент — останется только приподнять стволы... Но, что за странный, «ухающий» звук? И где же медведь? На месте темного силуэта — лишь сербристая стенка овса. Ушёл...

Тянутся минуты. На «тропе» шаги.

— Это я. Не стрельни.

Старик лезет ко мне через кусты. Глаза его странно прищурены.

— Пошто зверя сшумел?

— Как это «сшумел»? Я сидел —

вдохнуть боялся.

— А я всё досмотрел. Зверь за своим делом шёл, да ни с чего обратно повернул — может такое быть?!

— И я его видел. А почему ушел...

— Ушёл, что ты его сшумел. И ещё не созная!

Повернувшись, он трудно ковыляет к «тропе». На секунду оборачивается:

— Кабы еще курящим был...

«Курящим»... Страшная догадка вдруг является мне. Неужели? Судорожно достаю флакон с диметилфталатом, подношу к лицу. Святые угодники! Где только была моя голова? Или совсем, бедная, «чокнулась» со страху?!

— Отец, обожди!

Спотыкаясь о невидимые корни, выбираюсь на «тропу».

— Фёдор Петрович, дорогой, уж ты прости меня как-нибудь! Только сейчас понял: ведь я зверя согнал. Насмерть заело комарье, так, дурья голова, — намазался этой вот дрянью...

Оглядев флакон, старик поднес его к носу.

— Ну... дело теперь понятное.

В лице его что-то разительно изменилось. Неужели я прощён?

— Федор Петрович, а зверь на деревья глядел? Искал там чего?

— Он тебя причужал. И мордой вертел — откуда дух идёт?

— Вон что... Отец, я бутылку коньяка из города везу. Давай домой, да отмою мои грехи!

— Что собрался отмывать-то? Содеял — покаялся, всё так. А пьют за доброе. Ты, вон, ночью на «тропе» зверя ждал. На такое не всякий...

— Всё равно. Выпьём!

— Выпьём! А что до греха... Охотнику без того — как? Я, вон, тоже, было дело...

И с неожиданной улыбкой старик бойко хлопает себя по плоскому месту, где когда-то была у него здоровая и, верно, ядрёная ягодица.

Кайков Альберт Сергеевич. **В туруханской тайге.** / Повесть. — М.: Беловодье, 2014. — 272 с.

В книге А. С. Кайкова, пишущего о природе, охоте и рыбалке и продолжающего славные традиции русской литературы, воссоздан мир людей, чья жизнь проходит на природе, — северных охотников и рыбаков. На фоне исторических событий в стране изображается судьба семьи, попавшей в тридцатые годы на Крайний Север, в туруханскую тайгу, и жившей в этом регионе до наших дней. Автор показывает, насколько трудной была и остаётся жизнь переселенцев, как они выживают в условиях первозданного северного края и холодной природы, какую роль в их жизни играют охота и рыбалка.

Приобрести: 143900, М.О. г. Балашиха-центр, а/я «Книжная лавка охотника и рыбака». Тел. 8(495)528-22-71.

Кусочек счастья я отломил у осени

С. ДИАНОВ

Сентябрь набрал обороты, самая его середина. А тут как раз подъехали выходные, так что я в лесу со своей лайкой Малышом. В начале первой декады прокатились по округе два или три утренника с легким морозом. Поэтому кругом невероятно красивая панорама. А если сказать в двух словах, попросту, бабье лето или мужицкое счастье. поголовно все охотники нашего поселка сегодня в лесу. Весна сей год выдалась теплой, кладки самочек не пострадали, и дичь в лесу на каждом шагу. За день охоты я добыл взрослого глухаря и двух молоденьких, плюс влёт сбил косача, а крупный рябчик сам сел на ружье, пока рядом не было собаки, а сколько мог еще добыть. Охотился я по берегу реки Келды, убрал от дороги на приличное расстояние, и никакими силами не заставить меня было идти сразу обратно. Да и ночь у костра, это, безусловно, волшебное мероприятие для души. Небо чистое, ни единого облачка. На небольшом костре в котелке готовится дичь без всяких фокусов, — тетерева и рябчик порезаны на куски, плюс родниковая вода, и аромат от бульончика идет просто оборотительный. Слюни бегут и у меня, и у Малыша. Хотя онто наелся, как говорят, от пуза. Все обмундирование с птиц, плюс головки и лапки достались ему.

А я потихоньку готовлю себе лежак, дрова нарублены и уложены возле костра. Рядышком, почти под ногами бежит вода реки, и нет-нет да и разбегутся круги по воде после всплеска хариусов. Увы, удочки у меня с собой сегодня нет, так что с достоинством переносу издевательство рыбы. Да и так здорово побыть целый день в золотом лесу. Иногда нагибаю спину, набираю полную ладонь спелой брусники, а ее здесь видимо-невидимо, и в рот, ну, как бы подачка голоду, который по серьезному на меня наехал. Солнце уже свесило ноги за лесом, и недалеко та минута, когда по лесу ползлет мрак. Ночь будет безумно красивая, возможно градусы скатятся за нулевую отметку, но это меня нисколько не тревожит, дров предостаточно. Между тем ужин готов, расстелила скатерть-самобранку, и на ней появляются огурчики и помидорчики, лучок, чесночок. Снимаю котелок с огня, наливаю полную миску деликатеса, и с поднесенной ложкой у рта застываю. Малыш соскочил с места, отбежал от костра и смотрит в сторону леса. Ну и смотри, думаю, себе не здоровье. Ты сыт, а мой желудок уже давно бьет по животу, мол, голодом заморишь, хозяин. До чего вкусная похлебка, хотя в

лесу любая снедь вкуснее, чем дома. Через минуту пес встает на задние лапы и все пытается уловить звуки, которые он услышал от костра. Был бы зверь, уже бы заголосил во всю пасть. А вдруг сохатый где-то фыркнул, не дай Бог, увяжется, ищи потом его, свищи. Дай-ка я его привяжу. Но и привязанный кобель, натянул поводок в струну, так и тянется к лесу. Да ну его в баню, на ночь глядя в страшилки решил поиграть.

Огурчик хрустит на зубах, заливаётся бульончиком, заедается мясом, аж пот прошибает. А потом сверху крепкий чай со смородиной, даже дышать становится тяжелей. Закатываю бревна в костер, и наконец-то спина чувствует под собой лежак. Самый закат. Мошка надоедливая почувствовала приближение холода и ударила в бег. Ну, чем же здесь не рай. Пес между тем решил немного порычать. Когда, говорю, угомонишься или за день не набегался. Через какое-то время даже заскулил от азарта. Встаю, беру в руки ружье, отхожу от костра на приличное расстояние и замираю. Тишина такая, что даже в ушах звенит. По глади Келды начал подниматься туман. Красный закат накрыл собой и без того пеструю тайгу, и все цвета осени смешались. Между прочим, на юг от меня, на самом краю слуха я как будто услышал, как схлопотал глухарь. Малыш даже взвизгнул, у него слухот гораздо лучше моего. Ну, думаю, глухарь так глухарь, что за невидаль. И вдруг опять почти в том же месте более четкая посадка птицы, а потом еще и еще. Малыш пытается освободиться от привязи. Я иду к костру и говорю собаке, чтобы он сменил свое поведение, а не то я сейчас вырежу вицу. Морда у него хитрющая, и так повернет ее и эдак, лапой помашет, выпрашивая свободу. Но я твердо решил его не отпускать на ночь. Все там сразу перевернет кверху дном. И уже лежа на лежаке, я вспомнил рассказы друзей, которые присутствовали на осеннем току. По их рассказам, глухарь пели и вечером и утром. Что же, завтра и проверим, решаю я. Еще долго я не мог уснуть, наблюдая как ночь выталкивает свет со своей уже законной территории, как с каждой секундой все больше и больше звезд на небе, где начинает вырисовываться Млечный путь. Не будь я таким усталым, так и тарачил бы еще долго глаза на это удивительное небо.

Очнулся я от того, что у огня стали коротки руки, и он перестал до меня дотрагиваться своим теплом. Пришлось встать, подбросить побольше

дров и опять в люли. Уже вышла луна, бледная, огромная, освещает дорогу тем, кому сейчас не до сна. Было еще всего полпервого ночи, так что мои глаза за тут же закрылись. Когда прохлада опять сыграла подъем, было уже пять часов утра. Туман поднялся такой, что в десяти шагах ничего не видно. На ошупь иду к реке за водой, кипячу воду, завариваю чай и завтракаю, ожидая минуты рассвета. С реки доносится громкий всплеск рыбы, похоже, семга зашла в яму и вытаскивает из нее местное население в виде хариусов. Дождавшись, когда посветлело и за непроглядным туманом на востоке стало подниматься солнышко, я с ружьем через плечо медленно, по компасу побрел прямо на юг. Правда, прежде прочитал нотацию своей собаке, чтобы она ждала меня здесь. Пес, окончательно обидевшись на меня, лег и отвернул в сторону свою красивую рожу. Метров через четыреста я вышел на край соснового болота, все, дальше идти некуда, глухари сядились на деревья где-то в этом районе. Усевшись на сушину, которую свалил бродяга ветер, я стал слушать тишину. Минут через двадцать, невдалеке я услышал отчетливо щелчок глухаря. Ему ответил сосед, потом другой, и минут через пять петухи запели по-настоящему, как весной. Их подхватили другие птицы, и вот на моем слуху поет шесть глухарей. Но это же не весь ток, качаю головой от удоволь-

ствия и начинаю подходить к ближ-
нему певцу, а то туман стал быстро
редеть. Все глухари поют на деревьях,
да и чего им делать на земле, коль глу-
харок рядом нет. Подхожу как весной,
два шага под скрежетание и остано-
вка. Петух поет почти непрерывно, по-
этому подхожу быстро, и после послед-
ней остановки вижу его всего в деся-
ти метрах от себя на низкорослой мо-
лодой сосенке. Хвост веером, голова
трясется, правда, кажется он не чер-
ным, а серым. Не тороплюсь подни-
мать ружье. И он застыл на секунду,
приподнял голову и смотрит в сторону
реки. И до моего слуха доносятся при-
читания моей собаки в виде воя. Глу-
харь оценил ситуацию, — друзья его
поют взахлеб, и он тоже продолжил свои
песни. После выстрела, а стрелял я его

под скрежет соседа, он рухнул камнем
на землю. Целил я ему прямо в голову,
на таком расстоянии троечкой, стреляя
по корпусу, я бы просто испортил туш-
ку птицы. На удивление соседней пе-
тух пел, а ведь грохот от моего выстре-
ла еще долго гулял эхом по округе.
Минуты через три сзади себя слышу
шум, поворачиваюсь и глазам своим
не верю. Малыш с обрывком поводка
летит пулей ко мне. Видели бы вы его
глаза, обида в них сверкает и гнев.
Общаться со мной ему, видимо, не
хотелось, и он сходу своим чутким ухом
уловил песню глухаря. Белой стрелой
летит в ту сторону, а через несколько
секунд его азартный лай будит окру-
жающий лес. Глухарь заскеркал, сосе-
ди подхватили дразнилку, да ко все-
му этому с земли поднялся целый

выводок глухарей во главе с мамкой.
Что тут началось... Глухарка орет «ко,
ко, ко» так, как будто с нее вживую
снимают шкуру. Меня разбирает смех,
бедный пес аж завизжал от той нераз-
берихи, в которую он попал. Но все же
вскоре разогнал это скопище птиц по
разным сторонам света и с высуну-
тым до земли языком примчался ко
мне. Гонясь за птицами, он, навер-
ное, потерял там всю свою злость на
меня. И мы, пообнимавшись, напра-
вились к костру. Я ему простил пере-
кушенный поводок, и мы были кви-
ты. А дальше путешествие в обратную
сторону. Новые встречи с глухарями,
точные выстрелы. Любование приро-
дой. И вновь кусочек счастья я отло-
мил у осени и спрятал в свою душу,
чтобы пронести его через всю жизнь.

Собаки-умницы

С. КОРЫТИН

Пес-провидец

В конце лета из Москвы приехал
дядя Коля и забрал нас с бабушкой в
тихую деревеньку на Урал, где он вме-
сте с сеттером Топазом охотился обыч-
но во время отпуска. Мы иногда со-
провождали их на соседнее болотце и
смотрели, как происходит охота. Пес
челноком носился по мокринке и, за-
чав дупеля, замирал в стойке.

Подосевший дядя Коля давал ему
сигнал, Топаз начинал подкрадываться
к птице, она взлетала, раздавался
оглушительный выстрел, дупель падал.
Если дядя промахивался, то пес
расстраивался, переживал, у него на
морде начинала дергаться кожа, осуж-
дающе смотрел на своего хозяина.

И дяде Коле было стыдно перед со-
бакой, отводил взгляд. А Топаз как
бы говорил: «Эх, ты, мазила!»

Когда после выстрела птица улета-
ла, пес по ее вроде бы нормальному
полету каким-то образом угадывал,
ранена она или нет. И если ранена,
бежал вслед, скрывался из вида и на-
ходил ее. Вернувшись с добычей в зу-
бах, он с гордостью клал ее у ног хозя-
ина. Дядя Коля хвалил собаку, похло-
пывал ее рукой.

— Молодец, Топазушка, доцент ты,
а не пес.

Рассказывал нам с бабушкой, что
немногие охотничьи собаки умеют уга-
дать по полету птицы после выстрела,
упадет она или нет.

В один из дней из пришедшей мок-
рой осени дядя Коля долго сидел за сто-
лом и что-то писал. А к вечеру встал,
походил по избе и позвал Топаз про-
гуляться. Против обычая пес не воз-
радовался. А как-то мяся и пошел за
хозяином, жалобно скулянув.

Прошло полчаса, и их все нет и нет.
Бабушка заволновалась, но вот при-
бежал Топаз. Он что-то нес в зубах.
Батушки! Так это шляпа дяди Коли, а
самого нет. Мы позвали соседа, и по-
шли за Топазом в лес. Через полчаса
он привел нас к одинокой елочке на
полянке.

Возле нее, раскинув руки, лежал с
открытыми, остекленевшими глазами
наш милый дядя Коля. Рядом видне-
лось спавшее пенсне. Бабушка упала
на колени, коснулась рукой похолодев-
шего лба и зарыдала...

— Сыночек, родненький мой, умер,
умер... — причитала она. Беспокойно
крутящийся рядом Топаз поднял мор-
ду вверх и коротко взвыл.

— Никак преставился Николай-то
Николаевич... — сказал сосед.

Дядю Колю похоронили на местном
погосте. Бабушка оставалась неутеш-
ной. Мы не раз потом вспоминали с
ней, что, уходя в последний раз с хозя-
ином, пес не возликовал как обычно.

Может быть, он почувствовал шелест
крыльев смерти, витавшей близости-
ти? Ведь он так верно определял после
выстрела, ранена птица или нет, упа-
дет она, улетев, или останется невре-
димой.

После свидания в берлоге

Достижную пенсионного возраста
смышленную старушку Нюрку сменил
сын ее, молодой Степка. Странствуя
по дальневосточной тайге, они с Бата-
ловым наткнулись на медвежью бер-
логу. А там ли хозяин? Изготовившись
к встрече со зверем, Саша шепотом и
жестами посылает в берлогу Степана.
Неопытный пес бесстрашно сунулся в
берлогу и... пропал: раздался его глу-
хой короткий вопль — и все стихло.
Зверь тут!

Задание Степан выполнил, но до-
рогой ценой, ценой жизни. Баталов за-
стыл в ожидании. Чуть позже из бер-
логи вылез медведь. Выстрел оказал-
ся смертельным. Зверь был убит до
того, как выбрался наружу.

Жив ли Степан? Это можно было
узнать, только вытащив медведя из
берлоги. Но одному справиться с мно-
гопудовой тушей — ой, как трудно. На
счастье, подоспел напарник. Вдвоем
они все-таки вытащили зверя из убе-
жища.

При этом, как всегда, помогала ко-
манда: «Раз-два, взяли!». Степку до-
стали из берлоги с разодранной щекой,
истекающего кровью, но живого. Кровь
текла и носом. Протерли рану водкой,
зашили ее дратвой — другой нитки
не было с собой.

Но не даром говорят: заживет как на
собаке. «Оклемався Степа довольно
быстро, — рассказывал Александр
Сергеевич. — С той поры сделался се-
рьезным и степенным и стал ко мне
относиться как равный к равному». Подобное можно наблюдать у молодых
солдат после серьезного боя. Видно,
игра в гляделки со смертью прибав-
ляет достоинства.

Прошло несколько лет. Как-то соби-
рались в очередную экспедицию. Заб-
равшись в машину раньше других,
Степан мирно подремывал. Хозяин с
шофером грузились. На очереди
подъем тяжелого стационарного мото-
ра для катера: «Раз-два, взяли!» И
вдруг из машины, как сумасшедший
выскакивает Степка со вздыбленной
шерстью и с остервенением лает на них.

Что случилось? Чего Степа всполо-
шился? Вроде бы нет причины, —
продолжал Саша, — беремся опять за
мотор: «раз-два, взяли!», а он пуце
прежнего на нас. Но какая-то опасли-
вость в глазах... и только тут меня осе-
нило: ведь когда медведя-то вывола-
кивали, Степа отдавал концы в бер-
логе и слышал наше: «раз-два-взя-
ли». С одного раза отпечаталось на
всегда. Вот бы так ребяташки англи-
ские слова запоминали, — весело за-
кончил Александр Сергеевич.

Организация и ведение охотничьего хозяйства в Словакии

И. ДЕЛЕГАН, Национальный лесотехнический университет Украины,

И. ДЕЛЕГАН, Южный филиал национального университета биоресурсов и природопользования Украины,

М. ЛУЦАК, областной совет украинского общества охотников и рыболовов,

Л. ПАУЛЕ, Технический университет, Зволен, Словакия

Словакия (официальное название — Словацкая Республика) расположена в Центральной Европе, общая площадь 49 тыс. км кв., численность населения — 5,4 млн. человек. Это преимущественно горная страна, значительная часть ее территории находится в пределах Западных Карпат. Равнины в основном предельно сельскохозяйственные землями. Поля заняты зерновыми и пропашными культурами, кормовыми травами, а также пригодны для ведения хозяйства на мелкую дичь. Общая лесистость превышает 44,8 %. В лесах преобладают твердолиственные породы: бук (31 %) и дуб (10 %). Из хвойных пород — ель, произрастающая на 29,0 % лесной площади, затем идет пихта — 9 % и другие хвойные. Твердолиственные насаждения являются хорошей стадией для копытных, тем более что в этих лесах ведутся преимущественно постепенные и выборочные рубки, которым всегда сопутствует густой подрост и подлесок.

Общая площадь охотничьих угодий страны 4,5 млн. га, что почти в 11 раз меньше, чем в Украине (47,3 млн. га). В структуре охотничьих угодий преобладают сельскохозяйственные земли — 52,8% (2 359 тыс. га), лесов — 1 995 тыс. га, водных пространств — 50 тыс. га, прочих земель — 60 тыс. га. Всего организовано 1 859 хозяйств (ревиров). Средняя площадь одного хозяйства составляет 2 401,2 га. Размеры и границы хозяйств в основном стабильны, закреплены в натуре, нанесены на соответствующие карты, внесены в общегосударственную геоинформационную систему, которая функционирует с 2008 г. и является общедоступной. Пользователями охотничьих угодий являются коллективы общественной организации охотников и рыболовов — 67,5 %, юридические и физические лица (главным образом владельцы земель) — 17,7 %, государственные предприятия лесного хозяйства — 7,6 %, военное ведомство — 3,7 %, общественные организации городских, сельских, церковных и частных лесов — 3,5 % от общей их площади. Наибольшее количество пользователей охотничьих угодий объединяет общественная организация охотников и рыболовов — 1 332 (71,6 %) хозяйств общей площадью 3,0 млн. га. В пользо-

вании юридических и физических лиц находится 359 (19,3 %) хозяйств общей площадью 0,8 млн. га. Государственное лесное ведомство, которое имеет 80 (4,3 %) хозяйств, посредством аукционов сдает свои угодья в наем. Подобным образом поступают и другие владельцы охотничьих угодий.

В Словакии насчитывается 38 305 охотников, большинство 32 601 (85,1 %) из которых члены общественной организации охотников и рыболовов, остальные — 5 704 человека — члены других охотничьих организаций. В среднем по стране на одного охотника приходится 116 га охотничьих угодий. Общее количество зарегистрированных охотничьих собак составляет 13 657, то есть одна собака на 3-х охотников. Пользование охотничьими угодьями в Словакии платное. В сезон 2011/2012 гг. за пользование охотничьими угодьями было уплачено 1,9 млн. евро. Размер платы зависит от бонитета угодий и в среднем составляет 0,42 евро (от 0,24 до 0,81 евро) за 1 га.

Благодаря хорошей организации ведения охотничьего хозяйства, угодья страны характеризуются значительным обилием фауны. Более того — численность наиболее ценных в охотничьем отношении видов на конец XX — начало XXI века имеет четкую тенденцию к увеличению. Численность оленя увеличилась с 40 000 голов в 2005 г. до 58 106 голов в 2011 г. В половой структуре словацкой популяции оленя преобладают самки — 40,9 %, самцов — 37,6 %, а молодняка — 21,5 %. Фактическая добыча оленя в сезон 2011/2012 гг. составляет 22 157 голов, что на 2 783 головы больше по сравнению с сезоном 2010/2011 гг. и на 12 % меньше планового отстрела. Кроме того, 1 534 оленя погибли вследствие различных причин,

83 особи отловлены живыми, в том числе 42 особи для расселения. В целом численность популяции оленя уменьшилась на 23 774 особи, что на 1 446 голов меньше от запланированного отстрела. В половой структуре отстрелянных оленей преобладают самки — 39,4 %, самцы составляют — 30,6 %, а молодняк — 30 %. Такое соотношение полов добытых оленей свидетельствует, что охота направлена на уменьшение и стабилизацию численности популяции. Интересно, что 60% оленей отстреляно в угодьях общественной организации охотников и лишь 21 % — в угодьях юридических и физических лиц.

За последнее десятилетие численность лани в Словакии увеличилась в 2,1 раза и достигла 12 831 ос., тогда как оптимальной считается 8 113 ос. В структуре популяции лани также доминируют самки — 41,1 %, самцов — 36,0 %, молодняка — 22,9 %. В процессе охоты в сезоне 2011/2012 гг. отстреляли 4 984 лани, что составляет всего 79,8% к плановому отстрелу. Среди отстрелянных ланей 42,6 % самок, 26,0 самцов и 31,4 % молодняка в возрасте до одного года.

С 2001 г. по 2011 г. численность муфлона увеличилась в 1,7 раза и достигла 13 883 голов. В половой структуре популяции муфлона 39,4 % самок, 34,4 самцов и 26,1 % молодняка. Фактический отстрел в сезоне 2011/2012 гг. составляет 4 353 особи, что составляет всего 67 % к плановому отстрелу.

Численность популяции косули за последнее десятилетие увеличилась на 27,9 % и составляет 110 943 особи, в том числе 38,9 % самцов, 38,8 % самок и 22,3% молодняка. В охотничий сезон 2011/2012 гг. отстреляно 23 653 косули, что на 5,7 % больше, чем было отстреляно в 2010/2011 гг., но на 30% меньше количества особей.

Европейский муфлон

В. Малеев

запланированных к отстрелу. Уменьшению численности косули способствовали и другие факторы — гибель животных (6 444 особей) и их отлов (38 особей) с целью расселения. Все же общее уменьшение численности популяции косули осталось на 11 % меньше от планового показателя ее отстрела, а фактическая численность осталась на 13,5 % большей, в сравнении с нормативной. Достижение нормативной численности усложняется тем, что в процессе охоты отстреливают на 7,0 % больше самцов, чем самок.

В 1969 г. в охотничьих угодьях Словакии было учтено 8 400 голов кабана. За последние 25—30 лет его численность увеличилась в 2—3 раза и в 2011 г. достигла 37 105 голов, что в 1,6 раза превышает нормативную. В структуре популяции кабана 43 % поросят, 28 % годовалых, 15 % взрослых самок и 14% взрослых самцов. План отстрела кабанов в охотничьем сезоне 2011/12 гг. выполнен на 89 %. Всего отстреляно 36 390 кабанов вместо запланированных — 40 837 особей. Положительным считается то, что среди добытых кабанов преобладает молодежь — 89,4 %, в том числе 36,7 % годовалых, 52,7 % порослят. Однако фактический отстрел годовалых кабанов на 14,2 % (1900 голов) превысил плановый показатель, а отстрел порослят был на уровне 80,0 % к плану. Поросят было отстреляно 19 189 голов, что на 4 876 голов меньше от количества, предусмотренного планом.

В высокогорьях Словакии распространена серна, численность которой составляет 931 особь. По специальным разрешениям в сезоне 2011/2012 гг. было отстреляно всего 9 голов этого вида охотничьих животных.

Ситуация с зайцем существенно отличается от ситуации с копытными. Его численность в течение последних десяти лет хотя и удерживается на уровне около 200 000 особей, но при этом имеет тенденцию к уменьшению. В 2011 г. было учтено 177 747 зайцев, что на 15% меньше по сравнению с численностью в 2001 г. В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. было отстреляно 13 219 зайцев, что на 1 254 особи меньше, чем в предыдущем. Фактический отстрел зайца составлял всего 57,9 % к плану. Кроме того, было отловлено живыми 2 897 голов, а количество погибших — 4 183 особи. Общее уменьшение численности популяции зайца составило 88,9 % от запланированного объема его добычи и 11,4 % от численности. Вследствие малой численности — 570 голов, охота на кролика дикого в Словакии не ведется.

В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. словацкие охотники отстреляли 19 492 лис (66,0 % их общей численности), 1 159 (12,4 %) барсуков, 417 (4,1 %) лесных куниц, 462 (4,9 %) каменных куниц, 132 (4,5 %) черных хорьков, 107 (2,1 %) ондатр, 479 (16,8 %) нутрий и 73 (9,9 %) енотовидных собак. Кроме того, было отстреляно 5 527 бродячих собак и 7 309 бродячих кошек.

Самый крупный краснокнижный хищник Европы в Словакии — медведь чувствует себя хорошо. Убедительным доказательством этого является увеличение его численности с 835 голов в 1990 г., до 2 067 голов в 2011 г. В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. на законных основаниях отстреляно 5 медведей, еще 3-х убили при самообороне, 17 голов погибло, в том числе 12 на путях транспорта и 5 по иным причинам.

Несмотря на то, что относительно отстрела другого крупного хищника — волка в Словакии идут дискуссии, в охотничьем сезоне 2011/2012 гг. было отстреляно 138 голов. Отстрел волка составляет всего 6,7 % его численности (2 065 голов). Кроме того, учтено 7 погибших волков. Общая численность популяции волка за последние 20 лет увеличилась в 2,8 раза.

В охотничьей статистике Словакии приводятся также данные по численности редких и исчезающих видов животных: лось — 3 особи, зубр — 26, бобр — 1 767, горностай — 1 502, ласка — 6 461, степной хорь — 1 344, выдра — 1 153, горный сурок — 779, рысь — 1 724, лесной кот — 2 963. Численность последнего за последние 20 лет увеличилась в три раза.

Среди пернатой дичи наиболее популярным объектом охоты в Словакии является фазан. Его разводят в угодьях специализированных хозяйств. Общая площадь таких хозяйств составляет 22 336 га, 4,4 % от общей площади охотничьих угодий, пригодных для его распространения. В этих хозяйствах в 2011 г. выпустили в природу 57 519 фазанов, что составляет 78,6 % от общего их выпуска по всей стране. В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. отстреляли 77 063 фазана, то есть 47,3 % их численности или 70,5 % к плановому отстрелу.

Второе место, после фазана, по количеству отстрелянных птиц занимает дикая утка, которую также разводят искусственно и выпускают в природу. В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. выпущено 4 619 уток, а отстреляно — 10 743, что на 7 533 утки меньше, чем в предыдущем сезоне.

Численность серой куропатки уменьшается из года в год. Например, в 1997 г. было учтено 30 000 серых куропаток, а в 2011 г. только 9 199 особей. В процессе охоты отстреляли всего 450 серых куропаток. Еще меньше отстреляно рябчиков, всего 7, при численности 3 805 особей. Из-за малой численности на глухаря (1260 особей), тетерева (814 особей), дрофу (159 особей) и горную куропатку (78 особей), в последние годы не охотятся вовсе.

Из других видов птиц охотниками отстреляно: 38 диких индеек, 621 гусь, 26 вальдшнепов, 1 134 вяхира, 2 103 кольчатые горлицы, 193 лысухи, 6 054 сороки, 2 436 сойки, 1 324 серые вороны и 368 грачей. В охотничьем сезоне 2011/2012 гг. в Словакии, в расчете на одного охотника, отстреляно 2,4 особи копытных, 1 особь пушных зверей

и 2,4 особи пернатой дичи.

Одной из наибольших проблем охотничьего хозяйства Словакии являются значительные размеры вреда, наносимого копытными сельскохозяйственным культурам и лесным насаждениям. Общая сумма ущерба в 2011 г. составляет 1,1 млн. евро, в том числе в сельском хозяйстве — 661,0 тыс. евро, в лесном хозяйстве — 451,8 тыс. евро.

Немало проблем создают медведи, которые в 2011 г. убили 9 коров и 143 овцы, разрушили 100 ульев и 60 биотехнических сооружений, повредили 144 плодовых дерева. Вследствие уничтожения 31 оленя, 26 косуль и 37 кабанов медведи нанесли значительный ущерб охотничьему хозяйству. Кроме того, зафиксировано около 40 случаев нападения медведей на людей. Общая сумма ущерба, нанесенного медведями в 2011 г., составляет 100 242 евро.

С 2008 г. в Словакии регистрируют ущерб, наносимый волками и рысями. Только в течение 2011 г. на всей территории страны волки зарезали 476 сельскохозяйственных животных, в том числе 19 коров, 446 овец и 9 коз. Много вреда нанесли волки и охотничьему хозяйству, они убили 1289 голов охотничьих животных: 600 оленей на сумму 434 415 евро, 343 косули (35 319 евро), 4 лани (1 063 евро), 2 муфлона (432 евро). Общая сумма ущерба, нанесенного волками, составляет 539 416 евро. В том же 2011 г. рыси убили 4 телят, 19 овец и 2 козы, чем нанесли ущерб на общую сумму 5 412 евро. Кроме того, уничтожили 833 косули (91 588 евро), 52 кабана (3 915 евро), 51 оленя (21 794 евро), 17 муфлонов (3 652 евро), 11 ланей (2 755 евро), 1 серну (5 000 евро), 30 зайцев (2 490 евро) и 75 голов других видов охотничьих животных на сумму 7 536 евро.

Много проблем возникает в охотничьем хозяйстве в связи с гибелью животных на путях транспорта. Только в течение одного 2011 г. на дорогах Словакии погибло 3 931 косуля (532 072 евро), 604 оленя (372 540 евро), 390 кабанов (70 312 евро), 120 ланей (36 278 евро), 26 муфлонов (5 884 евро), 12 медведей (29 546 евро), 6 волков (6 810 евро), 1 188 фазанов (19 453 евро), 2 765 зайцев (205 546 евро), 1 227 лис, 123 барсука, 13 куниц, 1 бобр, 5 выдр, 4 енотовидных собаки и 31 особь других охотничьих животных. Охотничье хозяйство понесло значительные потери, поскольку общая сумма ущерба достигла 1,3—1,5 млн. евро.

Пользователи охотничьих угодий возмещают ущерб путем денежной компенсации, продукцией охоты или услугами. Ущерб населению, нанесенный охраняемыми законом дикими животными, возмещается за счет местных и государственного бюджетов. Не решенной остается проблема возмещения потерь и ущерба, нанесенных охотничьему хозяйству вследствие гибели охотничьих животных на путях транспорта.

ВАЗГИДОВ З., БЛЮМ А. Общество охотников и рыболовов Дагестана	1
ДИГИЛЕВИЧ А. Лебеди	4
БЛЮМ А. Охота на глухаря осенью	6
ШЕВЧЕНКО А. Синее и желтое	8
ВЕХОВ Н. В. М. Зензинов. Записки об охоте на линных гусей	12
КОЧЕРГИН Н. Общий праздник	18
ДЕМЧЕНКО С. С гончими на медведя	20
КУЗЯЕВ А. Натаска легавых	22
ГУРОВ В. Дриллриг — универсальное трехствольное ружье	26
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация	28
БЛЮМ А. Разбросанные патроны	29
УСЬКОВ В. Спор	30
СТАРЧЕНКО Н. Закрайки	36
БИКУМЛЛИН А. На старице	39
ЗЕЛЕНИН А. Крылатая пастушка	41
ТИМОХОВ Б. На овсах	42
ДИАНОВ С. Кусочек счастья я отломил у осени	44
КОРЫТИН С. Собаки-умницы	45
ДЕЛЕГАН И. и другие. Организация и ведение охотничьего хозяйства в Словакии	46
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Птица-цветок

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Всегда вместе
Будущие красавцы

Фото А. Дигилевича

На третьей странице обложки:

Таким трофеем тоже можно позавидовать!

Фото А. Дигилевича

Издатель: ООО Издательский дом «Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Редактор отдела Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.07. 2014 г. Подписано к печати 05.08.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 4271.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Поле — 1) тропа (Плохой гон еще бывает во время пес-
трого поля или пестрой тропы (Н. П. Пахомов «Как охотить-
ся с гончими».); 2) одна охота с борзыми (за день может
быть несколько полей) **брать поле**; 3) один охотничий
сезон; **первополевая, первополевница** — легавая, гон-
чая или борзая собака, работающая первый сезон; **быть в**
поле, делать поле — охотиться. (Когда собака высво-
рится хорошо, не будет лезть под лошадь и забегать впе-
ред, тогда можно с ней делать настоящие охотничьи поля, т.
е. ездить с гончими или в наездку (П. Мачеварианов «За-
писки псового охотника».); **беречь поле** — стоя с борзы-
ми на лазу, ожидать зверя; **годиться в поле** — подходить
для использования на охоте; **полевая дрессировка (под-
готовка)** — подготовка собаки к натаске; **полевое тело**
— такая физическая форма, при которой собака может наи-
более продуктивно работать в поле; **приводить в полевое**
тело. (Производители (кобель и сука) во время сортиров-
ки (вязки — Е. Ц.) должны быть в полевом теле, т. е.
чтобы не были жирны; в противном случае, сколько суку не
вяжите — она окажется холостой (П. Мачеварианов «За-
писки псового охотника».); **сойти с поля** (о собаке) —
перестать охотиться по возрасту, либо по болезни; слово в
паре с глаголом «полевать», «заполевать» является произ-
водным от общезыкового «поле»; по мнению М. Фасмера,
оно связано с древнерусским «поль» открытый, свободный,
полюй и родственно латинскому «palat» «открыто, ясно»;
в большинстве языков обозначает открытое пространство
или пустошь; причина номинации, вероятно, заключается в
том, что развернутые действия комплектной охоты возмож-
но было производить только на более или менее открытой
территории вокруг «острова» — в поле.

Полевать — (устар.) охотиться; уже в словаре Д. Н. Уша-
кова имеется помета «охот. устар», однако в словаре В. И.
Даля «полевать стар. польничать, охотиться с ружьем или с
собаками (обратите внимание — не с самодельными ору-
диями — Е. Ц.); **полевание**, действие по знач. гл. охота,
полевания»; однако в статье «полесовать» «полевания» опре-
деляется как «ж. охота, полевание, звериний промысел. Когда
на полевню ехать (бежать), тогда и собак кормить»; таким
образом, вряд ли видится возможным утверждать отноше-
ния слова исключительно к промысловой или любительской
охоте, так как в тот период, когда оно было употребитель-
ным (вероятно, южно-русским), подобное разделение еще не
имело столь яркого характера; также нельзя однозначно
утверждать, что слово использовалось лишь для описания охо-
ты в полях: в современном охотничьем языке слово сохра-
нилось в форме **заполевать** — (об охотнике) добыть зверя
или птицу; **заполеваный** — (о звере) добытый (Опас-
ны заячьи глисты и для собак, которым никогда нельзя скар-
мливать сырые внутренности **заполеванного** зайца (Т. П.
Томилова «Зайцы и охота на них».); и его производные ис-
пользуются почти исключительно в сфере охоты с борзыми и
гончими.

Полевые испытания — испытания охотничьих собак,
проводимые специалистами-кинологами в полевых усло-
виях.

Полено — 1) хвост волка; 2) презрительный эпитет тяже-
лого, нескладного ружья (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотни-
ка»).

Половый — светло-палевый окрас борзой собаки, про-
исходит от «полова» — солома, возможны также **светло-**
**половая, красно-половая, полого-серая (половая с се-
рой остью)**. (Псовина обыкновенных псовых собак быва-
ет различных мастей, а именно: белая, черная, серая, чер-
ная с подпалинами, серая с подпалинами, светло-половая,
половая, красно-половая, красная, красная с **мазуриной,**
муругая, бурматная, темно-бурматная, черно-чубарая,
**красно-чубарая, серо-чубарая, полого-серая и всех озна-
ченных мастей — пегая (П. Мачеварианов «Записки псо-
вого охотника».)**)

Продолжение следует

Дорогие друзья!

Подписка на журнал

«Охота и охотничье хозяйство»

На год и первое полугодие 2015 года начинается в сентябре!

Нашему журналу в 2015 году исполнится 60 лет, это самое долгоживущее периодическое издание на тему охоты в России и странах СНГ. Изначально журнал «Охота и охотничье хозяйство» был научно-производственным, что и определило его содержание, рубрики были подобраны очень тщательно, поэтому мы их и сохранили - та информация, которую они несут, продолжает быть востребованной и сейчас, разумеется, с поправкой на время и обстоятельства.

Редакция старается сохранять установившиеся в журнале за многие годы традиции, общий вид и форму, и это не просто ностальгический позыв, а выраженное в этом уважение к нашим читателям и всем работникам журнала, которые сделали его таким, какой он есть в настоящее время.

Стремление властных структур и определенных кругов бизнес сообщества обезличить охотничьи угодья и произвести изъятие лучших, наиболее продуктивных угодий в свое пользование определило государственную политику по отношению к охоте в нашей стране. Однако борьба за возрождение охотничьего хозяйства как отрасли продолжается, и наш журнал старается всеми силами способствовать этому процессу.

Мы выполняем стоящую перед нами задачу: информируем читателей о состоянии дел в охотничьем хозяйстве страны, пропагандируем правильную охоту, последовательно отстаиваем права и свободы охотника, стремимся делать всё, чтобы охота в нашей стране осталась доступным увлечением для лучшей части нашего населения.

Рост цен на энергоносители и услуги в нашей стране не обходит стороной и журнал – мы вынуждены поднимать цену на него, но по желанию наших читателей практически не печатаем рекламу и выпускаем его только на деньги подписчиков, т.е. на Ваши деньги. К сожалению, число подписчиков уменьшается, поддержите нас, давайте вместе сделаем так, чтобы это уникальное охотничье издание не исчезло!

Подписывайтесь на наш журнал, читайте и пропагандируйте его, пишите нам письма, задавайте вопросы! Редакция со своей стороны постарается сделать его интересным и познавательным для всех поколений охотников!

Фото Н. Кочергина

**Наши подписные индексы: 70673 – на полгода, 72376 – на год
по каталогу агентства «Роспечать»**